

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Психологии Российской Академии Наук»

На правах рукописи

КЛЫПА Ольга Викторовна

**ГЕНЕЗИС
РУССКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД**

Специальность – 19.00.01 “Общая психология, психология личности,
история психологии (психологические науки)”

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора психологических наук

**Москва
2017**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

ГЛАВА 1

Теоретическое и методологическое обоснование изучения становления и развития отечественной психологической мысли в средневековый период	22
--	----

§ 1. 1. Историографический анализ исследования проблемы генезиса русской психологической мысли в средневековый период.....	22
§ 1. 2. Методологические подходы и принципы исследования.....	46
§ 1. 3. Источниковая база изучения генезиса психологической мысли русского средневековья.....	59
§ 1. 4. Методы исследования генезиса психологической мысли русского средневековья.....	66
§ 1. 5. Логико-селективный анализ информации вторичных источников как продуктивный способ исследования генезиса психологической мысли русского средневековья	72
§ 1. 6. Моделирование генезиса психологической мысли в период русского средневековья.....	78
Выводы.....	84

ГЛАВА 2

Сущность психологической мысли русского средневековья и детерминанты ее развития	87
---	----

§ 2. 1. Феномен психологической мысли русского средневековья.....	87
§ 2. 2. Символический характер фиксации психологического познания в	

период русского средневековья.....	89
§ 2. 3. Детерминанты развития психологической мысли русского средневековья.....	95
§ 2. 4. Генетические уровни, формы, способы и предметные области психологического познания в период русского средневековья	105
Выводы	112

ГЛАВА 3

Психологические воззрения в системе восточнославянского язычества

.....	114
§ 3. 1. Специфика отражения психологических идей в языческом мировоззрении.....	114
§ 3. 2. Репрезентация психологических воззрений в обычаях, обрядах, поверьях.....	125
§ 3. 3. Ритуальные способы психологического познания и психотерапевтического воздействия на человека.....	144
§ 3. 4. «Народная словесность» как форма фиксации психологических воззрений.....	154
§ 3. 5. Представленность психологических воззрений в поговорках.....	170
Выводы.....	177

ГЛАВА 4

Психологические воззрения в рамках русской православной традиции

.....	179
§ 4.1. Репрезентация психологических воззрений в литературе русского средневекового периода.....	180
§ 4.2. Психологический контекст древнерусской иконописи.....	241
§ 4.3. Православные формы познания человеческой души и приемы психотерапевтического воздействия.....	265

§ 4.4. Психологические знания как предмет преподавания в духовных семинариях.....	287
Выводы.....	301
ГЛАВА 5	
Психологическая мысль русского средневековья как система формирования психологического познания.....	303
§ 5.1. Особенности психологического познания периода русского средневековья.....	303
§ 5.2. Филиация психологических идей в русской психологии.....	317
Выводы	329
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	332
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	338

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

В настоящее время в условиях преобразования российского общества, во многом связанного с поиском официальной национальной идеи, основанной на общечеловеческих идеалах, нормах и ценностях, в период, когда во многих государствах сознательно разрушается историческая память, переписывается история, в том числе и история Древней Руси (особенно активно этот процесс протекает на Украине), закономерно расширяется и углубляется интерес к истории России в целом и к истории русской психологии в частности. Значимость и актуальность приобретает исследование исторического опыта наших предков, их духовных устремлений и традиций. Психолого-педагогические идеи прошлого звучат современно и должны быть обращены на пользу сегодняшней системы воспитания подрастающего поколения, стать ориентиром в практической деятельности психологов и педагогов.

Исследование генезиса русской психологической мысли средневековья важно в научном отношении как условие раскрытия зарождения и развития основных психологических идей, детерминант их формирования, репрезентации психологических воззрений с учетом национально-культурных особенностей восточных славян, филиации в развитии отечественной психологии. Осмысление начального периода в истории психологической мысли поможет воссоздать более точную целостную картину развития отечественной психологии. Осознание сущности русской средневековой психологической мысли позволяет раскрыть самобытность отечественной психологии, ее обусловленность историческими и социокультурными процессами, что, в свою очередь, открывает возможность для более полного осмысления в современных условиях тех ценных традиций в познании

психических явлений, внутреннего мира человека, которые закладывались у истоков истории и культуры нашего народа.

Психологические воззрения в период русского средневековья формировались, расширялись и обогащались в контексте и в связи с развитием русской культурно-исторической действительности, они возникали и кристаллизовывались в лоне мифологии, религии, бытовой жизни народа.

Следует отметить, что в научной и учебной литературе анализ развития древневосточной (индийской, китайской) и античной психологической мысли представлен значительно глубже, чем отечественной психологии средневекового периода. История отечественной психологии представлена в учебной литературе в более ограниченном временном масштабе: ее освещение начинается с XVIII – XIX столетий. Проблема возникновения и развития русской психологической мысли в средневековый период до сих пор остается недостаточно изученной. Между тем, на наш взгляд, именно самобытность психологической мысли русского средневековья определила особенности дальнейшего развития отечественной психологии. Пришло время пробуждения и распространения историко-психологического сознания, направленного на преобразование исторического миропонимания в самосознании и культуре нашего народа. Психология русского средневековья (наряду с психологией Древнего Востока, Античности, Возрождения) должна быть признана историками психологии как важный и самоценный период в истории психологической мысли.

Стремление осмыслить особенности генезиса психологической мысли в период русского средневековья в основных истоковых формах ее репрезентации: мифологии, фольклоре, обрядах, поговорках, древнерусской литературе, иконописи, – определило основную *проблему* нашего исследования.

В практическом смысле обращение к ранним этапам в развитии психологической мысли должно способствовать формированию у

специалистов-психологов и студенческой молодежи адекватных представлений о древности и самобытности истории отечественной психологии, ознакомит их с традиционными основами образа жизни и мировосприятия русского народа, особенностями его менталитета.

Таким образом, **актуальность темы исследования** определяется потребностью в раскрытии периода становления отечественной психологической мысли, в выявлении ее специфических особенностей, культурной и исторической обусловленности с целью воссоздания целостной картины развития психологии в России, а также в использовании полученных данных в современных психолого-исторических исследованиях и преподавательской работе по профессиональной подготовке специалистов-психологов.

Состояние разработанности проблемы

История отечественной психологии, представленная в работах К.А. Абульхановой, Б.Г. Ананьева, Л.И. Анцыферовой, В.В. Аншаковой, О.А. Артемьевой, С.А. Богданчикова, В.В. Большаковой, Е.А. Будиловой, В.А. Елисеева, А.Н. Ждан, Е.А. Климова, В.А. Кольцовой, Н.А. Логиновой, В.А. Мазилова, Т.Д. Марцинковской, А.М. Медведева, Е.С. Миньковой, А.А. Никольской, О.Г. Носковой, Ю.Н. Олейника, А.В. Петровского, Б.Н. Рыжова, С.Л. Рубинштейна, Б.Н. Тугайбаевой, А.Н. Харитонова, В.А. Якунина, М.Г. Ярошевского и др., охватывает хронологический период после XVII в. Необходимо признать, что в отечественной психологической литературе чрезвычайно мало работ, непосредственно связанных с заявленной темой (О.М. Гуменская, В.А. Карацан, В.А. Роменец, М.В. Соколов и др.).

Проведенный нами источниковедческий анализ, нацеленный на выявление и установление полноты информации по заявленной теме, позволяет заключить, что исследования генезиса, особенностей формирования русской

психологической мысли периода средневековья как целостного феномена начального периода развития отечественной психологии до настоящего времени не проводилось.

В религиозно-философской литературе конца XIX – начала XX вв. (время, когда психология окончательно приобрела статус самостоятельной научной дисциплины) специальных работ, посвященных изучению развития психологической мысли в древнерусский период, не обнаружено. Этот пробел в историко-психологическом направлении, на наш взгляд, детерминирован позицией русских исследователей древнерусского идейного наследия, которые, как правило, отрицали существование особого древнерусского этапа в истории русской философии. По европейским меркам, многие авторитетные отечественные ученые XVIII – начала XX вв. (Г.Ф. Бужинский, А.И. Введенский, А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, Н.М. Карамзин, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский, Г.В. Плеханов, Э.Л. Радлов, В.Н. Татищев, С.Л. Франк, П.Я. Чаадаев, Н.Г. Чернышевский, Г.Г. Шпет, А.П. Щапов и др.) не усматривали в прошлом нашей страны философской, тем более психологической мысли.

Вместе с тем просматривалась и другая позиция, состоящая в признании русского средневекового периода как особого начального этапа развития отечественной философской мысли, на наш взгляд, и психологической (И.С. Аксаков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин и др.).

Следует отметить работы М.В. Безобразовой, вышедшие в конце XIX в., в которых автор обратила внимание научной общественности на древнерусские произведения («Диоптра», «Пчела» и др.).

Ценный вклад в изучение культуры Древней Руси внес Д.С. Лихачев. В монографии «Человек в культуре Древней Руси» (1954) он впервые обосновал правомерность взгляда на культуру как на отражение психологических представлений о человеке.

Религиозно-мировоззренческие положения русской средневековой культуры раскрываются в трудах таких ученых, как М.А. Алпатов, Г.К. Вагнер, Н.Н. Воронин, М.Н. Громов, А.Ф. Замалеев, В.А. Зоц, В.В. Иванов, А.И. Клибанов, Н.С. Козлов, В.Н. Лазарев, С.В. Перевезенцев, Г.М. Прохоров, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, В.Н. Топоров, П.А. Флоренский, Л.А. Чёрная, Л.Ф. Шеховцова и др.

Неоценимый вклад в изучение древнерусской психологической мысли внес М.В. Соколов, утверждавший, что отечественная психология развивалась на почве традиций, уходящих своими корнями в далекое прошлое Руси: уже в литературных памятниках XI – XII вв. можно найти психологические суждения, которые отражают психологические воззрения античной научной мысли. Однако в работах М.В. Соколова особенности психологических воззрений в русский средневековый период рассматриваются только с позиции их репрезентативности в памятниках средневековой литературы. В его работах не получили должного освещения другие формы репрезентации психологических воззрений, недостаточно детально определена специфика социально-культурного контекста, в рамках которого происходило зарождение и развитие психологической мысли в этот временной период, не представлена целостная система генезиса русской средневековой психологической мысли. Он ставил своей задачей дать лишь ряд очерков, раскрывающих некоторые наиболее яркие моменты в истории развития русской психологической мысли.

В работах В.А. Карашана, Е.А. Климова и О.Г. Носковой, Ю.Н. Олейника, А.В. Роменца и др. рассматриваются лишь отдельные вопросы зарождения и развития в период русского средневековья идей, касающихся проблем индивидуальных различий, психологии труда, военной психологии.

Таким образом, обзор литературы выявляет недостаточность историко-психологических исследований, посвященных осмыслению основных идей и тенденций развития психологической мысли русского средневековья, ее своеобразия, значения в развитии отечественной психологии.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают исторический период русского средневековья: от дохристианского периода до XVIII в. – начала эпохи Просвещения в России.

Объект исследования – процесс зарождения и развития психологической мысли русского средневековья.

Предмет исследования – психологическая мысль русского средневековья как детерминированная система формирования воззрений, отражающих представления о психических явлениях, репрезентированных в разных формах общественного сознания.

Цель исследования – выявление характерных особенностей становления и развития психологической мысли русского средневековья (раскрытие ее содержания, форм репрезентации и специфических черт) посредством историко-психологического анализа древнерусского письменного наследия и трудов ученых XX – XXI вв., а также осмысление ее значения в отечественной истории психологии.

Для достижения поставленной цели исследования определены следующие **задачи**:

1. Провести междисциплинарный анализ методологических, теоретических подходов к исследованию проблемы генезиса отечественной психологической мысли в период русского средневековья.
2. Разработать системную модель генезиса русской психологической мысли IX – XVII вв. как единого процесса со своим внутренним содержанием и основными тенденциями развития.
3. Определить и охарактеризовать сущность психологической мысли русского средневековья и детерминанты ее развития.
4. Раскрыть основное содержание психологических воззрений в системе восточнославянского язычества и православного вероучения через различные формы репрезентации.

5. Выделить характерные черты русской средневековой психологической мысли как системы формирования психологического познания.
6. Обосновать непрерывность развития основополагающих психологических идей русского средневековья в истории отечественной психологии.

Методологическую основу исследования составили фундаментальные положения системного подхода, предполагающего целостный и всесторонний анализ исследуемого явления, выявление системы его детерминант (Б.Г. Ананьев, О.А. Артемьева, В.А. Барабанщиков, А.Н. Ждан, А.В. Карпов, В.А. Кольцова, Б.Ф. Ломов, Е.С. Минькова, Ю.Н. Олейник, С.Л. Рубинштейн, Б.Н. Рыжов, Е.Б. Старовойтенко и др.); комплексного подхода, ориентирующего на использование данных об изучаемом объекте, полученных в разных областях научного знания (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, В.В. Аншакова, Е.А. Будилова, В.В. Большакова, А.Н. Ждан, В.А. Кольцова, Т.Д. Марцинковская, А.В. Петровский, О.С. Поршнева, В.А. Роменец, А.А. Смирнов, М.В. Соколов, Б.М. Теплов, А.В. Юревич, В.Я. Якунин, М.Г. Ярошевский и др.)

В качестве основных принципов, использованных в исследовании, были выделены принципы историзма, детерминизма, системности, развития, единства логического и исторического, объективности историко-психологического исследования, периодизации и преемственности развития психологического знания.

Теоретическим основанием исследования послужили работы по истории отечественной психологии (Б. Г. Ананьева, Е.А. Будиловой, А.Н. Ждан, В.А. Кольцовой, И.П. Манохи, В.А. Роменца, М.В. Соколова и др.), по психологии человека (Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-Славской, Б. С. Братуся, С.Л. Рубинштейна, Е.Б. Старовойтенко и др.), по христианской психологии (О.А. Артемьевой, Б.С. Братуся, А.А. Гостева, В.А. Елисеева, Ю.М. Зенько, В.А. Соснина, Т.А. Флоренской, Л.Ф. Шеховцовой и др.), работы философов (С.М. Авдеева, В.В. Вернадского, А.А. Галактионова,

В.С. Горского, М.Н. Громова, О.Б. Ионайтис, Н.С. Козлова, В.Ф. Пустарнакова и др.), историков (М.Блока, Б.Д. Грекова, Н.С. Державина, Г.М. Иванова, С.В. Перевезенцева и др.), культурологов (В.В. Бычкова, О.С. Осиповой, Н.И. Толстого, Л.А. Успенского, Л.А. Чёрной и др.), филологов (Н.К. Гудзия, Д.С. Лихачева, Н.К. Никольского, Г.М. Прохорова, М.Н. Сперанского и др.), религиозно-философских мыслителей (В.В. Зеньковского, Е.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского и др.), в большей или меньшей степени связанные с исследуемой проблемой.

В работе применялись следующие **методы исследования**:

- *организационные*: структурно-аналитический, генетический;
- *сбора и интерпретации фактологического материала*: источниковедческий анализ, герменевтический метод, метод психолого-исторической реконструкции; метод тематического анализа.

Наряду с обозначенными методами использован авторский способ отбора и реконструкции материала по теме исследования – логико-селективный анализ информации вторичных источников.

Достоверность полученных результатов исследования и формулируемых обобщений основывается на реализации основных методологических принципов историко-психологического исследования, на использовании широкой источниковой базы и фактологического материала из произведений литературы средневековой Руси, на анализе работ современных авторов, чьи исследования позволили осуществить ретроспективный обзор генезиса психологической мысли русского средневековья.

Основные источники исследования: научные публикации, монографии по истории, философии, истории психологии, культурологии, филологии, этнологии, искусствоведению, каким-либо образом отражающие особенности психологической мысли русского средневековья; фольклорные

произведения (былины, сказки, загадки, паремии); памятники литературы средневековой Руси.

При формировании источниковой базы исследования генезиса психологической мысли русского средневековья были учтены принципы, предложенные В.А. Кольцовой: «объективности, валидности, полноты и репрезентативности, комплексности, системно-иерархического строения источниковой базы, единства логического и исторического» [176, с. 302 – 303].

Положения, выносимые на защиту

1. В истории отечественной психологии проблема возникновения и развития русской психологической мысли до XVIII в. недостаточно исследована. Вместе с тем необходимо признать наличие особого периода в развитии отечественной психологии – начального, хронологически относящегося к периоду русского средневековья. Психологическая мысль русского средневековья представлена как детерминированная система формирования воззрений, отражающих представления о психических явлениях, репрезентированных в разных формах общественного сознания.

2. Психологическая мысль русского средневековья может быть описана следующими категориальными признаками: детерминанты генезиса; уровни психологического познания, формы репрезентации психологических воззрений; ключевые психологические идеи; предметные области психологических воззрений; способы психологического познания и психотерапевтического воздействия; функции психологического познания, персоналии.

3. Психологическая мысль русского средневековья рассматривается как система формирования воззрений о психических явлениях с собственным способом кодирования психологических идей, характеризующихся антропоцентризмом, иррационализмом, интуитивизмом, имплицитностью,

экзистенциальностью, конкретностью репрезентации, что и определило ее самобытность.

4. Для создания обобщенной, системной картины генезиса русской психологической мысли в средневековый период необходимо использование междисциплинарного подхода в исследовании и, наряду с известными методами в истории психологии, применение особого способа отбора и реконструкции материала по теме исследования – «логико-селективного анализа информации вторичных источников», суть которого состоит в выявлении, эксплицировании, ре- и до интерпретации информации (с учетом выделенных критериев), косвенно представленной в неоднородных видах источников разных областей знания, позволяющих судить о генезисе психологической мысли русского средневековья. Для исследования данного генезиса первичные и вторичные источники являются равноценными по значимости, поскольку вторичные источники основаны на глубоком изучении специалистами вопросов, косвенно затрагивающих исследуемую проблему, что позволяет использовать способ компилирования, направленного на создание существенно нового материала с собственной проблематикой и структурой.

5. Психологическая мысль русского средневековья эволюционировала количественно и качественно, становилась более высокоразвитой, более дифференцированной в структурном отношении и более специализированной функционально. Наблюдается структурно-уровневое преобразование психологической мысли русского средневековья: от устной формы к письменной; от коллективного творчества к индивидуальному; от мифического, бытового, сакрального уровня к религиозно-философскому, секулярному. Первоначально отражение психологических идей осуществлялось в таких символических формах, как ритуалы, обряды, поверья, устное народное творчество, заговоры, гадания, что связано с развитием языческого мировоззрения. Позднее психологическая мысль получила отражение в православных символах: исповедь, покаяние, молитва, иконопись, исихазм. С

процессом секуляризации психологические воззрения стали приобретать более научный характер, осуществлялось формирование психологических категорий. В XVII в. психология стала предметом изучения в образовательных учреждениях.

6. Психологическая мысль русского средневековья имела характерные черты, связанные с влиянием мировоззренческих установок: языческой мифологии и православной религии. Влияние этих факторов определило самобытность психологической мысли русского средневековья: психологическое познание по своей сути было практико-ориентированным, направленным на овладение практическими умениями решать психологические проблемы, и антропологически ориентированным, так как первичной и определяющей была проблема раскрытия экзистенциально-бытийной сферы личности, ее совершенствования. Психологические идеи были репрезентированы в разных сферах общественного сознания и практики, в рамках которых в этот период осуществлялось накопление и осмысление психологической фактологии. Основными формами отражения психологического познания являлись наглядно-практические приемы (обряды, ритуалы), чувственно-наглядные образы (иконопись), психологические суждения и категории.

7. В период русского средневековья были обозначены основные психологические *проблемы* (идея разграничения внутреннего и внешнего миров; природа души, ее структура, функции; связь души с телесной организацией человека; бессмертие души; детерминанты психического развития; идея духовного самосовершенствования; возрастные изменения душевной жизни человека; значение детства в становлении личности человека; гендерные особенности; индивидуально-типологические особенности человека; идея самовласти, свободной воли человека; способы психологического познания и психотерапевтического воздействия) и *предметные области психологических воззрений* (индивидуально-психологическая, социально-

психологическая, психолого-педагогическая, этнопсихологическая, психодиагностическая, психотерапевтическая), базирующиеся на языческом и православном мировоззрении и выполняющие познавательную-объяснительную, информативно-регулятивную, психотерапевтическую, аксиологическую и экзистенциальную функции. Эти психологические идеи и предметные области получили дальнейшее развитие в философско-психологических взглядах ученых в XVIII – начале XX вв. до Октябрьской революции, а затем в конце XX – начале XXI вв., что свидетельствует о филиации психологических идей в русской психологии. В настоящее время развивается отечественная православная психология, в которой с позиции христианского учения рассматриваются вопросы о психических процессах, состояниях, свойствах, разработаны принципы православной психотерапии.

Научная новизна результатов исследования

1. Разработана модель системного исследования генезиса русской психологической мысли средневекового периода.

2. Предложен и обоснован используемый в работе логико-селективный способ историко-психологического исследования, ориентированный на реализацию комплексного подхода и предполагающий привлечение и тщательную текстологическую работу над источниками в области истории, истории психологии, философии, культурологии, этнологии, филологии, искусствоведения и др., касающимися проблем развития культуры, мировоззрения периода средневековья, разных аспектов знания о человеке, его картины мира.

3. Впервые проанализированы особенности развития психологических взглядов, идей, зародившихся и развивавшихся в период становления Руси и русского средневековья, выделены основные детерминанты, определившие их национальную самобытность.

4. Раскрыты и уточнены особенности формирования психологической мысли через знаковые формы: ритуалы, обряды, поверья; устное народное творчество; иконопись и др.

5. Выявлены и проанализированы сущностные характеристики психологической мысли русского средневековья как начального периода отечественной психологии.

6. Предложена и обоснована эволюционная картина генезиса психологической мысли, согласно которой вненаучные формы психического познания не только предшествуют возникновению научной мысли, но и служат необходимой базой для ее возникновения и развития.

7. Впервые в истории отечественной психологии иконописные произведения эксплицированы в качестве символической формы репрезентации психологической мысли русского средневековья.

8. Проанализированы произведения русской средневековой литературы в психологическом аспекте.

9. Установлено сохранение духовно-психологического наследия русского средневековья в истории отечественной психологии.

Теоретическая и практическая значимость исследования

В работе впервые раскрываются особенности возникновения и развития психологической мысли в средневековый период. Подчеркивается, что русская средневековая психологическая мысль, несмотря на связи с западноевропейской культурой, не носила подражательного характера, а имела свою специфику. В работе выделены характерные черты русской средневековой психологической мысли.

Применение способа логико-селективного анализа информации вторичных источников позволило с позиции комплексного подхода исследовать возникновение и развитие русской психологической мысли

средневекового периода, раскрыть культурно-исторические детерминанты. Язычество и православие определили особый характер психологических воззрений о человеке как таковом, о его внутреннем мире, соотношении внутреннего и внешнего, иерархии ценностей, а также формы отражения и распространения психологических воззрений. Исходя из критериев научности, психологические идеи русского средневековья не являются собственно научными знаниями, поскольку эмпирически и теоретически не обоснованы, носят знаково-символический характер. Однако именно в этот исторический период закладывались основы психологического познания человека, которые в будущем определили философско-религиозное направление в отечественной психологии. В работе доказано, что психологическая мысль в период русского средневековья количественно и качественно трансформировалась, становилась более дифференцированной в формах репрезентации, способах психологического познания и психотерапевтического воздействия.

Осуществлен анализ психологических воззрений русского средневековья, представленных в разнообразных символических формах: ритуалы, обряды, поверья; устное народное творчество; библейская литература; иконопись и др.

Описаны приемы психологического познания и психотерапевтического воздействия на человека, используемые в период русского средневековья: обряды, заговоры, гадания, исповедь, покаяние, молитва и др. Показано, что психологическая мысль русского средневековья в большей степени была ориентирована на решение определенных прикладных задач.

Психологическая мысль русского средневековья – чрезвычайно интересный объект историко-психологического анализа. Теоретические выводы данного исследования позволяют заполнить существующие пробелы в разделах истории психологии о зарождении и развитии русской психологической мысли.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты могут найти применение в учебно-педагогической практике: в вузовских курсах лекций и на семинарских занятиях по истории психологии и

другим гуманитарным дисциплинам (культурологии, истории, литературоведению, этнологии, педагогике и др.).

Представленный в работе материал расширяет представления о русской средневековой культуре, способствует пониманию ее психологических контекстов, что значительно дополняет историю отечественной психологии. Материалы диссертационного исследования дают основание для научных дискуссий и дальнейших исследований по отдельным проблемам заявленной темы.

Апробация исследования

Апробация результатов исследования осуществлялась при обсуждении хода поэтапной работы над диссертацией в лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, на методологических семинарах педагогического факультета Северо-Восточного государственного университета.

Основные положения диссертации, а также полученные результаты излагались автором в докладах и сообщениях на различных научных конференциях регионального, всероссийского и международного уровня:

- Межрегиональной научно-практической конференции «Теорія та практика педагогіки життотворчості» (Запорожье, 2007г.);
- Международной конференции по истории психологии «Московские встречи» (Москва, 30 июня – 03 июля 2009 г.);
- I Международном образовательном форуме «Личность в едином образовательном пространстве» (Запорожье, 5–7 мая 2010 г.);
- I Дистанционной международной научно-практической конференции «Модернизация системы образования в глобальном образовательном пространстве» (Туркестан, 22–25 декабря 2010 г.);
- Всероссийском методологическом семинаре «Арзамасские чтения – основные

- направления развития отечественной и зарубежной психологии» (Арзамас, 15–17 сентября 2011 г.);
- Международной научно-практической конференции «История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы» (Пенза – Белосток – Прага, 25–26 ноября 2011 г.);
 - XII Областных Рождественских образовательных чтениях «Просвещение и нравственность: православная культура в региональном образовании» (Магадан, 27–28 января 2012 г.);
 - VII Международной научно-практической конференции «Личность в межкультурном пространстве» (Москва, 15–16 ноября 2012 г.);
 - Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной психологии и педагогики: новые технологии и перспективы» (Харьков, 27–28 сентября 2013 г.);
 - The First International Congress on Social Sciences and Humanities. Proceedings of the Congress (Vienna, 10 December, 2013);
 - VI Научных чтениях (Магадан, 1–8 февраля, 2013 г.);
 - IV Международной научно-практической конференции «Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика, решения» (Барнаул, 26 марта 2014 г.);
 - 1st International Conference: Collection of Research Papers (Montreal, March 7, 2014);
 - Международной научно-теоретической конференции по истории психологии: «500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic)» (Черногорск, 27 апреля 2014 г.);
 - научном семинаре лаборатории истории психологии и исторической психологии и лаборатории психологии личности Института психологии РАН «Актуальные направления психологических исследований» (Москва, 25 июня 2015 г.);

- IV Международной научной конференции «Проблемы и перспективы современной науки» (Москва, 26 февраля 2016 г.);
- Всероссийской научной конференции «Историогенез и современное состояние российского менталитета – 2» (Москва, 24 марта 2016 г.);
- экспертном методологическом семинаре Института психологии РАН по теме докторской диссертации «Генезис психологической мысли в период русского Средневековья» (Москва, 02 марта 2017 г.).

Материалы диссертационного исследования нашли отражение в преподавательской и научной деятельности автора. В течение 2003–2014 гг. они использовались в историко-психологических курсах, читаемых на педагогическом факультете Северо-Восточного государственного университета для студентов (специалисты, бакалавры, магистры): «История психологии», «История возрастной психологии», «Истоки психолого-педагогической мысли в России»; в разработке проблематики курсовых и дипломных работ.

Основное содержание диссертации отражено в 44 публикациях (в том числе трех монографиях, одном учебном пособии с грифом УМО по образованию в области подготовки педагогических кадров, семнадцати научных статьях в журналах, рецензируемых ВАК РФ). Отдельные части работы отмечены дипломами.

Структура диссертации

Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, общим объемом в 374 страницы. Библиографический список включает 423 наименования. В тексте содержатся 29 рисунков и 3 таблицы.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИЗУЧЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

§ 1. 1. Историографический анализ исследования проблемы генезиса русской психологической мысли в средневековый период

Историографический анализ, являясь начальной, исходной стадией проведения научного исследования, предусматривает проработку конкретно-исторической проблемы в научной литературе и выявление пробелов, позволяющих определить перспективные направления для новых исследований. Изучение новой научной проблемы должно основываться на результатах историографического анализа, полнота и основательность которого способны обеспечить его глубину и познавательную ценность. Б.М. Теплов подчеркивал, что относительно истории психологии историографический анализ дает возможность установить перспективы использования различных источников в историко-психологических исследованиях, а также осуществить научную рефлексию психологической мысли [369].

Историографический анализ направлен на определение степени изученности объекта исследования в предыдущие периоды времени, на установление имеющихся пробелов, нерешенных и спорных вопросов. На этой основе он позволяет выдвинуть исследовательскую цель и задачи [172, с. 225–226].

Выявление аспектов, ранее не рассмотренных в исследуемой нами проблеме, позволяет по новому осмыслить генезис русской психологической

мысли и ее самобытность, понять логику ее развития, показать сохранение духовно-психологического наследия русского средневековья в истории отечественной психологии.

Таким образом, историографический анализ является обязательным условием, обеспечивающим научность, всесторонность нового конкретно-исторического исследования.

Проведенный нами историографический анализ позволил выявить имеющийся опыт в исследовании интересующей нас проблемы, степень ее изученности, наименее разработанные по содержанию и хронологии аспекты.

В качестве предмета историографического анализа мы определили содержание основных генетических уровней психологического познания и форм репрезентации психологических воззрений в период русского средневековья.

В первую очередь были проанализированы исторические исследования С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, позволившие выявить общее состояние развития русской культуры средневекового периода. Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) в своем фундаментальном исследовании «История России с Древнейших времен» рассмотрел проблемы зарождения Древней Руси как государства, его развития под влиянием географического, политического и прочих факторов. Ученый характеризовал Древнюю Русь как отсталую сельскохозяйственную страну с натуральным хозяйством, слабо развитыми городами и городской культурой («страну сел»). Причину этого С.М. Соловьев видел в постоянном перемещении, «кочевании» русских людей по огромной равнине европейской части страны, что обуславливает отсутствие укорененности, «жидкое состояние», в котором долго пребывал русский народ, и его отставание в цивилизационном развитии от европейских стран. Примечательно, что автор не уделял должного внимания развитию религиозной философско-психологической мысли рассматриваемого периода, что ставит под сомнение его вывод о культурной отсталости Руси.

Его ученик Василий Осипович Ключевский (1841–1911), впервые обративший пристальное внимание на культуру Древней Руси как проявление общественного сознания и развития личности, называл русскую средневековую мысль «засидевшейся на Требнике» (слово «треба» в древнерусском языке имело сакральный смысл и означало: «жертва», «жертвоприношение», «молитва», «исполнение священного обряда»), говорил об отсталости страны от соседних европейских государств. Вместе с тем он отмечал огромную созидательную работу русских людей, которые в неимоверно сложных природно-географических условиях, в тяжелой борьбе с природой («с лесами и болотами своей страны») благодаря огромным усилиям создавали материальные основы своей жизни. Именно жизненные трудности, по его мнению, способствовали формированию таких черт русского национального характера, как непритязательность, способность стойко переносить лишения, выносливость, удивительная наблюдательность и работоспособность.

Далее для выявления логики разработки данной проблемы мы обратились к религиозно-философской литературе конца XIX – начала XX вв., когда психология окончательно приобрела статус самостоятельной научной дисциплины. С этой целью были изучены статьи в журналах «Вопросы философии и психологии», «Вопросы философии и религии», «Церковный вестник» за период с 1889 по 1918 г., просмотрен библиографический указатель «Философское содержание русских журналов начала XX в. Статьи, заметки и рецензии в литературно-общественных и философских изданиях 1901–1922 гг.» [385]. Анализ этих изданий показал наличие статей, косвенно затрагивающих интересующую нас проблему. Например, статьи о развитии древнегреческой философии и религии (А.О. Маковельский, 1914; И.В. Попов, 1909; В.Ф. Саводник, 1895; В.С. Соловьев, 1899; 1900; Е.Н. Трубецкой, 1890; 1891; А.И. Введенский, 1893; С.Н. Трубецкой, 1894); об отношении между психологией и культурой (А. Болтунов, 1915; В.Е. Виндельберг, 1915); о начальных основаниях космологии, рациональной психологии и нравственной

философии (В.Д. Кудрявцев-Платонов, 1890); о язычестве и христианстве (С.Н. Трубецкой, 1891); о психологических основаниях религии (М.О. Вержболович, 1898). Специальных работ, посвященных изучению развития философско-психологической мысли в русский средневековый период, мы не обнаружили.

В ходе работы в библиотеках Московской духовной академии в Троице-Сергиевой лавре (г. Сергиев Посад) и Синодальной библиотеке в Свято-Даниловском монастыре (г. Москва) в 2010 г. с архивным материалом, отражающим темы научных трудов богословов и выпускников Московской духовной академии конца XIX – начала XX вв., установлено отсутствие интереса к рассматриваемой проблеме, несмотря на то, что исследования древнерусской религиозно-философской мысли осуществлялись уже в XVIII в. Так, в работах Василия Никитича Татищева (1686–1750), Николая Михайловича Карамзина (1766–1826) анализируются некоторые древнерусские источники. Однако в их работах вопрос о развитии философско-психологической мысли в средневековый период не рассматривался.

Этот пробел в историко-религиозно-психологическом направлении, на наш взгляд, детерминирован, начиная с XVIII века, позицией русских мыслителей древнерусского идейно-культурного наследия, которые, как правило, отрицали существование особого древнерусского этапа в истории русской философии. Так, Гавриил Федорович Бужинский (1680–1731), епископ Рязанский и Муромский, разработавший и читавший философию в Славяно-греко-латинской академии, отмечал, что в древние века на Руси ни философов, ни даже самого названия философии не было [224].

Скептическое отношение к древнерусскому культурному наследию было поддержано большинством русских философов XIX столетия. К примеру, Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) в своем труде «Философские письма» дал презрительную характеристику отечественной культуры: «дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жесткое и унижительное,

дух которого национальная власть унаследовала, – вот печальная история нашей юности» («Письмо первое»). Он с сожалением утверждал, что у России нет прошлого («...мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя... наши воспоминания не идут дальше вчерашнего дня»), что всем своим приобретениям она обязана западным идеям, что культура России является «всецело заимствованной и подражательной». П.Я. Чаадаев подчеркивал, что «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно... Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли», он считал Древнюю Русь прозябавшей в дикости, бескультурье, варварстве и «тупой неподвижности». По его убеждению, древние русичи ничему у Запада не научились, ничего не взяли и не оставили человечеству ни одной полезной, глубокой философской мысли [397].

Позицию П.Я. Чаадаева поддержал его ученик Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885), отметив, что русская философская мысль никогда не была самобытной, так как «испокон века находилась в плену и кабале: сначала у византийцев, затем у поляков и литовцев, наконец, у Западной Европы... Работая умственно разным господам поочередно, мы в действительности мало чему научились. Когда было нам учиться: мы только идолопоклонничали! Учиться – значить узнавать и брать в толк; это предполагает известную самостоятельность, а мы лишь повторяли чужие речи, переводя их на наш язык» [143, с. 179]. К.Д. Кавелин в работе «Философия и наука в Европе и у нас» (1884) отмечал, что у всех народов философия являлась признаком интеллектуальной жизни и только на Руси она не формировалась как самостоятельная область знания. Даже привнесенные в Россию из европейских стран философские идеи становились объектом дилетантизма и поверхностного увлечения. Западная философия на русской почве гибла, не пустив корней. Подлинно русские философские взгляды не развивались, а являлись лишь

рабским откликом европейских, при этом никакой преемственности развития в них не определялось [там же, с. 283–284].

Революционерам-демократам Александру Ивановичу Герцену (1767–1846), Николаю Александровичу Добролюбову (1836–1861), Николаю Гавриловичу Чернышевскому (1828–1889) также было свойственно недопонимание своеобразия и глубины древнерусского культурного наследия. Они считали, что византийское христианство отстранило Россию от просвещения, цивилизации, к тому же народная культура противилась воцерковлению, оставаясь вплоть до XIX в. во многом языческой.

Историк, философ Афанасий Прокофьевич Щапов (1831–1876), исследовавший особенности древнерусской культуры, читавший лекции по русской истории в Казанской духовной академии, подчеркивал, что в простонародной допетровской Руси не было ничего, кроме непросвещенности, невежества, предрассудков, суеверий и рабской покорности перед силами природы [224].

Во второй половине XIX – первой половине XX вв. большинство философов по-прежнему указывали на примитивность философской мысли в древнерусский период и даже на ее отсутствие (А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет, С.Л. Франк).

В 80-х гг. XIX в. профессор философии, ректор Санкт-Петербургского университета Михаил Иванович Владиславлев заявлял, что у русской психологии нет собственного прошлого, собственных идей, поскольку все русские психологические сочинения являются компиляциями и заслуживают игнорирования, забвения. В 1890-х гг. он в работе «О судьбах русской философии», отрицая оригинальность русской философии в прошлом, заявлял, что миссия русской философии заключается в окончательном утверждении кантианства [12, с. 9].

Михаил Осипович Вержболович, философ, библиист, преподаватель психологии в Московском Императорском лицее и Александровском

институте, в 1895 г. в работе «Обзор главнейших направлений русской психологии» утверждал, что все они (направления) не оригинальны, а являются своего рода «научным синкретизмом» [там же].

Известный русский философ Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) в работе «История русской общественной мысли» (1918) отмечал, что зарождение философии связано с европеизацией России, и считал, что на Руси «не было таких начал, которые бы позволили ей создать самобытную культуру, способную померяться с культурой европейского Запада» [269, с. 119].

Е.Н. Трубецкой также не признавал реального существования древнерусской философии в той форме, как она была представлена в Европе – в форме схоластики. По его мнению, философию на Руси заменила иконопись, которая выступала «прекрасным, образным выражением глубокой религиозной мысли и глубокого религиозного чувства» [375, с. 287].

Эрнест Леопольдович Радлов (1854–1928), автор курсов лекций по истории философии, в своем труде «Очерк истории русской философии» (1920) определял доломносовский период как древнейший этап в истории русской философии, в котором лишь высвечиваются слабо выраженные философские позиции, отмечал, что русская философская мысль связана с поиском смысла человеческого существования и пропитана «мистицизмом». Он считал, что именно вследствие неразвитости философии, для научного исследования этот период может быть интересен для историков литературы, а не для историков философии [299].

Густав Густавович Шпет (1879–1937), философ, психолог, теоретик искусства, в своих работах писал о русском средневековом периоде как периоде с низким культурным уровнем, «дикостью нравов», отсутствием истинной умственной культуры и вдохновений, подчеркивая тем самым неспособность в средневековой Руси зарождения не то что философской мысли, но даже теологии [409]. Неполноценность русской средневековой философской мысли Г.Г. Шпет связывал с культивированием богослужения на славянском языке в

результате просветительской деятельности братьев Кирилла и Мефодия, что, по его мнению, на многие века отгородило Русь от философских достижений античности и «по-университетски образованного латинского Запада» [там же]. Он подчеркивал, что средневековая Русь существовала без всякой философии и психологии в результате установления христианства на славянском языке. По его мнению, «солунские братья сыграли для России фатальную роль», поскольку древние восточные славяне читали Библию не понимая ее истинного смысла. «И что могло бы быть, если бы, как Запад на латинском, мы усвоили христианство на греческом языке? ... И какое у нас могло быть Возрождение, если бы наша интеллигенция московского периода так же знала греческий, как Запад – латинский язык, если бы наши московские и киевские предки читали хотя бы то, что христианство не успело спрятать и уничтожить из наследия Платона, Фукидида и Софокла?» [там же, с. 12].

Аналогичная позиция высказывалась и в трудах мыслителей русского зарубежья, например Николая Онуфриевича Лосского (1870–1965), автора «История русской философии» (первое издание вышло в Нью-Йорке в 1951 г.), определявшего период русской философской мысли до времени А.Н. Радищева как «инкубационный». Вместе с тем как выразитель русской религиозной философии он считал, что благодаря переводам на церковнославянский язык сочинений отцов церкви русский народ получил возможность философского познания. С точки зрения Н.О. Лосского, развитие русской философии ориентировано на интерпретацию мира и человека в христианской трактовке [211].

Из вышесказанного можно заключить, что, находясь на позициях западничества, многие русские мыслители не смогли верно определить самобытность русской философско-психологической мысли средневекового периода, ее роль и значение, связывая философию лишь с гносеологическими проблемами. Для них учения русских средневековых мыслителей под понимание философии и психологии не подходили.

Однако, как справедливо отмечал один из основателей школы «Анналов» Марк Блок, знаменитый французский историк, современные ученые-историки преувеличенно критикуют прошлое вместо того, чтобы глубже понять его суть [34]. И уже с середины XIX столетия мы можем наблюдать преодоление нигилизма в отношении древнерусского идейно-философского и психологического наследия.

Так, профессор Казанской духовной академии архимандрит Гавриил (В.Н. Воскресенский), опубликовавший в 1839 – 1840 годах многотомный труд «История философии», высказал мнение о том, что история русской философской мысли начинается с периода христианизации. Отметив сходство религии и философии, он разграничил их, указывая на то, что последняя отражена в преданиях, повествованиях, проповедях.

Существенный вклад в изучение древнерусского религиозно-философского знания внесли работы славянофилов – Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886), Константина Сергеевича Аксакова (1817–1860), Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856), Юрия Федоровича Самарина (1819–1876), в которых подчеркивалась самобытность русской религиозно-философской мысли средневековья.

В конце XIX в. Мария Владимировна Безобразова (1857–1914) отыскала ряд рукописных древнерусских произведений, и первая в отечественной историографии поставила вопрос о важности самостоятельного научного исследования древнерусской философии. В 1891 г. в Берлине она защитила докторскую диссертацию «Рукописные материалы к истории философии в России», опубликовала ряд статей о философском содержании древнерусских произведений: «Диоптра» Филиппа Пустынника, «Пчела», монастырский Устав Нила Сорского.

По мере открытия достижений культуры русского средневековья в области искусства, литературы отношение к оценке философско-

психологического наследия средневековой Руси постепенно менялось. Рассмотрим некоторые позиции.

Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962), религиозный философ и историк философии, профессор психологии Киевского университета с 1915 г., с 1926 г. – профессор Русского православного института в Париже, в объемном труде «История русской философии», опубликованном в 1948–1950 гг. в Париже, связывал русский средневековый период с зарождением отечественной философской мысли, назвав его прологом к русской философии. Следует особо отметить, что философию он связывал не только с научным знанием, но и религией, и был убежден, что у философии не один, а несколько корней. По его мнению, средневековая западноевропейская философия, в отличие от русской, наследовала готовые системы античной философии, готовое толкование философских терминов, была ориентирована на решение гносеологических проблем. Для средневековой Руси философия – это прежде всего вопрос о жизненных ценностях, смысле существования. Поэтому в качестве важнейшей черты русской философской мысли В.В. Зеньковский определил антропоцентризм. Моральные темы занимают в русской философии ведущее место, считал он, именно проблема духовности, нравственных качеств человека является вечной темой отечественной философии, стремившейся найти ответы на такие вопросы, как: Что такое душа, духовное совершенство, можно ли его достичь? Каким должен быть человек? Какой смысл имеют человеческие страдания? В русской философии категория «личность», «личина» осмысливалась в религиозном контексте своего времени, а источником развития личности определялись нравственные основы (заповеди), заложенные Господом в сердце человека. Когнитивная сфера человека рассматривалась как продолжение духовной сферы (Божественной сущности), в то время как в европейской философии и психологии мораль, нравственные категории рассматривались как производное разума, сознания, а этика воспринималась как практическая наука [131].

Ценный вклад в изучение культуры Древней Руси внес Д.С. Лихачев. В монографии «Человек в культуре Древней Руси» (1958; исправленное издание – 1970) он впервые предложил взглянуть на культуру как на отражение представлений о человеке. Он подчеркивал, что внутренний мир человека занимал приоритетную позицию в древнерусской литературе. При этом изображения человеческого характера менялись от эпохи к эпохе (XI – XIII вв.; XIV – XV вв.; XVI – XVII вв.): «внутренний» человек в древнерусской литературе имеет разное описание.

Современные исследования религиозно-философского наследия Древней Руси широко развернулись в середине 1960-х годов. Стали актуальными задачи, связанные с осмысливанием преобладающих философско-религиозных идей и особенностей их развития в средневековой Руси. В книге М.Н. Громова и Н.С. Козлова «Русская философская мысль X – XVII веков» [82] описаны взгляды, идеи древнерусских мыслителей. В работах Б.А. Рыбакова [314–315] дан подробный анализ древнерусской духовной культуры. Он подчеркивал, что в разножанровых фольклорных произведениях XIX – XX вв. отразились мировоззренческие установки, восходящие к временам православной древности. Фольклорные произведения, народное искусство стали для него основным ключом для воссоздания религиозно-мифологических воззрений. Философская сущность русской мифологии также отражена в работах В.В. Иванова, В.Н. Топорова [134].

Религиозно-мировоззренческие основы древней культуры раскрываются в трудах таких ученых, как М.А. Алпатов, Г.К. Вагнер, Н.Н. Воронин, В.В. Иванов, А.И. Клибанов, В.Н. Лазарев, Д.С. Лихачев, Г.М. Прохоров, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, В.Н. Топоров и др. В них определены основные обобщающие характеристики периода русского средневековья, некоторые из которых отражают религиозно-психологическую специфику древнерусского мировоззрения.

Во второй половине XX в. появляются многотомные произведения о древнерусской культуре. В них представлен генезис различных сфер духовной культуры, раскрыт поступательный характер ее развития, показана позиция в европейской культуре. Были подчеркнуты характерные особенности этого периода: древнерусская культура формировалась на основе сочетаний двух идеологий – язычества и христианства, христианизация способствовала развитию контактов с европейскими государствами, Русь получила возможность ознакомиться с традициями античной культуры, осуществить перевод христианской литературы и т. п.

М.Н. Тихомиров [370] в своей монографии «Русская культура X–XVIII веков» одним из первых в советской историографии обосновывает мнение о том, что философское знание появилось в России уже в XI столетии. В работах А.Ф. Замалеева и В.А. Зоца [126 – 127], В. С. Горского [72] также раскрываются вопросы зарождения и развития отечественной философии в средневековый период, показаны ее характерные особенности, представлены учения русских мыслителей. Однако, как подчеркивает С.В. Перевезенцев [262], в этих работах есть существенный недостаток – их методологические установки, а именно: выделение в произведениях древнерусских мыслителей идеологически рациональных позиций при очевидной недооценке религиозного и мифологического содержания их идей как незначимого, второстепенного, не заслуживающего внимания. С точки зрения С.В. Перевезенцева, философское знание в период русского средневековья изначально было самобытным, так как существовало не в виде науки, а в виде образа мышления. Суть русского философствования заключается в том, что все мировоззренческие проблемы осмысливались с позиции христианского вероучения [265].

Признание существования древнерусской философской мысли окончательно утвердилось благодаря исследованиям М.Н. Громова, А.Ф. Замалеева, Ю.П. Зарецкого, Н.С. Козлова, Д.С. Лихачева, В.В. Милькова, О.С. Осиповой, С.В. Перевезенцева, И.С. Свенцицкой, Б.В. Сапунова,

А.Н. Свирина, В.Н. Топорова, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского, Л.А. Черной и др.

Таким образом, постепенно в историографии устанавливалась тенденция отказа от категоричных установок, отрицавших значение русского средневекового периода в развитии отечественной философской мысли. На смену жесткому отрицанию существования философской мысли в древнерусский период пришли противоположные, более зрелые и обдуманые суждения.

Так, вслед за исследованиями русской средневековой философской мысли появляются работы, в которых указывается на необходимость изучения формирования психологических знаний в период русского средневековья.

Особое внимание к вопросу о зарождении и развитии древнерусской психологической мысли стало проявляться с 40-х годов XX столетия.

Во вступительной статье к книге Б.Г. Ананьева «Очерки истории русской психологии XVIII–XIX веков», которая является первой попыткой научной разработки истории отечественной психологии (1941), автор отмечает, что история отечественной психологии постоянно недооценивалась, преуменьшалась, а часто и намеренно игнорировалась, поэтому для разрешения этой проблемы требуется углубленная исследовательская работа [13, с. 3]. Подчеркивается, что «развертывание исследовательской работы по всестороннему и глубокому изучению истории русской психологии» углубит существующие представления в этой области, внося в них целый ряд уточнений, дополнений и поправок [там же, с. 4].

Согласно Б.Г. Ананьеву, «научное творчество русского народа в области психологии представляет тем больший интерес, что оно тесно связано с общими историческими судьбами развития русской науки и культуры» [там же, с. 6]. Он подчеркивает, что, «восстанавливая историю развития психологической мысли в России, следовало бы искать источники ее еще задолго до XIII в. В древнерусском фольклоре, в былинах и сказках, отразилась

и закрепились народная мудрость, своеобразная философия практической жизни, представляющая большой интерес для разработки истории психологических представлений и понятий. Особенно заслуживает внимание этико-психологическая сторона народного эпоса, в которой раскрывается гуманизм русского народа, его свободное от догматизма и мистицизма понимание личности, характера и способностей. С возникновением славянской письменности в Киевской Руси при князе Владимире, сыне Святослава, впервые становится возможным развитие такой литературы, в которой излагались психологические воззрения» [там же, с. 33]. На этом основании можно сделать вывод о том, что без фундаментального исследования психологической мысли русского средневековья невозможно во всей полноте понять становление и развитие отечественной психологии в целом.

До конца не оцененный вклад в изучение истоков русской психологической мысли внес М.В. Соколов, выпускник Московской духовной семинарии (1915) и историко-филологического факультета Московского императорского университета (1922), с 1950 г. – преподаватель Московского государственного университета, а с 1953 г. – заведующий Сектором истории психологии Института психологии АПН РСФСР. Именно он вписал новую страницу в историю отечественной психологии. М.В. Соколов, осуществляя перевод на современный русский язык древнерусских произведений, скрупулезно исследовал психологические воззрения периода русского средневековья, приводя цитаты в качестве подтверждения тезиса о самобытности русской психологической мысли. Его малоизвестный и незаконченный труд «Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках» (1963) является незаурядным и, несомненно, весомым, значимым для отечественной истории психологии. К сожалению, до сих пор монография не переиздавалась.

В «Предисловии» к этой книге Б.М. Теплов подчеркивал, что монография В.М. Соколова – «результат глубокой, исключительно тщательной и трудной работы, которой автор посвятил последние пятнадцать лет своей жизни.

Трудность этой работы заключалась в том, что никто до М.В. Соколова не пытался даже в самых общих чертах изучить развитие психологических воззрений в древней и средневековой Руси до XVI в. включительно» [347, с. 3].

Автор монографии убедительно и аргументированно доказывает, что «уже в домонгольский период в сознание образованных слоев древнерусского общества вошло значительное количество обобщенных, наукообразных представлений, касающихся психической жизни человека. Понятие души в ее важнейших атрибутах и в ее отношении к телу, некоторые анатомо-физиологические данные, в той или иной степени связанные с вопросом о психической деятельности, сведения о строении и функциях органов чувств, и в том числе ряд фактов, относящихся к психофизиологии зрения, вопрос о мыслительной способности и формах ее проявления у человека, понятия памяти и фантазии, потребностей и чувств, соотношение разума и страстей, индивидуальные психические различия и вопрос о внешнем облике человека как показателе внутреннего склада его личности, проблема возрастных изменений (телесных и психических) – весь этот обширный репертуар психологических вопросов успел получить отражение в памятниках письменности древнего Киевского государства» [там же, с. 119–120].

М.В. Соколов отмечал, что уже в древнерусской литературе XI – XII вв. можно выделить психологические воззрения, базирующиеся на достижениях научной мысли античного периода, а это свидетельствует о том, что «в указанное время уже сложился вкус к философско-психологическим проблемам и что последние не были для древнерусского образованного человека чем-то внешним и наносным, а органически входили в его собственное мышление» [там же, с. 14].

Особо следует подчеркнуть, что в монографии М.В. Соколова психологические воззрения в России в XI – XVII вв. исследуются только с позиции их представленности в памятниках богословско-философской литературы, однако в работе не просматривается выявление специфики

социально-культурного контекста, в рамках которого происходило зарождение и развитие психологической мысли в этот временной период, не определены сущность психологической мысли, уровни психологического познания, формы репрезентации психологических воззрений, способы психологического познания и психотерапевтического воздействия, предметные области психологического познания, не раскрыта преемственность в формировании психологических идей русского средневековья и последующих этапов развития отечественной психологии.

В начале 70-х гг. XX в. отмечается рост интереса международного научного сообщества к проблеме развития психологической мысли в древний период развития человечества. В разных странах проходят конгрессы, конференции, посвященные изучению истоков психологической мысли. Так, в программе XX Конгресса (Токио, 1972) в рамках специального симпозиума «Вклад азиатской психологии в мировую перспективу» были заявлены доклады на темы: «Психология хинду и западная психология» (Й. Бхатнагаром), «Конфуцианская концепция человеческой природы» (Ченг Фа-Ю), «Вклад психологических воззрений иранских мыслителей» (А.Р. Арасте), «Вклад психологии Зен» (Йошихару Акашиге) и др.

Во многих из них говорилось о системе психологических представлений, относящихся к значительно более древнему периоду, чем древнегреческие философско-психологические учения. Возникает глобальный интерес к истокам психологической мысли.

В 1973 г. в нашей стране прошел симпозиум Академии педагогических наук СССР, посвященный проблемам историко-психологических исследований. В материалах симпозиума в статье Е.А. Будиловой «Философские проблемы в историко-психологическом исследовании» констатируется, что начиная с 60-х гг. XX в. история отечественной психологии дореволюционного периода восстановлена в основных своих событиях только в одном труде – очерках М.В. Соколова. Они «раскрывают нам наиболее яркие

моменты истории психологических воззрений в России XI – XVIII веков» [41, с. 60]. Как отмечает Е.А. Будилова, уже разработаны «методологические основы, чтобы начать исследование тех работ, которых мы обычно не касаемся. Речь идет о трудах психологов прошлого, представляющих идеалистическое направление, и о трудах философов-идеалистов, занимающихся психологическими вопросами. По своей направленности, по форме своего выражения, по способу доказательства, языка, наконец, по целям, которые в них поставлены, эти работы не могут быть непосредственно введены в общее русло рассмотрения движения научного знания. Они требуют сложного анализа, специального вычленения идей, которые могут быть подвергнуты содержательному теоретическому разбору с позиций современной науки» [там же, с. 65–66]. «Надо думать, что поисковые историко-психологические исследования откроют нам неизвестные еще страницы истории нашей науки» [там же, с. 66].

На этом же симпозиуме А.В. Петровский указывал на необходимость понимания логики развития науки: именно исторический процесс развития психологического знания должен стоять в центре научного исследования. Историк психологии не должен стремиться воссоздать историческое прошлое психологической мысли во всех деталях. Важно открыть законы развития психологического познания, его объективную логику и изменения в ходе исторического развития. Уже через год после вышеуказанного симпозиума появилась статья В.А. Карацана, в которой была представлена периодизация истории развития отечественной военной психологии. Автор выделяет в качестве первого периода донаучный период в развитии военно-психологической мысли (с XI в. до конца 70-х годов XIX в.), когда военно-психологические взгляды еще не сложились в определенную систему знаний. В этом периоде исследователь выделяет три этапа. Первый – стихийное развитие военно-психологической мысли до появления регулярной русской армии: XI в. – первая четверть XVIII в. «Вначале накопление и обобщение практического

опыта, применение и учет военно-психологических мыслей носили случайный характер. Оно происходило путем передачи от одного поколения к другому устно, в песнях, былинах, боевых традициях, где с гордостью говорится о высоких моральных качествах богатырей, которые они проявляют в борьбе с врагами Родины. С появлением письменности военно-психологическая мысль получает отражение в летописях, поучениях, завещаниях. В ходе дальнейшего развития военного дела, увеличения постоянного войска военно-психологические идеи обобщаются в письменных указаниях, распоряжениях, приказах, наставлениях, инструкциях военных деятелей и наиболее четкое их изложение появляется в первых воинских уставах» [149, с. 63–64].

В 1981 г. в Киеве выходит работа В.А. Роменца «Киевская Русь и начало отечественной психологии», в 1983 г. – «История психологии стародавнего света». В 1989 г. А.В. Роменец защищает докторскую диссертацию «Предмет и принципы историко-психологического исследования», в которой отмечает, что в таких областях человеческой деятельности, как фольклор, искусство, религия, медицина, имеются исходные интуитивные психологические знания. Приобретут ли эти знания развернутую форму, зависит «от одаренности и способностей творца, его жизненных задач» [306, с. 2]. В его работах впервые были изложены и интерпретированы психологические идеи патристики на Украине в XIII – XV вв. Это явилось продолжением начатого М.В. Соколовым исследования донаучного этапа отечественной психологической мысли.

В работе Ю.Н. Олейника «История становления и развития отечественной психологии индивидуальных различий» (1990) русский средневековый период выделен как особый период возникновения и формирования индивидуально-психологического знания. «Факт отличия одного человека от другого фиксируется в том или ином виде уже в самых ранних произведениях древнерусской литературы... Дифференциально-психологические воззрения XII – XVII веков касаются широкого круга вопросов». Эти знания, – отмечает Ю.Н. Олейник, – существуют в виде

отдельных рациональных суждений, «подразумевающих определенную психологическую идею, они случайны, в их изложении нет какой-либо системы, основой их являются, как правило, фрагментарные, хотя и яркие наблюдения. Такое состояние определялось отсутствием социальной потребности в систематизированном, целенаправленно получаемом дифференциально-психологическом знании» [248, с. 11–12].

В 90-е годы XX – начале XXI вв. в отечественной психологии возник значительный научный интерес к изучению духовно-религиозного наследия (Б.С. Братусь, М.И. Воловикова, А.А. Гостев, М.Я. Дворецкая, В.А. Елисеев, Ю.М. Зенько, В.И. Слободчиков, Т.А. Флоренская, М.В. Чумаков, Л.Ф. Шеховцова и др.). Авторы этого направления подчеркивают, что идейным основанием духовно-религиозной психологической мысли выступает христианское вероучение. В христианском учении зародились и получили свое развитие основные психологические идеи, которые имеют глубокий смысл и созвучны современным психологическим взглядам: определение души и тенденция ее изучения на основе принципа холизма; акцентирование приоритетности духовно-нравственной сущности в природе человека (включая когнитивную сферу), интерпретация духовного уровня бытия человека и др. Выдвинутые авторами положения являются ценным подспорьем при решении сложной задачи вычленения психологического содержания из богословского контекста, что имеет важное значение для исследования генезиса психологической мысли в период русского средневековья.

Среди новейших работ по исследованию развития отечественной средневековой психологической мысли можно выделить работы О.М. Гуменской – учебное пособие «Очерки по истории отечественной психологии» (2006), статью «Древнерусская мудрость как источник отечественной психологической мысли» (2007). О.М. Гуменская в своих работах определяет «древнерусскую мудрость» как культурно-исторический феномен и выделяет основные этапы ее развития в общем русле культурно-

политической динамики феодального общества. Она предлагает следующую периодизацию эволюции «древнерусской мудрости»: *первый период* (до X в.) – предыстория «древнерусской мудрости»; *второй период* (конец X – XVII в.) – собственная история «древнерусской мудрости», включающий следующие *этапы*: 1) Киевский этап (становление «древнерусской мудрости» (X–XII вв.); 2) развитие «древнерусской мудрости» в эпоху раздробленности (XIII–XIV вв.); 3) Московский период: подъем в развитии «древнерусской мудрости» (XV–XVI вв.); 4) завершающий этап (XVII в.). *Третий период* – постистория (после XVII в.). В статье выделены характерные особенности «древнерусской мудрости»: ее практическая направленность, повышенное внимание к общественно-политической проблематике, этически акцентированное нравственное переживание бытия, воплощение в художественную форму, внимание к внутреннему миру человека, патриотическая направленность [88].

На наш взгляд, работы О.М. Гуменской не в полной мере освещают, разъясняют проблему генезиса психологической мысли в период русского средневековья и ее дальнейшего развития, особенности «древнерусской мудрости» описаны ею в общих чертах и имеют информативный, а не исследовательский характер. В работах не рассмотрено, как в разных сферах общественного сознания формировалась и развивалась психологическая мысль, какие формы репрезентации психологических воззрений существовали в системе культуры средневековой Руси, какие предметные области психологического познания зарождались и т. п.

В связи с этим необходимо отметить коллективный монографический труд под ред. В.А. Кольцовой «Психологическая мысль России: век Просвещения» (2001), в котором с позиций системного подхода дается всестороннее освещение развития отечественного психологического знания XVIII столетия. Методологическая основа этого исследования явилась своеобразным ориентиром в разработке проблемы становления и развития психологической мысли в русский средневековый период.

В монографии В.А. Кольцовой «История психологии: Проблемы методологии» (2008) подчеркивается важность исследования истоков русской психологической мысли на основе анализа психологического знания, возникшего и развивавшегося в русле искусства, мифологии, религии и обыденных житейских представлений.

Аналогичную позицию занимают Е.А. Климов и О.Г. Носкова, в работах которых [155–156] подчеркивается, что психологические знания формировались в трудовой деятельности, были апробированы многовековым опытом, и поэтому являются достоверными. Проанализировав фольклорные произведения, в которых зафиксированы знания о труде, они выявили в них психологические идеи, соответствующие проблематике современной психологической науки.

Итак, подчеркнем, что в настоящее время преодолен скептицизм, связанный с отрицанием или критическим отношением к древнерусской психологической мысли как начальному периоду отечественной психологии. Однако, несмотря на признание начального периода становления русской отечественной психологии, вопросу об истоках русской психологической мысли посвящено незначительное число исследований: одна монография М.В. Соколова и небольшое количество статей. Этих работ явно недостаточно. В современной истории психологии отсутствуют научные исследования по данной проблеме. На запрос в электронном каталоге Российской государственной библиотеки «История отечественной психологии» на март 2012 г. было найдено всего 28 работ (данные за последние 20 лет); все они освещают разные аспекты развития отечественной психологии середины XIX – первой половины XX вв. Позже на запросы в августе 2015 г. «История древнерусской психологии», «История русской средневековой психологии» в электронном каталоге Российской государственной библиотеки не найдено ни одной записи, кроме работ автора данной диссертации. Это свидетельствует о том, что исследование проблемы генезиса психологической мысли в период

русского средневековья остается вне пределов научных интересов современных историков психологии.

Нельзя не отметить и тот факт, что в современных учебниках по истории психологии (А.Н. Ждан, Т.Д. Марцинковская, А.В. Петровский, В.А. Якунин, М.Г. Ярошевский и др.) не выделен раздел о зарождении и развитии психологической мысли в русский средневековый период. Анализ развития русской психологической мысли начинается в них с XVIII в. или XIX в. (наработки М.В. Соколова не вошли ни в один учебник по истории психологии), хотя вопросы развития психологической мысли в античный период, период европейского и восточного средневековья обсуждаются на страницах учебников достаточно подробно. В этой связи резко возрастает интерес к проблеме истоков отечественной психологической мысли.

Таким образом, требуется всестороннее исследование истории становления и развития психологической мысли в русский средневековый период, раскрытие ее самобытности, особенностей ее отражения в различных уровнях и формах общественного сознания.

Данное исследование поможет углубить сложившиеся в отечественной и зарубежной психологии представления об истоках русской психологической мысли. Несомненно, период русского средневековья с разных сторон и довольно полно исследован представителями других наук, изучавших проблемы идейно-религиозной, культурной жизни эпохи. Их труды отличаются широтой источниковой базы, глубиной анализа. Однако в них не освещаются вопросы развития русской средневековой психологической мысли. Историки отечественной психологии долгое время недостаточно использовали данные исследований по культурологии, этнологии, искусствоведению для раскрытия истоков русской психологической мысли. В последние десятилетия можно наблюдать наметившийся перелом в сторону интеграции знаний.

Историографический анализ историко-психологических, философских, культурологических исследований позволил нам определить степень

изученности проблемы развития психологической мысли в русский средневековый период в различных ракурсах, выявить имеющиеся пробелы и наметить перспективы ее изучения. Ведь еще В. И. Вернадский указывал на значимость историко-научной рефлексии, подчеркивая, что обзор, анализ истории науки способствует не только пониманию ее настоящего, но, что для нас особенно важно, и выявлению тех идей (подходов), которые не были замечены, раскрыты и, как следствие, не отмечены историками науки. До определенного времени какая-либо важная мысль, идея может оставаться незамеченной, но при новых обстоятельствах, свежем взгляде, она проявляется. Отдельные мысли могут даже оказать существенное влияние на научное мировоззрение. Таким образом, историко-психологические исследования могут не только выявлять знания прошлого, но и переосмысливать их с позиций современных тенденций науки. Изучение истории развития человеческой мысли имеет значение для создания преемственности научного творчества. Как отмечал ученый, «отсутствие правильного познания прошлого, внесенного в мировую культуру тем или иным народом, далеко не безразлично и для правильного его самосознания, и для силы и интенсивности, даже направления его текущего культурного творчества» [53, с. 291].

На рисунке 1 показаны диаметрально противоположные подходы к проблеме возникновения и развития русской философско-психологической мысли в средневековый период.

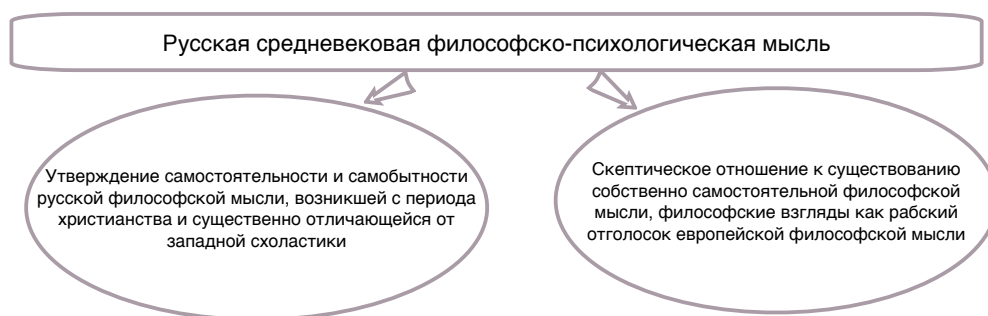

Рис. 1. Подходы к проблеме возникновения и развития русской философско-психологической мысли в средневековый период

В своем исследовании мы придерживаемся позиции существования самостоятельной самобытной русской психологической мысли средневековья. Данное исследование направлено на нахождение материала, позволившего подтвердить, доказать это суждение. В этой связи нас вдохновляют слова В.И. Вернадского: «История науки и ее прошлого должна критически составляться каждым научным поколением, и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются новые документы или находятся новые приемы восстановления былого. Нет! Необходимо вновь научно перерабатывать историю науки, вновь критически уходить в прошлое, потому что, благодаря развитию современного знания, в прошлом получает значение одно и теряет другое» [53, с. 218].

Итак, изучив состояние проблемы, выделив наименее разработанные вопросы истории отечественной психологии периода средневековья, мы определили в качестве предмета исследования психологическую мысль русского средневековья как систему воззрений, отражающих представления о психических явлениях, репрезентированных в разных генетических уровнях и формах общественного сознания.

Следует подчеркнуть, что временные рамки русского средневековья в отечественной медиевистике определены периодом с X в. по XVII в. (от становления и развития русского государства, связанного с распространением христианской религии и развитием феодальных отношений, до петровских реформ).

В контексте нашего исследования, вслед за первым российским теоретиком культуры Н.Я. Данилевским, признанными исследователями в области древнерусской литературы М.Н. Сперанским и Д.С. Лихачевым, советским и российским историком-этнологом, основоположником пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилевым, современным культурологом Л.А. Чёрной и др. авторитетными учеными, понятия «древнерусский период» и

«русский средневековый период» используются как синонимы (временные рамки: X – XVII вв.).

С целью определения перспективы и направления исследуемой проблемы необходимо обозначить методологические подходы и принципы нашего исследования.

§ 1. 2. Методологические подходы и принципы исследования

Методологические подходы

Проблемам методологии истории психологии посвящены исследования К.А. Абульхановой-Славской, В.М. Аллахвердова, Б.Г. Ананьева, Г.М. Андреевой, Л.И. Анцыферовой, О.А. Артемьевой, С.А. Богданчикова, В.А. Барабанщикова, А.В. Брушлинского, В.В. Большаковой, Е.А. Будиловой, Л.С. Выготского, П. Я. Гальперина, А.Н. Ждан, В.А. Кольцовой, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, В.А. Мазилова, И.П. Манохи, Т.Д. Марцинковской, В.Н. Мясищева, А.В. Петровского, К.К. Платонова, В.А. Роменца, С.Л. Рубинштейна, Б.Н. Рыжова, А.А. Смирнова, Е.Е. Соколовой, Е.Б. Старовойтенко, Б.М. Теплова, О.М. Тутунжяна, Е.В. Шороховой, А.В. Юревича, В.А. Янчука, В.Я. Якунина, М.Г. Ярошевского и др. отечественных психологов, указывающих на важность и значение методологического анализа истории науки, который дает возможность определить существующие границы научного знания по исследуемой проблеме, систематизировать имеющиеся факты, выделить и обосновать соответствующие специфике изучаемого предмета исследовательские методы.

В основе методологии истории психологии лежат общенаучные принципы гуманитарного знания. В качестве объяснительных принципов М.Г. Ярошевский определил принцип «исторической рефлексии»; «принцип динамики категориальной структуры психологической науки»; «принцип детерминизма» [423].

По мнению Б.М. Теплова, история психологии, ориентируясь на раскрытие философских основ, обязана оставаться конкретной научной дисциплиной, первостепенной задачей которой является накопление четких и определенных фактов, их тщательный анализ и научное обобщение [369].

Методологи и историки психологии указывают на то, длительное время в психологии господствовало такое направление философской мысли, как позитивизм, которое особо акцентировало внимание на значимости эмпирического знания, принижая роль теоретического. До недавнего времени считалось, что научное знание может основываться только на эмпирических данных (фактах), научная область может развиваться только путем постепенного накопления фактов, теории могут оформляться только в рамках фактуальных знаний, которые независимы от теорий и имеют самостоятельное значение [415].

А.Н. Ждан считает, что позитивизм в истории психологии в виде презентизма «ограничивает историческое исследование лишь тем, что обладает значимостью для настоящего этапа развития науки и вместо изучения исторического процесса развития науки во всей его полноте ориентируется на выделение лишь таких фрагментов его содержания, которые наиболее соответствуют современным взглядам... Презентизм приводит к модернизации исторического процесса и противоречит принципу историзма» [120, с. 16]. Она подчеркивает, что ориентация на позиции позитивизма влечет за собой опасность для развития истории психологии.

Отметим, еще в первой половине XX в. В.И. Вернадский справедливо указал на то, что «ход времени и работа научной мысли вечно и постоянно производят переоценку ценностей в научном мировоззрении. Прошлое научной мысли рисуется нам каждый раз в совершенно иной и новой перспективе. Каждое научное поколение открывает в этом прошлом новые черты и теряет установившиеся было представления о ходе научного развития» [53, с. 191].

Чуть позже Б.М. Теплов подчеркивал, «что нельзя полностью отделять друг от друга историю строго научных, методически проводимых исследований психологических проблем, и историю развития психологических знаний, получаемых другими путями» [369, с. 9].

В конце XX в. в исторической психологии и истории психологии усиливается тенденция изучения генезиса научной мысли в контексте социокультурных процессов. Л.Ф. Баянова в работе «Феномен культуры в истории психологии» подчеркивает, что «проблема сегодняшней науки – это проблема востребованности новой ее философии, безусловно, глубоко психологичной, антропоцентричной, с человеческим лицом и в рамках человеческой культуры» [31, с.61].

В последнее время более явно обозначилась тенденция развития междисциплинарных исследований, в которых фактичность, исследуемая различными научными областями, уточняется, интегрируется, а это, в свою очередь, определяет формирование более целостной общенаучной картины действительности. Такой подход в методологии получил название постнеклассической стадии в развитии научного знания.

С позиции постнеклассического подхода междисциплинарные исследования становятся ведущими. Современная наука нуждается в осмыслении новых тенденций и задач историко-психологических исследований, необходимо расширение проблемного поля истории психологии, усиление ее культурологической ориентацией [176, с. 5–6].

В связи с этим следует отметить позицию А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, отстаивавших системный подход в решении задач истории психологии. Они указывали на необходимость раскрытия взаимозависимости психологии с другими науками (когнитивная координата науки), выявления субъективного фактора, то есть роли личности, ее индивидуального пути в формировании теории (личностная координата), определения зависимости

зарождения и развития психологических знаний от социокультурного контекста (коммуникативная координата) [266].

Согласно позиции А.Н. Ждан, «история должна раскрывать логику развития научного психологического знания, рассматривать его в связи с широкими проблемами общественной и культурной жизни, историей других наук» [120, с. 8].

В.А. Якунин указывает, что выявление закономерностей формирования психологических знаний составляет логико-научный аспект истории психологии [419].

Т.Д. Марцинковская анализирует генезис психологической науки в контексте истории культуры, обращает внимание на важность социального аспекта детерминации: «общественные, исторические условия, культурное и политическое окружение воздействуют как на содержание научных концепций, так и на их распространение, помогают развитию научных школ и направлений или затрудняют его» [218, с.7].

Постнеклассический подход предполагает полипарадигмальность, использование принципа контриндукции – объяснение фактов, накопленных в рамках одной школы с позиций другой, изменение смысловых контекстов имеющихся фактов, поиск альтернативных объяснений, привлечение «внеаучных средств» – мифологических, религиозных и даже дилетантских построений [176; 182].

И.П. Маноха [217] выделила методологические подходы в изучении истории психологии: культурологический, философско-ориентированный и конкретно-научный. В рамках *культурологического подхода* история психологии должна рассматриваться относительно развития культуры. Можно допустить, что в ранний – донаучный – период своей истории психологическая мысль зародилась и развивалась внутри религии, искусства, общественной жизни и т. д. И только выделившись в самостоятельную область знания

психология стала способна опосредовать динамику элементов культуры «из себя», предлагая объяснительные модели человека и мира.

Философско-ориентированный подход предполагает использовать объяснительную теорию исторического процесса, позволяющую интерпретировать исторические феномены.

В основе *конкретно-научного подхода* лежит положение о том, что историогенез психологической науки следует рассматривать исходя из ее собственного развития, из логики формирования ее ключевых компонентов.

И.П. Маноха отмечает значимость синтезирования существующих в разных отраслях научного знания объяснительных моделей, подходов, методов для современной психологии. Новые модели и методы исследования могут строиться на стыке различных наук.

В истории психологии объединение культурологического, философски-ориентированного и конкретно-научного подходов может способствовать генерации «качественно иных моделей историогенеза психологической мысли, ее периодизации, основных движущих сил развития научного знания, что даст возможность судить об истории психологии не только как о своде ретроспективных знаний, но и о своде перспективных воззрений» [217, с. 479–480].

Считаем принципиально важным обратить внимание на точку зрения В.А. Янчука, изложившего в своих научных работах интегративно-эклектический подход в психологии, суть которого заключается в необходимости исследования объекта с разных сторон в «многоплоскостном», «полилинейном», «разновекторном анализе», что дает возможность «качественно иного инсайтирования» [422, с. 207]. Таким образом, методологической основой интегративной эклектики является поливариантность исследуемого явления. В соответствии с этой теоретической позицией интегративная эклектика предполагает вовлечение к анализу результатов тех подходов, которые в наибольшей степени эффективно могут

быть использованы в «конкретной феноменальной области с последующей возможностью диффузии инсайтов и идей, их критической рефлексии через альтернативное позиционирование, способствующее преодолению парадигмальной и авторской предубежденности» [там же]. Такой подход способен обеспечить более полное, основательное понимание изучаемого явления.

В последние годы наблюдается тенденция роста междисциплинарных связей в исследованиях по истории психологии (О.А. Артемьева, Л.Ф. Баянова, В.В. Большакова, В.А. Елисеv, Е.А. Климов, В.А. Кольцова, В.А. Мазилев, Т.Д. Марцинковская, А.М. Медведев, Е.С. Минькова, О.Г. Носкова, Ю.Н. Олейник, О.Е. Серова, Е.Б. Старовойтенко, Б.Н. Тугайбаева, А.Н. Харитонов и др.).

Историко-культурный подход в истории психологии позволяет сформировать системное представление о генезисе психологического знания. Только при реализации комплексной методологии возможно осмысление сущности и детерминант исследуемых историей психологии явлений.

Методологические подходы, которые легли в основу нашего исследования, затрагивают проблему вненаучного психологического познания. Вненаучное познание мира как предмет обсуждения вызывает интерес как у культурологов, так и психологов.

Произведения литературы и продукты художественного творчества являются богатейшим источником знаний не только о психологии личности человека и психологии народа, но и особенностях развития психологической мысли на разных этапах развития общества, о чем указывают в своих работах Б.Г. Ананьев, В.В. Аншакова, О.А. Артемьева, Е.А. Будилова, М.И. Воловикова, Л.С. Выготский, А.А. Гостев, М.Я. Дворецкая, В.А. Елисеев, Е.А. Климов, В.А. Кольцова, Е.С. Минькова, О.Г. Носкова, Ю.Н. Олейник, В.А. Пономоренко, М.В. Соколов, Е.Б. Старовойтенко, Б.М. Теплов и др. исследователи.

В монографии В.А. Кольцовой «История психологии: Проблемы методологии» (2008) дан качественный обзор проблемы использования вненаучных знаний в области истории психологии: с одной стороны обсуждается вопрос противопоставления науки и ненаучных сфер знания, с другой – признание отсутствия их принципиального несоответствия. Принципиально важным для нас является следующий тезис В.А. Кольцовой: «Для современной науки характерен постепенный отход от сциентистских моделей, от радикального противопоставления науки и вненаучного знания к рассмотрению последнего как важного источника накопления рациональных, достоверных идей» [176, с. 40]. Для истории психологии источниками психологического знания служат научные сочинения, художественная литература, мифологические и религиозные трактаты, фольклорные произведения. Основываясь на ряд работ (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Е.А. Будилова, А.С. Гучас, А.Н. Ждан, Е.А. Климов, О.Г. Носкова, А.В. Петровский, Б.Ф. Поршнев, М.Г. Ярошевский, В.Вундт, К. Леви-Строс, П. Лефевр, Э. Тэйлор, Д. Д. Фрэзер и др.), В.А. Кольцова разграничила и интерпретировала такие формы вненаучного психологического знания, как житейские представления, мифологию, религию, искусство.

С.Л. Рубинштейн выдвинул важнейшее методологическое положение, объясняя возможность возникновения и развития обыденного психологического познания: человек, оказывая воздействие на мир, изменяет его, при этом одновременно изменяет и свою собственную психологическую природу, расширяя сферу своих познавательных возможностей. В соответствии с этой теоретической позицией, как отмечал С.Л. Рубинштейн, история психологии начинается намного раньше того времени, когда она определилась как самостоятельная наука [308].

Итак, вненаучные или обыденные психологические знания возникают на начальных этапах развития человеческого общества, основой их возникновения выступает взаимодействие человека с природным и социальным миром, в

результате формируются знания не только об окружающей среде, но и о психических феноменах. Как отмечает В.А. Кольцова, «начиная с истоков существования человеческой истории, каждый шаг в осознании своего психического мира увеличивал потенциалы и возможности человека в его взаимодействии с миром и одновременно становился источником дальнейшего углубления психологической рефлексии. Являясь условием общественно-исторического бытия человека, психологическое познание по своей длительности сопоставимо с длительностью существования мыслящего человека... Обыденное знание тесно связано с научной мыслью, исторически предшествует ей в процессе эволюционного развития» [176, с. 59]. Возникнув на начальном этапе общественно-исторической эволюции, вненаучное психологическое познание продолжало и продолжает существовать в истории человечества. Более того, А.А. Потебня в своей работе «Мысль и язык» [278] указывает на то, что для научного знания, нацеленного, как правило, на анализ, абстрагирование, формализацию, невозможно целостное познание мира, оно никогда не сможет достигнуть совершенства, в отличие народной мудрости, сохраняющей основные ценности веками.

В соответствии с этой основополагающей позицией, вненаучные психологические знания мы определили как генетически исходную форму познания психических явлений. Позиция В.А. Кольцовой является методологической основой нашего исследования: «Психологическая наука не имеет право и далее отворачиваться от этого богатейшего и пока еще не освоенного ею источника психологической мысли. В связи с этим перед ней стоит нелегкая и ответственная задача поиска научного языка, обеспечивающего адекватную и корректную переформулировку ненаучных психологических представлений в системе рациональных научных идей, их интерпретацию и понимание. В основе решения этой задачи лежит переход от интернальной к экстернальной стратегии научного исследования, отказ от изоляционизма науки, исторически исчерпывающего себя, и реализация ее

культурологической ориентации, обеспечивающей, как представляется, открытие новых горизонтов и точек роста научного знания. Критический анализ всего вненаучного, как якобы простого и примитивного, должен смениться заинтересованным и взаимообогащающим друг друга диалогом науки и обыденной мысли. Наука должна не учить обыденную жизнь, а учиться у нее, не отвергать, а ассимилировать и осмысливать продуктивные идеи, отражающие опыт многотысячелетней жизненной практики человека. В этом контексте обоснованным является утверждение о необходимости расширения проблемного поля истории психологии за счет включения в него психологических идей, развивающихся в русле различных форм вненаучного обыденного знания» [176, с. 215–216].

Подводя итог, обозначим базисное методологическое положение нашего исследования, позволившего определить алгоритм работы: изучение генезиса русской средневековой психологической мысли предполагает включение логической, культурно-исторической, субъектно-личностной обусловленности, а также рассмотрение вненаучных форм психологического знания, отраженного в различных сферах общественного сознания; предусматривает проведение исследования на стыке наук, интегрируя психологический, философский, исторический, культурологический, филологический, этнологический, искусствоведческий аспекты. Именно такой подход позволил нам выявить характер, специфику и своеобразие психологической мысли русского средневековья.

Методологические принципы

В научной литературе методология определяется как тип проективно-конструктивного построения исследования, в котором выделяют основные объяснительные принципы, задающие вектор научного поиска.

Организация нашего историко-психологического исследования опирается на ряд принципов, образующих так называемый методологический каркас,

позволивший определить способы выделения объекта и предмета исследования, построить схему и модель исследования, выбрать адекватные исследовательским задачам методические приемы, интерпретировать полученные научные результаты, осуществить теоретические обобщения.

В отечественной истории психологии методологические принципы описаны в работах К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, В.В. Аншаковой, Л.И. Анцыферовой, О.А. Артемьевой, В.А. Барабанщикова, Е.А. Будиловой, А.Н. Ждан, В.А. Кольцовой, В.П. Кузьмина, Б.Ф. Ломова, Т.Д. Марцинковской, Е.С. Миньковой, А.В. Петровского, С.Л. Рубинштейна, А.А. Смирнова, Е.С. Старовойтенко, Б.М. Теплова, А.В. Юревича, В.А. Якунина, М.Г. Ярошевского и других ученых.

Очевидно, что ключевым принципом в историко-психологическом исследовании является *принцип историзма*, который ориентирует исследователя на «рассмотрение того или иного отрезка прошлого во всей полноте его конкретного содержания, в системе соответствующих социокультурных условий как детерминируемый общей ситуацией в науке и рассматриваемый в сопоставлении с предшествующими знаниями» [121, с. 15].

А.В. Петровским, М.Г. Ярошевским в работе «Теоретическая психология» в качестве основных объяснительных принципов было выделено три: детерминизм, системность, развитие. Все другие принципы, по их мнению, могут быть сведены к этим трем [267].

Принцип детерминизма ориентирует на поиск причин, условий и факторов, определяющих возникновение и развитие психологических воззрений.

Среди функций социальной детерминации выделяют: стимулирующую, направляющую и ограничивающую.

Принцип детерминизма сочетается с *принципом системности*. Основные положения системного подхода разработаны Л.И. Анцыферовой,

В.А. Барабанщиковым, Е.А. Будиловой, В.П. Кузьминым, Б.Ф. Ломовым, А. В. Юревич и др.

Е.А. Будилова указывала на то, что системно-исторический подход в истории психологического знания должен быть реализован через принцип детерминизма, поскольку формирование психологического знания всегда обусловлено влиянием разных факторов. Исследователь обязан всесторонне изучить множественные связи истории психологической науки с общественно-историческими условиями. Важно также найти связи этапов развития науки между собой и связать их с современным этапом [40].

Б.М. Теплов отмечал, что система науки не может быть придумана отдельными учеными. Система науки естественным образом выводится из хода развития самой науки и является логическим осмысливанием всей совокупности достигнутых знаний в данной области. Только изучив ход развития науки, можно строить систему этой науки. Основная задача историков психологии – отразить историю развития системы психологии как науки [369].

Определяя суть системного подхода, Б.Ф. Ломов указывал на необходимость учитывать многоуровневость, разнопорядковость, иерархичность исследуемого явления. Ученый отмечал важность рассмотрения и оценки психологических теорий прошлого с позиции более высоких ступеней развития научных знаний [205].

В.П. Кузьмин обозначил системное знание как методологическое средство («познавательную технологию»), позволяющее более адекватно и качественно анализировать исследуемые явления. Для изучения явления как системы необходимо выделить целостный феномен и его составляющие компоненты, определить закономерности связи частей в целое. Наряду с моносистемным знанием он выделяет полисистемное знание, направленное на изучение явления как многосистемной структуры и расширяющее представление о нем за счет познания различных детерминант [191].

Системный подход в научном исследовании обуславливает «выявление как внутренней логики развития науки, так и ее внешней социально-культурной обусловленности» [177, с. 68].

А.В. Юревич отмечает, что принцип системности в психологии связан с «необходимостью многоуровневых объяснений, интегрирующих разные уровни причинности» [416, с. 106].

В связи с вышеизложенным следует подчеркнуть, что большинство исследователей истории психологии рассматривают развитие психологии в социальном контексте, выделяют аспекты социальной детерминации ее развития, то есть в представлениях о культурной, геополитической, идеологической обусловленности. При этом они не ограничиваются в рассмотрении динамики психологического познания социальной детерминантой, а дополняют исследование ретроспективно-персоналистическим аспектом и логическим анализом.

Таким образом, значимость системного подхода для интегрального, целостного описания изучаемого явления очевидна: системный подход позволяет более полно раскрыть и объяснить закономерности возникновения, строения и функционирования предмета исследования.

Системный подход связан с *принципом развития* (системы могут существовать только в развитии). Развитие предполагает изменение системы, сопровождающееся формированием нового качества: смена детерминант, изменение взаимодействия между системами и подсистемами, между уровнями и т. д. [182, с. 397].

Принцип развития тесно связан с *принципом единства логического и исторического*, широко используемом в историко-психологическом исследовании. Л.И. Анцыферова особо подчеркивает, что использование этого принципа создает возможность более полного и адекватного понимания психологических теорий прошлого. При этом «каждая последующая ступень в развитии психологической теории порождает новую оценку истории

психологии, раздвигает границы исторического исследования, в новом качестве представляет полученные в прошлом знания» [18, с.16].

Принцип логического и исторического достаточно развернуто представлен в работах Е.А. Будиловой. Основной смысл этого принципа заключается в установлении основной логической линии развития науки, ее закономерностей. Взаимосвязь «исторического» и «логического» определяет «отношение теоретического воспроизведения закономерности развития в ее общих характеристиках (логическое) к процессу ее исторического развертывания в многообразии конкретных форм (историческое)» [40, с. 231]. Она подчеркивает, что «логическое» обнаруживается через мировоззренческую позицию исследователя, который определяет предварительную схему своей работы, источники, цели и задачи. При этом логический анализ совсем не должен повторять последовательность исторического процесса. Вместе с тем «логическое» можно понять только в связи с «историческим», как и понимание «исторического» зависит от «логического».

Принцип объективности историко-психологического исследования предписывает рассматривать изучаемое явление независимо от установок и стремлений исследователя, т. е. не предвзято. Особое внимание следует обратить на позицию В.А. Кольцовой [176], которая справедливо отмечает, что история психологии – это такая область научного знания, в которой исследователь жестко не ограничен какими-либо методически-процессуальными требованиями и нормами, а это влечет за собой субъективность в его суждениях и позициях. В силу этого для обеспечения объективности и достоверности историко-психологического анализа исследователю необходимо овладеть профессиональными компетенциями ученого, проявлять научную добросовестность, ответственность и непредвзятость. Необходимо анализировать предмет исследования в его многогранности, руководствоваться при отборе фактов критерием полноты его описания, изучая факты в их совокупности.

Принцип периодизации и преемственности развития психологического знания предполагает выделение качественно различных периодов и этапов эволюционно содержательно и логически взаимосвязанных между собой.

Исходя из вышеизложенного, организация нашего историко-психологического исследования обоснованно опирается на принципы историзма, детерминизма, системности, развития, единства исторического и логического, объективности, периодизации и преемственности психологического знания, что позволяет нам с разных сторон взглянуть на особенности зарождения и развития психологической мысли в русский средневековый период и дать, по возможности, объективную оценку изучаемому явлению. Это, в свою очередь, предполагает использование надежной источниковой базы и адекватных методов историко-научного познания.

§ 1. 3. Источниковая база изучения генезиса психологической мысли русского средневековья

Ретроспективный анализ развития психологической мысли в русский средневековый период предполагает формирование надежной источниковой базы.

Обратимся к категории «исторический источник». В.А. Кольцова, проанализировав разные подходы в обозначении этой категории (М.Блок, М.А. Варшавчик, Л.П. Каравин, Д.И. Ковальченко, О.М. Медушевская, В.И. Пичета, Л.Н. Пушкарев, В.И. Стрельский, М.Н. Тихомиров, С.О. Шмидт и др.), обозначила его как «особый класс носителей информации и возможности апелляции к ним при изучении истории развития психологического познания» [176, с. 293]. Основным назначением «исторического источника» является

обеспечение адекватного отражения исторической действительности и выявление сути исследуемого явления.

Исторические источники по своему онтологическому статусу выступают фрагментом исследуемого прошлого, содержащим характерные признаки, существенные особенности культуры своего времени, что, как правило, вызывает у исследователя определенные трудности, поскольку он сталкивается «с другой культурой, иными образами мысли и знания, которые уже не воспроизводятся современностью» [190, с. 20]. Исследователю необходимо мысленно перейти в прошлое, вжиться в него (как правило, для этого используются такие методы, как моделирование, аналогия).

Кроме того, чтобы осуществить ретроспективный анализ, необходимо подобрать адекватные методы исследования, которые позволили бы воссоздать социально-исторические характеристики изучаемого периода, рассмотреть анализируемое историко-психологическое явление в контексте времени его существования. Важно выявить факторы и предпосылки возникновения исследуемого явления, его эволюцию на последующих этапах развития психологии. В результате исследования необходимо дать оценку с позиции современной системы психологического знания, суметь соотнести категории психологической мысли прошлого и современной психологической науки.

В.А. Кольцова подчеркивает, что «воссоздание истории развития психологического знания предполагает расшифровку психологической информации, содержащейся в историческом источнике, проведение ее семантического анализа, раскрытие поля значений представленных в ней понятий и идей, выявление скрытого за ними неявного знания» [176, с. 299 – 230]. Это, безусловно, создает определенные трудности для исследователя, поскольку ему отводится особая роль в историческом познании: не ограничиваться сбором информации, а логически осмыслить и интерпретировать ее.

Как указывает В.А. Кольцова, результаты исследований в области истории психологии зависят от степени проработанности их источниковедческой базы: «Глубина и достоверность научного анализа в области истории психологии непосредственно определяется адекватностью и полнотой используемой исследователем источниковой базы» [там же, с. 288].

Разнообразие использованных в исследовании источников позволяет глубже и всестороннее провести анализ исследуемого явления, поскольку исторический источник, являясь культурно-историческим объектом, содержит в себе разнообразную информацию как о времени его создания, персоналиях, так и об идеях, мыслях, которые в этот период времени развивались.

Основные психологические воззрения прошлого выражены в объективированном воплощении, благодаря чему они передаются из поколения в поколение. С.Л. Рубинштейн отмечал, что человек (или социальная общность) объективирует себя в деятельности и ее продуктах, именно они выступают в качестве видимой, опредмеченной формы бытия психики. Он писал, что переход субъекта в объект, раскрытие в объектах деятельности сущностных сил субъекта, в том числе его чувств, его сознания – «есть раскрытая книга человеческих сущностных сил, чувственно предлежащая перед нами человеческая психология» [308, с. 25].

Большинство исследователей подчеркивают, что исторический источник – это объект материальной или духовной культуры, который несет в себе печать своего времени, отражает сущность прошлого через призму социально-экономических, политических, культурных, эстетических и других факторов, через призму жизненных идеалов людей.

Следует отметить два вида источников, которые в обязательном порядке выделяют в источниковедении:

- *первоисточники* – оригинальные документы и материалы, созданные в определенный исторический период и несущий на себе печать своего времени и их создателей;

– *вторичные источники* – материалы, являющиеся результатом переработки и осмысления первоисточников учеными и специальными институтами, использующими их для решения конкретных научных проблем [54].

В.А. Кольцовой разработана классификация исторических источников. Она выделила типы исторических источников, которые могут широко использоваться в историко-психологическом исследовании [176, с. 305–307]. Классификация исторических источников по В. А. Кольцовой представлена в таблице 1.

Таблица 1
Классификация исторических источников
(по В. А. Кольцовой)

<i>Тип источника</i>	<i>Источник</i>
Письменные источники	Книги, монографии, мемуары, воспоминания, дневники, эпистолярное наследие, автобиографии и т. д.
Вещественные источники	Исторические вещественные памятники конкретного хронологического периода, бытовые предметы, игрушки и украшения, предметы, используемые в ритуалах
Устные источники	Мифы, былины, пословицы и поговорки, народные сказки, предания, анекдоты и т. д.
Изобразительные источники	Произведения живописи, иллюстрации книг и т. д.
Этнографические источники	Суеверия, обряды, народные праздники, игровая культура и т. д.

В.А. Кольцова указывает на отличительную черту исторического источника, которая выражается в том, что объект, созданный человеком в определенный исторический период, может стать историческим источником только в том случае, если он становится средством изучения исторического прошлого. Только при условии глубокого сосредоточения на этом объекте внимания ученого, перемещении объекта в субъективное «психологическое

пространство» исследователя, этот объект становится историческим источником. «Лишь став предметом специального исследования, будучи введенным в систему субъектно-объектных отношений исследователя, то или иное творение, созданное человеком в определенный исторический период, обретает статус исторического источника и реализует заложенный и содержащийся в нем имплицитно познавательный потенциал» [176, с. 298].

Следует подчеркнуть, что в продуктах деятельности, создаваемых людьми (исторических источниках), фиксируются знания, представления не только об окружающем мире, но и о внутреннем, духовном мире человека. Отсюда следует, что анализ продуктов деятельности (исторических источников) создает реальную возможность воссоздать логику и динамику развития психологических представлений в удаленные от современности периоды.

В основу нашего исследования легли основные принципы формирования источниковой базы истории психологии, предложенные В.А. Кольцовой:

- *принцип объективности*, «ориентирующий исследователя на выявление точных, достоверных фактологических данных и определяющий недопустимость презентистских подходов и субъективизма при отборе исторических источников и интерпретации содержащихся в них информации; предполагающий проведение «критики» и тщательного анализа источников с целью оценки их подлинности и научной ценности заключенного в них материала; требующий использования наиболее эффективных методов источниковедческого анализа» [176, с. 302];

- *принцип валидности*, согласно которому источниковая база должна быть «адекватной, максимально полно соответствующей исследуемой проблеме, содержать в себе информацию, относящуюся непосредственно к рассматриваемой проблемной области» [там же];

- *принцип полноты и репрезентативности* источниковой базы: «источниковая база должна включать широкую совокупность документов и

материалов, полностью охватывающую и отражающую различные аспекты и стороны исследуемой проблемы» [там же, с. 303];

- *принцип комплексности*, предполагающий «выявление и включение в источниковую базу разнообразных видов и типов источников, относящихся к различным сферам жизнедеятельности человека и уровням познания исследуемых явлений, а также привлечение материалов, обеспечивающих реализацию междисциплинарного подхода к их рассмотрению» [там же];

- *принцип системно-иерархического строения* источниковой базы, «означающий, что в основе выявления и анализа источников должны лежать системно-структурные представления об изучаемом объекте, ориентирующие на поиск не отдельных источников, а логически связанных их групп и кластеров, составляющих иерархически организованную, стратифицированную и одновременно связанную совокупность документов и материалов, целостно отражающих и описывающих исследуемую проблему» [там же];

- *принцип историзма*, «направленный на выявление совокупности источников, раскрывающих, наряду со структурными характеристиками, динамические аспекты исследуемого явления – его генезис и этапы эволюции» [там же];

- *принцип конкретности в формировании источниковой базы* исследования, «означающий необходимость учета при подборе источников в каждом конкретном случае специфики целей исследования и особенностей конкретной проблемной области» [там же];

- *принцип субъектно-деятельностного подхода*, «предполагающий рассмотрение исторического источника как продукта деятельности человека, включающего в себя социально-психологическую информацию об его творце» [там же];

- *принцип единства логического и исторического*, требующий руководствоваться при выявлении и анализе источников как логическими

(раскрытие логики развития проблемы), так и историческими (учет контекстных социально-культурных особенностей) критериями» [там же].

Существенный количественный недостаток первоисточников, содержащих материал о психологических воззрениях русского средневековья, дошедших до нашего времени, с одной стороны, и объем и разнообразие информации о культуре русского средневековья во вторичных источниках XIX – XXI вв., с другой стороны, привели к необходимости поиска новых путей организации историко-психологического исследования. Об этом будет сказано в последующих параграфах данной главы.

Восприятие и оценка исторического периода в очень значительной мере зависит от свидетельств, содержащихся в исторических источниках. Анализ культурно-исторических особенностей средневековой Руси можно найти в многочисленных и разноплановых по своему характеру источниках. Вместе с тем специальных работ, посвященных изучению генезиса психологической мысли в период русского средневековья, явно недостаточно. В качестве основных источников данного исследования выступают научные публикации, монографии, статьи разных авторов по истории, истории психологии, философии, культурологии, этнологии, филологии, искусствоведению, каким-либо образом отражающие особенности психологической мысли русского средневековья; фольклорные произведения (былины, сказки, загадки, паремии); жития святых; произведения древнерусской литературы. В соответствии с различными аспектами исследуемой проблемы мы сгруппировали их следующим образом:

1) условно первичные источники:

- письменные (богословские сочинения, литературные произведения);
- изобразительные (иконопись);
- фольклорные (памятники устного народного творчества: сказания, сказки, былины, пословицы и т. д.);
- этнографические (обычаи, обряды, суеверия, верования);

2) вторичные источники (научные публикации, монографии по истории, истории психологии, философии, культурологии, этнологии, филологии, искусствоведению и др.)

И первичные, и вторичные источники содержат информацию о той исторической действительности, которую они отображают, но очень часто первоисточники отражают единичные факты в отличие от вторичных, которые на основе первоисточников и их адекватной интерпретации дают более обобщенную картину.

Таким образом, опора на признанные в научном сообществе результаты, добытые вспомогательными для истории психологии дисциплинами, позволила реализовать поставленные нами задачи.

§ 1. 4. Методы исследования генезиса психологической мысли русского средневековья

Для решения исследовательских задач необходим адекватный способ получения информации – научный метод, представляющий собой «теоретически обоснованное нормативное познавательное средство» [172].

Задачи истории психологии, обусловленные ее предметом исследования – психологическое познание в его исторической ретроспективе, ограничивают возможности в выборе соответственного исследовательского инструментария, поскольку, как правило, именно предмет исследования определяет выбор методов. В методологии выделены основные группы методов исследования:

- 1) философско-гносеологические методы (диалектико-материалистический и метафизический);
- 2) общенаучные методы;
- 3) специально-научные методы;

4) конкретно-предметные методы, ориентированные на исследование в определенной области знания.

Методы научного познания включают в себя общечеловеческие приемы мышления (анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукцию, дедукцию), способы эмпирического и теоретического исследования, для процессов построения теории – метод восхождения от абстрактного к конкретному.

В качестве основы историко-психологического исследования выступают следующие методы исследования: абстрагирование, идеализация, восхождение от абстрактного к конкретному, аналитико-синтетический метод в различных его вариантах (структурно-генетический анализ и синтез, дедукция и индукция).

В трудах отечественных психологов (Б.Г. Ананьев, О.А. Артемьева, А.Д. Барская, В.С. Богословская, Л.Ю. Дегтяренко, А.Н. Ждан, Е.А. Климов, В.А. Кольцова, Н.А. Логинова, Т.Д. Марцинковская, Н.И. Мазай, Е.С. Минькова, О.Г. Носкова, Г.В. Ожиганова, Ю.Н. Олейник, Е.А. Савина, Е.Б. Старовойтенко, М.Г. Ярошевский и др.) рассматривается проблема исследовательского инструментария историко-психологического исследования, выделены и охарактеризованы такие конкретно-предметные методы (в настоящее время широко используемые и апробированные), как: метод сравнительно-исторического исследования; метод психолого-исторической (теоретической) реконструкции прошлого; историко-генетический метод; историко-функциональный метод; историко-типологический метод; метод моделирования; метод проблемологического анализа; метод категориального анализа и систематизации психологических высказываний; метод семантического анализа; историко-биографический метод; метод интервью; метод изучения творческой деятельности; метод аналогии; метод интерпретации и понимания; метод вчувствования в исследуемую реальность; метод построения периодизации историко-научного процесса и др.

Несмотря на многообразие предлагаемых методов, исследователи отмечают, что историко-психологические работы, как правило, ограничиваются дескриптивным способом исследования, и гораздо чаще используют методы качественного анализа и интерпретацию, признавая их преимущество перед методом количественного анализа исследуемых фактов, что в свою очередь может создавать проблемы, связанные с обеспечением доказательности и обоснованности выводов.

В этой связи в последние годы в истории психологии наблюдается тенденция использования количественных методов исследования: контент-анализ, наукометрические процедуры, сравнительный метод языкознания, тестологические и др. Все это способствует трансформации истории психологии из описательной области знания в объяснительную.

Особо следует упомянуть классификацию методов истории психологии, предложенную Г.В. Ожигановой [247]. Она описала методы, исходя из следующих критериев:

1) синхронности (протекание событий в один временной промежуток) – диахронности (протекание событий в разные временные периоды, соотнесение разных этапов) – бихронности (сочетание синхронной и диахронной компонент);

2) общей тенденции, направленности исследования (его основополагающего методологического принципа), а также способа кодификации исследуемого материала, присущего определенному научному подходу, принципу (организационные методы, определяющие стратегическую направленность исследования, а также систематизацию исследуемого материала: структурный, комплексный, системный);

3) современных требований науки и практики (инновационные методы: метод выявления резервов научного знания, метод создания научных перспектив, компаративный метод).

Рассмотрим инновационные методы историко-психологического исследования, предложенные Г.В. Ожигановой:

1) «метод выявления резервов научного знания» – связан с ретроспективным анализом психологического наследия древности, он ориентирован на историко-психологический анализ материалов, содержащихся в древних текстах, и их использование для решения конкретных практических задач современности;

2) «экспериментальный метод» – как верификация психологических фактов, закономерностей, описанных в древних текстах, с помощью современных научных методов исследования (наблюдения, эксперимента, статистической обработки данных); этот метод так же, как и предыдущий, ориентирован на решение прикладных задач;

3) «метод создания научных перспектив» – прогнозирование и проектирование тенденций научного развития на основе «умопостигаемого поля исторического исследования» (расширение поля в пространстве и времени как в прошлое, так и в будущее);

4) «компаративный метод» – соотнесение современных научных категорий с системой знания более ранних исторических периодов.

Автор объясняет специфику метода следующим образом: необходимо отказаться от наукоцентрических позиций, то есть не оценивать достижения древних ученых с вершины современного подхода, а попытаться осмыслить их непреходящую, общечеловеческую значимость [247, с. 75–85].

Позицию авторы мы учли при разработке модели нашего исследования.

Также интерес вызывают труды Е.А. Климова и О.Г. Носковой [155 – 156]. В своих работах по истории психологии они использовали метод логической реконструкции. Для выявления психологического знания, содержащегося в пословицах и поговорках о труде, они использовали такие способы, как:

1) подбор пословиц, описывающих виды и особенности человеческой деятельности, субъектов труда, характер взаимоотношений между людьми;

2) раскрытие логико-семантических конструкций пословичных выражений;

3) выявление связи смысла пословиц с «сеткой понятий и проблем психологии труда как отрасли науки»;

4) выявление степени значимости пословиц определенного смыслового содержания через количественный анализ частоты их повторяемости [156, с. 41].

Аналогичный подход был использован в работах В.С. Богословской [35], Н.И. Мазай [212], Е.А. Савиной и Л.Ю. Дегтяренко [316].

Для нас приемлема позиция интегрирования знания, позволяющая осуществить более глубокий анализ исследуемого явления; использование комплексной методологии, ориентированной на всестороннее рассмотрение изучаемого явления; «использование различных методов, сочетающихся по принципу дополнительности» [177, с. 62].

В нашем исследовании мы используем подход комплексного историко-психологического анализа источников, в рамках которого материал осмысливается с конкретно-исторической, структурно-логической, тематической точек зрения.

В исследовании используются организационные методы и методы сбора и интерпретации фактологического материала:

– *организационные методы*: структурно-аналитический и генетический;

– *методы сбора и интерпретации фактологического материала*: источниковедческий анализ, герменевтический метод, метод психолого-исторической реконструкции; метод тематического анализа.

Структурно-аналитический метод позволил исследовать генезис психологической мысли русского средневековья как целостное явление в совокупности его структурных элементов и их взаимосвязи (статичная компонента).

Генетический метод позволил выявить этапы генезиса психологической мысли средневекового периода, трансформацию психологического знания (динамическая компонента).

Метод источниковедческого анализа как основной способ процедуры при выборе и анализе материалов историко-психологического исследования был направлен на установление информационного потенциала источников, выявление возможности использования имеющейся в них информации для раскрытия генезиса психологической мысли русского средневековья. Этот метод предполагает использование разнообразной источниковой базы исследования (разных типов и видов).

Герменевтический метод как способ толкования «письменных памятников человеческого духа» (Дильтей) позволил определить характерные черты психологической мысли русского средневековья на основе интерпретации анализируемых в исследовании текстов (сказки, былины, пословицы, поговорки, обряды, поверия, произведения древнерусской литературы) и произведений иконописи.

Метод психолого-исторической реконструкции направлен на ретроспективное воспроизведение психологических воззрений в период русского средневековья, на воссоздание адекватной картины событий анализируемого времени, истории в ее «многовариантности, конкретности, многообразии проявлений – закономерных и случайных, важных и второстепенных, имеющих пролонгированный характер и продолжающих свое существование в длительной исторической перспективе» [177, с. 425–426]. С этой точки зрения предметом изучения в нашей работе выступает психологическая мысль, отраженная в разных сферах общественного сознания и на разных этапах генезиса.

Метод тематического анализа позволил выявить категориальные признаки, характеризующие психологическую мысль русского средневековья

(ключевые психологические идеи, предметные области психологического знания).

Отметим, что с самого начала исследования вопрос о методе имел для нас первостепенное значение, поскольку исследование проблемы генезиса психологической мысли русского средневековья усложнено спецификой рассматриваемого периода, а именно удаленностью эпохи и существенным недостатком дошедших до нашего времени релевантных артефактов. Анализ методов историко-психологического исследования, особенно работа Г. В. Ожигановой [247], описавшей инновационные методы, а также размышления Луи де Броля («человеческая наука, по существу рациональная в своих основаниях и по своим методам, может осуществлять свои наиболее замечательные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности, освобожденные от тяжелых оков строгого рассуждения, которые называются воображением, интуицией, остроумием» [97, с. 109]) – подтолкнули нас к поиску метода, который бы позволил собрать достоверную информацию и обеспечить научную объективность исследования.

Поэтому наряду с обозначенными выше методами исследования нами был использован авторский способ отбора и реконструкции материала по теме исследования – логико-селективный анализ информации вторичных источников.

§ 1. 5. Логико-селективный анализ информации вторичных источников как продуктивный способ исследования генезиса психологической мысли русского средневековья

Выбор метода, соответствующий предмету и задачам исследования, имеет для успеха работы первостепенное значение. Ведущим методом в историко-психологическом исследовании принято считать метод

реконструкции психологического знания на основе анализа продуктов научной деятельности. Информация об изучаемом явлении может содержаться в разнообразных источниках как первичных, так и вторичных. Вторичные источники создаются на основании первичных. Поэтому, как отмечают некоторые историки, в частности М. Блок, вторичный источник в определенных условиях может выступать в качестве первичного, поскольку содержит ответ на конкретный исследовательский вопрос (в зависимости от постановки вопроса источник может сообщать разную информацию). М. Блок приводит в качестве примера жития святых эпохи раннего средневековья: эти источники не содержат достоверных сведений о самих святых, однако несут информацию об образе жизни и мышлении своих авторов.

Традиционно при решении задач историко-психологического исследования специалисты используют первоисточники. В этом случае, как правило, цель и задачи исследования формулируются от существующих источников информации (эти источники отбираются до или в процессе формулирования задач).

Наше исследование основано на применении синтезированного, интегративно–элективного, междисциплинарного подхода, так как в различных областях знания накоплен огромный материал, в котором содержится значимая для диссертации информация. Мы попытались взглянуть на исследуемую проблему со стороны разных областей знания, увидеть изучаемый предмет целостно, во взаимосвязи всех его компонентов и элементов. Как отмечал М. М. Бахтин [30], чтобы понять явление как целое, нужно выйти за границы этого целого, «выпасть из него», то есть занять «позицию вненаходимости».

Изначально нами были сформулированы задачи независимо от существующих источников информации, после чего осуществлялась идентификация релевантных задаче источников и их классификация.

Как было отмечено выше, в источниковедении выделяют первоисточники и вторичные источники, лежащие в основе научной работы

признанных ученых и специальных институтов. На наш взгляд, для исследования генезиса психологической мысли русского средневековья первичные и вторичные источники являются равноценными, поскольку вторые содержат достоверные фактологические данные, основанные на глубоком изучении специалистами вопросов, касающихся исследуемой проблемы, и не вызывающие сомнения в научной ценности материала. Поэтому вторичные источники при анализе проблемы развития вненаучных психологических знаний в период русского средневековья являются для нас субстанциональными. Широта вторичных источников, содержащих косвенную информацию о психологических воззрениях, способствовала всестороннему выявлению различных аспектов исследуемой нами проблемы, так как они существенно дополнили первичные, расширив представления об изучаемом явлении. Именно это позволило нам, проработав фактологический материал, дать обобщенную картину генезиса психологической мысли русского средневековья.

Для решения поставленных нами задач, мы использовали особую процедуру работы с источниками: *логико-селективный анализа информации вторичных источников.*

Суть этого способа состоит в выявлении фактов, представленных в неоднородных видах источников разных областей знания, позволяющих судить о генезисе психологической мысли русского средневековья. При этом мы руководствовались не личными предпочтениями в выборе фактов, а их исторической значимостью, признанием в науке и аксиологической обоснованностью.

Логико-селективный анализ информации вторичных источников включает в себя следующие этапы и приемы работы с текстами:

1) первоначально была выдвинута гипотеза, на проверку которой направлено исследование: мы предположили, что в период русского средневековья происходило зарождение и развитие психологической мысли как

системы формирования воззрений, отражающих представления о психических явлениях, репрезентированных в разных формах общественного сознания;

2) были определены критерии поиска материала: формы репрезентации психологического познания, спектр ключевых психологических идей, предметные области, способы психологического познания и психотерапевтического воздействия, персоналии;

3) далее осуществлялось привлечение разноплановых источников из разных областей науки; в каждом изученном источнике логически выбирались идеи, смысловой и фактологический материал, позволившие сформировать дискурсы (тексты) с учетом выделенных в начале исследования критериев, и далее на основе ре- и до интерпретации материала осуществлялся перевод скрытого смысла одного дискурса на язык другого (как бы иное прочтение отобранного материала);

4) затем на основе синтеза сформированных дискурсов создавались укрупненные смысловые текстовые конструкции, которые подвергались анализу и группировке в соответствии с поставленными задачами исследования, далее на этой основе выводились суждения, умозаключения;

5) в результате на основе исследовательских приемов, указанных в пункте 7, возникла собственная позиция на понимание генезиса психологической мысли русского средневековья как системного явления; определилась четкая структура изложения проблемы и схема поэтапной реконструкции генезиса психологической мысли русского средневековья;

6) в итоге на основе собранного и переработанного фактического материала были сформулированы обоснованные выводы;

7) логико-селективный анализ информации вторичных источников включает такие приемы, как абстрагирование (выявление в работах смежных наук психологических воззрений, подходов, тенденций их развития), эксплицирование (разъяснение) материала, представленного в имплицитном, символическом виде, ре- и доинтерпретацию (уточнение и изменение смысла и

значения первоначально интерпретируемой информации), интуицию и воображение (о значимости интуиции и воображения для научного творчества писали такие корифеи науки, как В. Дильтей, П.Л. Капица, А.Ф. Лосев, Луи де Броль, А. Эйнштейн и др.), компилирование (отбор и переработка источников с целью создания нового текста с собственной прагматикой и жанровой формой). Эти приемы помогли осмыслить информацию из разных областей знания, напрямую не связанную с проблемой генезиса психологической мысли в период русского средневековья, и трансформировать ее в область истории отечественной психологии. Реинтерпретация как способ актуализации нового взгляда на старые истины помогла собрать фактологический материал, подтверждающий и даже утверждающий основные особенности возникновения и развития русской средневековой психологической мысли из вторичных источников, которые содержат необходимые для нашего исследования косвенные данные.

Таким образом, научно-объективный анализ отработанного фактического материала на основе интуиции, воображения, логических размышлений, обобщения, систематизации позволил рассмотреть генезис психологической мысли русского средневековья как системное явление.

Итак, для решения исследовательских задач нами был привлечен материал из смежных областей знания, что вызывало определенные сложности, связанные с разнородностью информации. Однако именно результаты научных исследований по истории, истории психологии, философии, культурологии, этнологии, филологии, искусствоведению позволили выявить и использовать факты в анализе исследуемой нами проблемы. Именно широта и разнообразие использованных в исследовании источников, применение логико-селективного анализа информации вторичных источников позволили обобщить полученные фрагменты реконструированного знания. На основании полученных в результате логической реконструкции данных определилась интегрированная теоретическая картина генезиса психологической мысли русского

средневековья. На рисунке 2 обозначены междисциплинарные знания, лежащие в основе логической реконструкции генезиса психологической мысли русского средневекового периода.

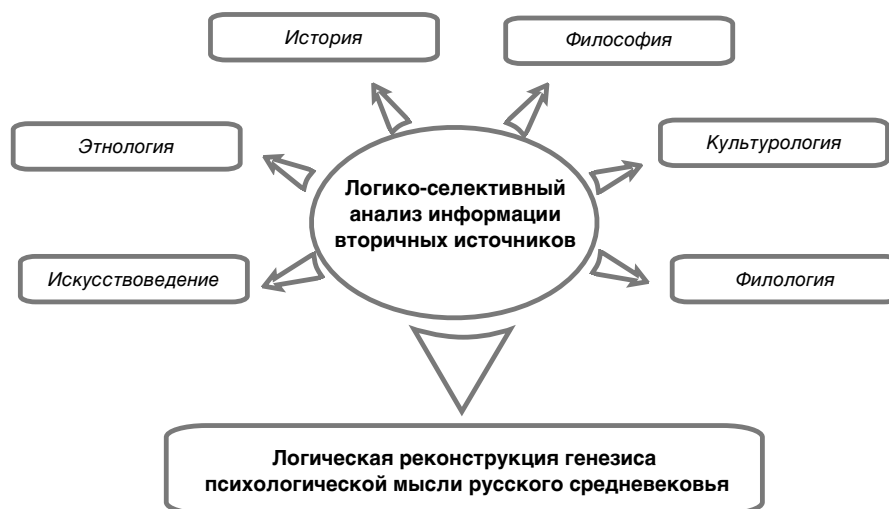

Рис. 2. Междисциплинарные знания, лежащие в основе логической реконструкции генезиса психологической мысли русского средневекового периода

На этом этапе первоначально были проанализированы древнерусские произведения XI – XVII вв.: «Источник знания»; «Шестоднев»; «Толковая Палея»; «Диоптра»; «Повесть о споре жизни и смерти»; «Изборник 1076 г.»; «Пчела»; «Кирилло-Белозерский сборник»; «Послание о посте и воздержании чувств киевского митрополита Никифора Вл. Мономаху»; «Слово о Законе и Благодати»; «Повесть временных лет»; «Поучение»; «Послание, написанное Климентом митрополитом русским Фоме прозвитеру, истолковано Афанасием мнихом»; «Притча о человеческой душе и теле»; «Слово о полку Игореве»; «Домострой»; «Наставление о душе и страстях»; повести о «Горе-Злосчастии», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Хождение за три моря»; агиографические произведения: «Житие святого равноапостольного великого князя Владимира», «Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Авраамия Смоленского», «Житие Феодосия Печерского», «Житие Александра Невского»,

«Житие Сергия Радонежского», «Житие Кирилла Белозерского», «Житие Зосимы и Савватия Соловецких», «Житие митрополита Филиппа», «Житие царевича Димитрия Угличского», «Житие протопопа Аввакума», «Житие святых праведных жен Марфы и Марии», «Житие боярыни Морозовой»; былины; пословицы; сказки; загадки.

Затем были проанализированы вторичные источники с учетом выделенных нами критериев (источники из разных областей научного знания, в которых содержится информация, косвенно отражающая коллективные и индивидуальные психологические воззрения в период русского средневековья: по истории, филологии, культурологии, этнологии, филологии, искусствоведению). Это прежде всего работы М.В. Алтапова, А.Н. Афанасьева, В.В. Бычкова, М.Н. Громова, А.В. Замалева, Д.С. Лихачева, А.Ф. Лосева, В.В. Милькова, П.М. Пелеха, С.В. Перевезенцева, В.Я. Проппа, Б.А. Рыбакова, М.В. Соколова, М.Н. Сперанского, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Е.Н. Трубецкого, Л.А. Успенского, Л.А. Чёрной и др. (полный список трудов представлен в библиографии).

Еще раз подчеркнем: способ логико-селективного анализа позволил интегрировать интересующую нас информацию из множественных источников, которые подбирались в соответствии с поставленными в исследовании задачами.

§ 1. 6. Моделирование генезиса психологической мысли в период русского средневековья

Методологическое осмысление исследовательского подхода состоит в обосновании модели исследования, своеобразного теоретического каркаса научной работы.

При построении модели нашего исследования были учтены основные принципы, используемые в отечественной истории психологии (о них подробно

было сказано в § 1.3). Определяющее значение для нас имела ориентация на целостное изучение исследуемой проблемы.

Т.В. Корнилова определяет модель исследования как мысленно представляемую систему переменных, отображающую исследовательскую реальность. В качестве основных средств построения исследовательской модели выступают процессы идеализации и абстрагирования, с помощью которых выделяются существенные стороны моделированного объекта и отбрасываются несущественные [182, с. 98].

Исследовательская модель может выполнять разные функции, например:

- а) иллюстративную: описание изучаемого явления;
- б) объяснительную: нахождение причинно-следственных связей, помогающих глубже понять познаваемое явление, сформировать о нем более ясные представления;
- в) эвристическую: открытие новых сторон исследуемого явления;
- г) критериальную: сравнительный анализ и оценка как отдельных сторон, так и целостного явления.

Первая попытка моделирования истории психологии принадлежит П. Фрессу (1968). Для построения моделей он исходил:

- 1) из основных фактов, которыми характеризуется тот или иной период истории психологии;
- 2) из типа соотношений между этими фактами, характерными для соответствующего периода.

В качестве основных характеристик модели исследования выступают целостность, схематичность, упрощенность при условии полного охвата и описания исследуемого явления.

О.М. Тутунджян в своей работе «Моделирование как метод историко-психологического исследования» отмечает, что одна из важнейших задач современной истории психологии – это моделирование психологического развития психологических знаний. Историко-психологическое моделирование

представляет собой эффективный метод, принцип изучения логического течения. Основная цель разработки модели связана с познанием прошлого психологии, выявлением и выделением стадий ее развития путем формализованных, обобщающих и синтезирующих схем, которые дают возможность отобразить суть основных психологических проблем. Модель изображает разные направления, теории и стадии, которые можно более конкретно, наглядно и лаконично образно представить [377, с. 108–113].

Отметим интересную и важную для нашего исследования позицию А.В. Юревича: «Если естественно-научные теории излагаются четко и компактно выражаются, например, посредством математических формул, то гуманитарные предстают в виде многотомных произведений, в которых собственно теорию нелегко вычленишь из сопутствующих ее изложению суждений и размышлений. Однако даже в таком нормативно аморфном контексте стандартная структура психологических теорий прорисовывается вполне различимо. Ее наиболее отчетливо проступающие элементы – центр и периферия, то есть некоторые базовые идеи и утверждения, образующие ядро теории, и вспомогательные по отношению к ним опыт и когнитивные конструкции. К центральным компонентам психологических теорий можно отнести: а) общий образ психологической реальности, б) центральную категорию, в) соответствующий феномен, г) набор основных понятий, д) систему отношений между ними, е) базовые утверждения» [417, с. 35].

В.А. Кольцова также отмечает важность моделирования в историко-психологическом исследовании. «Однако, – как отмечает она, – этот метод не осмыслен в должной мере применительно к истории психологии, хотя здесь ярко обнаруживаются его конструктивные возможности. Это обусловлено как спецификой объекта истории психологии, так и способом его познания... Процесс моделирования позволяет исследовать процесс психологического познания целостно и системно, заложив в исходную модель различные его

характеристики – структурные, уровневые, динамические, а также совокупность опосредующих его факторов» [176, с. 387–388].

Таким образом, модель исследования представляет собой теоретическое построение, схему проведения ретроспективного анализа, прокладывающую путь к объяснению, систематизации и обобщению полученных данных. При этом модель в процессе исследовательской работы может дополняться, обогащаться, и только по результатам проведенного исследования можно судить о степени ее адекватности.

Теоретическая модель исследования генезиса психологической мысли русского средневековья представлена нами в виде схемы (см. рисунок 3).

Рис. 3. Схема поэтапной реконструкции генезиса психологической мысли русского средневековья

Изучение генезиса психологической мысли русского средневековья предполагает построение ее системной модели, определяющей основополагающие ориентиры, связанные с планированием и организацией проведения исследования.

В качестве отправной точки в построении модели генезиса психологической мысли русского средневековья мы выбрали системный подход, лежащий в основе монографического исследования «Психологическая

мысль России: век Просвещения», подготовленного группой ученых Института психологии РАН [293]. Основными критериями для анализа психологической мысли авторы монографического исследования определили разные сферы общественного сознания и практики, в рамках которых осуществлялось освоение проблемы человека, накопление и осмысление психологической фактологии (наука, философия, религия, искусство, языкознание, медицина, педагогическая деятельность), а также основные направления психологического знания в системе культуры (дифференциально-психологическая мысль, этнопсихологические и психолого-педагогические идеи, разработка проблем психологии труда).

В исследовании мы опирались на два подхода, традиционно наиболее распространенные в историческом анализе в психологии:

1) *хронологический* (А.Н. Ждан, Т.Д. Марцинковская, В.А. Якунин, М.Г. Ярошевский и др.), направленный на выявление линейной последовательности возникновения и развития психологических идей русского средневековья: языческий этап, православно-христианский этап, религиозно-философский этап;

2) *категориальный* (А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский и др.), ориентированный на выявление инвариантных во времени, сохраняющихся в истории психологических категорий.

Для построения логики исторического анализа важным является определение критериев, вокруг которых выстраивается исследование. Нами были определены критерии, по которым можно судить о специфике психологической мысли в русской средневековый период:

1) детерминанты возникновения и развития психологической мысли в период русского средневековья;

2) уровни психологического познания;

3) спектр ключевых психологических идей;

4) формы репрезентации психологического познания;

- 5) способы психологического познания;
- 6) предметные области психологического познания;
- 6) функции психологического познания.

Модель генезиса психологической мысли русского средневековья представляет собой сложную внутренне связанную систему (см. рисунок 4).

В качестве детерминант формирования психологической мысли исследуются исторический и социокультурный факторы, показано влияние мировоззренческих установок на ее генезис, рассматриваются уровни и формы фиксации психологического познания в период русского средневековья, методы психологического познания и психотерапевтического воздействия, основные идеи и предметные области, зародившиеся и получившие свое дальнейшее развитие.

Выбранный подход позволил рассмотреть исследуемую реальность с разных сторон.

Рис. 4. Модель генезиса психологической мысли русского средневековья

Данная модель позволила нам наметить ориентиры, которые определили основу организации и проведения данного исследования. В последующих главах мы рассмотрим генезис отечественной психологической мысли в средневековый период в континууме его хронологических, количественно-качественных, информационно-содержательных характеристик.

Выводы

Историографический анализ показал, что проблема генезиса психологической мысли русского средневековья в настоящее время в истории психологии исследована не в полной мере, до сих пор отсутствуют теоретико-

аналитические труды, которые бы полно и системно отражали особенности возникновения и развития психологических взглядов, идей, предметных областей в русский средневековый период.

Историографический анализ историко-психологических, философских, культурологических, этнологических, искусствоведческих исследований позволил нам определить степень изученности проблемы генезиса психологической мысли в русский средневековый период и наметить перспективы ее изучения.

При анализе генезиса психологической мысли в русский средневековый период были использованы результаты междисциплинарных исследований, это позволило сформировать более целостное и системное представление об изучаемом явлении.

Для обеспечения достоверных научных результатов необходим более продуманный подбор методов адекватных цели, объекту, предмету и задачам исследования. Анализ литературы позволил нам определить основные принципы исследования и отобрать наиболее адекватные задачам исследования методы. Материалы научных исследований по истории, истории психологии, философии, этнологии, культурологии, филологии, искусствоведению с использованием логико-селективного анализа материала вторичных источников позволили реконструировать знания о генезисе психологической мысли русского средневековья.

Для организации и проведения исследования мы наметили ориентиры в виде системной модели.

Как видим, источниковая база, использованная в работе, достаточно разнопланова по форме и содержанию. Нами исследован большой объем источников, позволивших собрать оптимальное количество фактов, чтобы продвинуться к более глубокому пониманию, детальному постижению проблемы генезиса психологической мысли русского средневековья, а

следовательно, к переходу на более высокий уровень обобщения и систематизации материала.

ГЛАВА 2

СУЩНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

§ 2.1. Феномен психологической мысли русского средневековья

Психологическая мысль русского средневековья определена нами как детерминированная система формирования воззрений, отражающих представления о психических явлениях, репрезентированных на разных генетических уровнях и в разных формах общественного сознания.

Психологическую мысль русского средневековья мы понимаем как самостоятельный и самоценный феномен, сложившийся в особых исторических и социокультурных условиях, как сложное системное явление, характеризующееся такими параметрами, как сущность, структура, детерминанты возникновения, динамика развития.

Феноменальность психологической мысли русского средневековья заключается в том, что она развивалась относительно самостоятельно и независимо от религиозно-философских систем Востока и Запада. Существенное влияние на ее развитие оказали доминирующие мировоззренческие установки этого периода.

На наш взгляд, психологическая мысль имеет структуру, в которой все компоненты этой структуры не только взаимосвязаны и взаимозависимы, но и являются самостоятельными системами. Наглядно структура психологической мысли русского средневековья представлена в виде схемы (см. рисунок 5).

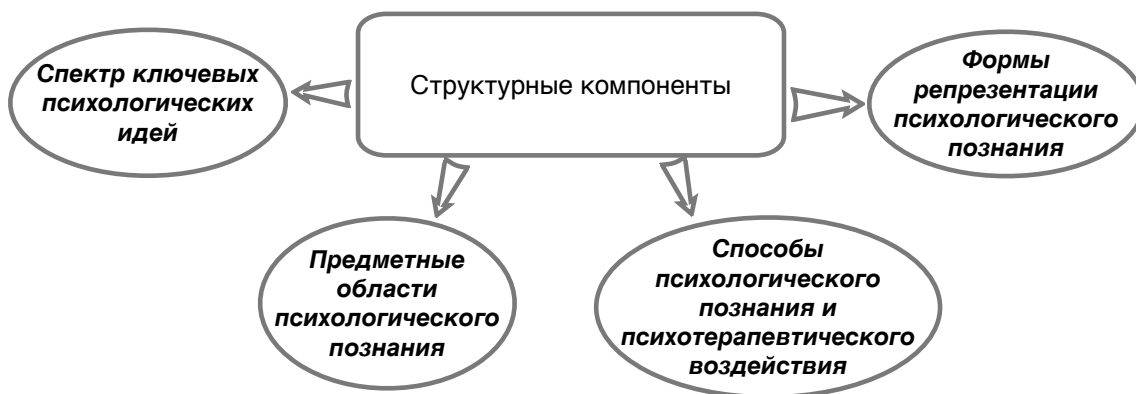

Рис. 5. Структура психологической мысли русского средневековья

Еще раз подчеркнем, что основными свойствами психологической мысли русского средневековья как системы формирования психологического познания являются взаимосвязь подсистем и их элементов; интегративность, процессуальность. Анализ основных структурных компонентов психологической мысли русского средневековья дан в последующих главах.

В период русского средневековья активно осуществлялось психологическое познание через различные формы предметно-практической, познавательной и творческой деятельности человека. Источниками психологического познания являлись жизненно-практический опыт, богословские сочинения, исихазм как метод духовной практики. В качестве основных форм отражения психологического познания мы определили чувственно-наглядные образы, наглядно-практические приемы, психологические суждения и категории.

Особенности генезиса психологической мысли в русский средневековый период мы исследовали через влияние внешних факторов, и прежде всего – через мировоззренческие установки, которые определили генетический уровень развития психологической мысли (уровень психологического познания) и формы репрезентации психологических воззрений в период русского средневековья.

Психологическая мысль русского средневековья представлена следующими ключевыми психологическими идеями: разграничение внутреннего и внешнего миров; взаимосвязь души и тела; природа души, ее структура, функции; детерминанты психического развития; возрастные изменения психики человека; индивидуально-типологические особенности; гендерные особенности; значение детства в становлении личности человека; способы познания души человека и воздействия на нее; идея духовного самосовершенствования; идея самовласти, свободной воли человека; проблема смысла жизни и отношения к смерти. Все эти проблемы в той или иной степени решения нашли отражение как в неформальных, бытовых феноменах, выраженных в символической форме, так и в трудах русских средневековых мыслителей. В этот период начинают вырисовываться такие психологические предметные области, как индивидуально-психологическая, социально-психологическая, этнопсихологическая, психолого-педагогическая, психодиагностическая, психотерапевтическая.

Важнейшей характеристикой психологической мысли русского средневековья является ее представленность в различных символических формах.

§ 2.2. Символический характер фиксации психологического познания в период русского средневековья

Интерпретация психологической мысли русского средневековья как феномена национального сознания, идейно-смыслового понимания психологических явлений невозможна без анализа символической объективации психологического познания. Психологические знания постепенно накапливались в различных сферах общественного сознания, отражаясь в различных символических формах.

Рождение символов уходит в глубь веков, с развитием человеческого общества они возникали как элемент культуры. По своей сути символ – это вещественный, условный знак или действие, способное обозначать психологические воззрения.

Идея символизма наиболее полно представлена в творчестве А.Ф. Лосева, который подчеркивал, что символ способен абстрактную понятийную категорию перевести в наглядную. Культура народа невозможна без символов: «все области действительности и жизни буквально наполнены бесконечным числом разнообразных символов» [207, с. 17]. А.Ф. Лосев указывал на то, что самый простой образ, отражающий собою действительность является символом. Отраженная реальность запечатлена в символе как смысловое обобщение. Символ объекта является его смысловым отражением, который его конструирует и модельно порождает. Через символ между «идеей» и «вещью» возникает не просто смысловое, но реальное тождество [там же, с. 22-23].

А.Ф. Лосев подчеркивал, что «символ есть нечто совершенно точное, абсолютно закономерное и в идеальнейшем смысле слова системное» [там же, с. 10–11], хотя в него входят иррациональные и трансцендентные величины. В символе обозначаемая вещь тождественна обозначающей ее идейной образности: «обозначающее и обозначаемое смыкаются в единой точке, как бы они различны ни были сами по себе. По своему субстрату они – разные, а по своему смыслу – одно и то же» [там же, с. 13]. А.Ф. Лосев указывал на то, что символ, позволяет понять явление в творчески трансформированном виде, обладая при этом огромной познавательной силой.

Согласно представлениям А.Ф. Лосева, символы – это разнообразные предметные или словесные знаки, выражающие духовную реальность; это замещающий наглядный инструмент отражения скрытого смысла, который имеет с ним общие внутренние ассоциативные связи. Символическая форма осуществляет преобразование трансцендентальной понятийной категории в наглядную и общепонятную. Основным смыслом символа как вида коммуникации

заключается в кодировании и передаче человеческой мысли или какого-либо опыта. Символ является специфической переработкой действительности, а именно ее пониманием и интерпретацией [208 – 209].

Проблема символа не менее содержательно рассмотрена и в трудах П.А. Флоренского, который считал, что реальность строится из символов, познается в символах и через символы. Он отмечал, что всякое явление действительности имеет духовный смысл, оно символизирует этот смысл. Символы, по мнению ученого, имеют триединую природу: они чувственны, а следовательно, связывают нас с физической реальностью; они сверхчувственны, а значит, соединяют нас с метафизической реальностью; они трансцендентны и поэтому соединяют нас с мистической реальностью. Именно через них мы заглядываем в «трещины мироздания», отмечал ученый [387].

Кроме того, И.Н. Данилевский отмечал, что для средневекового человека окружающий его мир наполнен разнообразными символами, раскрывающими сущность вещей и явлений. Символы просматриваются практически в каждом произведении, созданном человеком [94], а Р.М. Грановская подчеркивает, что символический язык «указывает на ту предельную реальность, о которой, не обращаясь к символам, говорить невозможно <...> Система символов помогает выразить невыразимое» [77, с. 338].

Г. Юнг также отмечал, что с самых древних времен люди использовали символические формы для обозначения своих мыслей, чувств, смыслов, истин [413].

Для нашего исследования позиция этих ученых является основополагающей, поскольку позволяет судить об особенностях возникновения и развития психологической мысли в период русского средневековья (уровнях, ключевых идеях, предметных областях, способах психологического познания и воздействия) через анализ символических форм.

Э. Фромм подчеркивал, что язык символов позволяет внутренние чувства и переживания преобразовать в визуальную форму, как правило, этот процесс

носит бессознательный характер [392]. Он выделил три основных группы символов: 1) конвенциональные (условные); 2) случайные; 3) универсальные.

Первую и вторую группу символов объединяет общая характерная черта: наличие внешней связи, основанной на смежности, и отсутствие внутренней связи между самим символом и тем, что он отображает.

Универсальные символы, напротив, отличаются существованием внутренней связи между ним и тем объектом или явлением, который он обозначает. При этом такая связь осознается всеми людьми одинаково, именно это отличает универсальные символы как от случайных (они индивидуальны по своей природе), так и от условных (они являются результатом соглашения отдельной группы людей).

Период русского средневековья, являясь начальным этапом в развитии отечественной психологической мысли, определил ее самобытность, которая проявляется прежде всего в использовании специфических форм фиксации психологического познания. Форма фиксации идей может быть вербальной (устной, письменной), графической (наглядно-образной), предметной, наглядно-действенной. Наглядно-действенная, главным образом, связана с обрядами и ритуалами. Фольклорные произведения («устная словесность», «народная словесность») мы относим к устной форме фиксации психологических воззрений; иконопись – к графической (наглядно-образной); богословские произведения, учительную литературу, жития святых – к письменной. Применение разных форм фиксации знаний позволяло наглядно, в символической форме запечатлеть психологические воззрения.

Таким образом, на это указано в статье «Символический язык выражения психологических воззрений в период русского средневековья» (О.В. Клыпа, 2014), «проявлением универсальных символов, отражающих особенности психологического познания в период русского средневековья, являются формы объективированного психологического знания (сказки, былины, загадки, пословицы, обряды, заговоры, иконопись, литературные произведения),

возникшие и развивающиеся в русле мифологии, религии, искусства. Экспликация обозначенных символов позволила нам судить об особенностях психологического познания в русский средневековый период. Именно в этих символических формах отражены знания о внутреннем мире человека, о различных психических явлениях, закономерностях психического развития. Символизм психологических воззрений отражал потребность человека понять себя, свое место и роль в окружающем мире, разобраться во внутреннем мире другого человека» [165, с.222].

На рисунке 6 показаны формы символического отражения психологической мысли русского средневековья.

Рис. 6. Формы символического отражения психологической мысли русского средневековья

Более древней символической формой отражения психологического познания являются магические обряды и ритуалы, фольклорные произведения, возникшие в глубокой древности, до возникновения письменности. Обряды, фольклорные произведения, являясь результатом коллективного творчества,

возникли как потребность в анализе, обобщении и передаче психологических знаний.

М. Забылин, русский этнограф XIX в., писал: «обряд – это народная пьеса, полная тайного смысла, исполненная великой силой, систематически повторяемая, интересна вообще, так как лучше всего иллюстрирует содержание народного сознания» [124, с. 532]. Это высказывание справедливо и для экспликации фольклорных произведений, для которых характерна неизменность идей, образов, сюжетов. Как отмечают фольклористы, по форме и по сути всем фольклорным произведениям свойственна их воспроизведение из поколения в поколение без исправлений. В устной форме (на память) передавались тексты с определенной манерой исполнения (певческой, сказительской) со всеми присущими ей нормами (определялся способ звукового воспроизведения текста: тембр, темп, регистр, манера звукоизвлечения, интонация, а также визуальная информация, сопровождающая слуховую – жесты, мимика).

Анализ обрядов и фольклорных произведений как культурно-маркированных текстов дает возможность понять образ мышления русского народа, его мировосприятие, мироощущение, процесс зарождения и развития знаний о психических явлениях. «В древнерусском фольклоре, в былинах и сказках отразилась и закрепились народная мудрость, своеобразная философия практической жизни, представляющая большой интерес для разработки истории психологических представлений и понятий» [12, с. 33].

Итак, первоначально осмысление и обобщение внутреннего мира человека о себе и других людях, о психических свойствах и способностях осуществлялось непосредственно в жизненной практике человека, закрепляясь в устной форме.

Письменная форма фиксации психологических воззрений (учительная литература, жития святых, сочинения отцов церкви) является генетически более высоким уровнем, чем фольклорные произведения. Различные психологические

представления подвергались не только описанию, но и классификации, трактовке психических явлений.

С книжной культурой непосредственно связана иконопись. Иконописные изображения делают словесное описание более наглядным, ясным, убедительным. Чувственно-воспринимаемые средства изображения являлись «словами» иконописца, несущими психологические идеи более понятные зрителю.

Таким образом, символ является универсальным способом объяснения духовной реальности, специфическим способом как отражения, так и постижения психических воззрений. Символ необходим там, где абстрактные категории не способны выразить реальность, поэтому он играет огромную роль в самоопределении человека, формировании его личностных ценностей, идеалов, мировоззрения, в его психологическом познании и психическом развитии.

§ 2.3. Детерминанты развития психологической мысли русского средневековья

Материал, изложенный в параграфе, лег в основу статьи автора данной диссертации «Особенности генезиса русской психологической мысли» (О.В. Клыпа, 2014) [161, с. 327–332].

Важным аспектом объяснения генезиса русской психологической мысли является выявление факторов, определивших ее особенность.

С одной стороны, это общепризнанный факт, русская психологическая мысль, имея общие тенденции развития с мировой психологической мыслью, была ориентирована на европейскую психологию. Как отмечал А.И. Введенский, «наша философия, как и вся наша образованность, заимствованная. Но так оно и должно быть: большее или меньшее

заимствование и подчинение чужим влияниям – это общий закон развития философии любого европейского народа... Чуткость к чужим учениям – наилучший залог успешного развития философии» [51, с. 27].

С другой стороны, национально-специфические особенности отечественной психологической мысли детерминированы историческими, географическими, культурными, социальными, религиозными факторами.

В период с IX по XVII вв. определились границы государства, были заложены этнокультурные особенности населения, сформировались православные идеалы и ценности.

В работах историков период русского средневековья представлен тремя этапами: догосударственный период (дохристианская Русь) – до X в., Древнерусское государство (Киевская Русь) – XI – XIII вв. и Российское государство (Московская Русь) – XIV – XVII вв.

С целью определения статуса русской психологической мысли средневекового периода выделим наиболее существенные особенности основных этапов периода русского средневековья, учитывая обозначенные выше факторы.

Догосударственный период (дохристианская Русь) – до конца X в.

Вопрос о происхождении славян один из самых спорных в исторической науке. Формирование русского народа осуществлялось на основе славянских племен, смешения нескольких субэтнических компонентов, объединенных единым языком, освоивших в древности огромную территорию Восточной Европы, которая отличалась от территории Западных стран однообразием природных факторов (ландшафта), что способствовало развитию однотипности деятельности восточных славян в отличие от европейских народов. При этом на пути расселения восточных славян почти отсутствовали народы с древней высокой культурой. До второй половины IX в., до образования государства,

восточные славяне имели свою историю, успели достигнуть заметных успехов в области материальной культуры.

Тесные контакты с Византийской империей лишь отчасти способствовали развитию древнерусской культуры. Восточные славяне по своим обычаям, традициям, менталитету, духовному развитию отличались и от соседних с ними народов Западной Европы и Востока. Г.П. Федотов, русский историк – эмигрант, считал, что Россия – третий материк между Европой и Азией со своим уникальным конгломератом («сгустком») ценностей, что Россия – не нищая, а насыщенная тысячелетней культурой страна [381].

Существует несколько гипотез о времени возникновения древнейшей восточнославянской культуры. Большинство ученых выдвигают теорию о том, что к VI в., задолго до образования Киевского государства, восточнославянские племена освоили земли Восточной Европы. Русский народ формировался на основе различных этнических групп, однако славянский компонент всегда был преобладающим и объединяющим.

Благодаря результатам научных исследований в археологии, этнографии, этнологии, фольклористики и др., мы имеем информацию об этнической эволюции восточных славян, об их быте, обычаях, обрядах и верованиях, о языческих богах и мифологических персонажах. Вместе с тем необходимо признать, что большое количество материалов по этнографии, этнолингвистике, народному искусству, фольклору являются сложной источниковой базой, поскольку в них обнаруживается много христианских черт, а языческий компонент не всегда явно просматривается. Поэтому синкритическая славянская мифология требует кропотливого труда для дифференциации языческого и христианского компонентов.

Задолго до возникновения древнерусской литературы восточные славяне широко и активно использовали устное народное творчество. Данные о древнейшей устной поэзии на Руси содержатся в письменных памятниках, прежде всего в летописях. В летописных текстах представлены пословицы,

поговорки, загадки, исторические предания, тексты заговоров и заклинаний, отзвуки эпических песен, сказочных мотивов, похоронных плачей, мифологических верований, в которых в той или иной мере отражены психологические воззрения.

В нашей работе русские обряды, народный фольклор определяются как особый духовный архетип (первообраз), переходящий из поколения в поколение, специфический характер которого обусловлен коллективностью создания, условиями бытования, как часть национальной общественной психологии, отражающей основные психологические воззрения периода русского средневековья. Хранителями обрядового фольклора являлись жрецы и волхвы, познавшие психологические явления, закономерности, типологические и индивидуальные особенности людей и эффективно использовавшие эти знания в жизнедеятельности.

Древнерусское государство (Киевская Русь) – XI – XIII вв.

Культурный расцвет Киевской Руси был подготовлен всем предшествовавшим развитием культуры восточных славян. В конце X – начале XI вв. Киев признавался большим городом (в Лаврентьевской летописи под 1124 г. помещено известие о двухдневном киевском пожаре, во время которого сгорело около 600 церквей). Даже если эти сведения преувеличены, то вряд ли можно усомниться в том, что по своему значению Киев во многом мог соперничать с крупными культурными центрами средневековой Европы. Наряду с Киевом памятники письменности и литературы развивались в русских городах как юга (Чернигов, Туров, Галич), так и севера (Новгород, Смоленск, Ростов).

В это время развивались политические, культурные отношения с Западом и Востоком, появилась письменность, способствовавшая распространению грамотности. Обнаруженные в Великом Новгороде, Пскове и других городах многочисленные берестяные грамоты свидетельствуют о развитии

просвещения среди восточных славян. Русский фольклор воздействовал на древнерусскую литературу, которая в Древней Руси была широко распространена. Как отмечает Н.К. Гудзий, в средневековой Руси устное и письменное творчество состояло в органическом взаимодействии и взаимопроникновении [86, с. 22].

Крещение Руси – крупнейшее событие для русского народа по своим результатам и последствиям. На смену жизнелюбивому оптимизму язычества пришла вера, в основе которой были ограничения, связанные с обязательным выполнением нравственных норм. Церковь проповедовала новую идеологию, прививала новые ценностные ориентиры, воспитывала нового человека. Христианство создавало широкую основу для объединения древнерусского общества, формирования единого народа на основе общих духовных и нравственных принципов. При этом следует отметить, что византийское православное христианство трансформировалось, переплетясь с язычеством, и стало мировоззренческой основой русского народа, основой русской культуры. Как отмечает С.В. Перевезенцев, русские и западноевропейские философы по-разному формулировали важнейшие мировоззренческие вопросы: западноевропейские искали ответ на вопрос «Что есть всё?» (что есть человек, природа, общество и т. д.); русские – «Зачем есть всё?» (зачем есть мир, зачем есть природа, зачем есть человек, зачем человеку дана жизнь, душа, разум). Такой подход русских мыслителей свидетельствует о том, что первостепенной темой русской философии являлась тема нравственного идеала: как должен быть устроен мир, как должен жить человек, и «если на Западе с помощью науки рационализировали религию, то в России чаще всего с помощью религии мифологизировали науку» [263, с. 29].

Принятие Русью христианства сопровождалось притоком на Русь книжности. Языческая Русь, приобщаясь к христианству, прежде всего восприняла церковно-христианскую литературу, без которой невозможны были укоренение и пропаганда нового вероучения и нового мировоззрения. Именно в

этой литературе отражены основные психологические идеи того времени. Специфически светская литература с романтическими сюжетами, свободная от морально-религиозной окраски, бытовавшая на Западе, практически не была известна на Руси. Как правило, переводились и распространялись те литературные произведения, которые соотносились с менталитетом русского народа. Городское население Руси было грамотным. Князья владели иностранными, древними языками. Киевскую Русь называли «книжной страной».

Следует особо подчеркнуть, что проникновение памятников византийской литературы не мешало самостоятельному развитию древней русской литературы. Даже в тех случаях, когда оригинальная русская литература заимствовала материал у переводной, она не теряла признаков самобытности. «Переводная литература на русской почве на протяжении своего бытования подвергалась чаще всего процессу редакционных переработок и вместе с тем органически включалась в общий литературный поток, стиравший грани между чужим и своим» [86, с. 22].

Книжное творчество в средневековой Руси создавалось, поддерживалось и воспроизводилось по преимуществу в монастырских и реже – в великокняжеских мастерских (скрипториях). При монастырях были созданы школы, библиотеки, архивы, переводилось большое количество литературы, писались летописи. В XI–XIII вв. появились переводные сборники, содержащие психологические воззрения: «Пчела», «Златая чепь», «Златоструй», «Мудрости Менандра», «Пандекты Антиоха» «Пандекты Никона Черногорца», «Тактикон Никона Черногорца» и др.

К сожалению, огромное количество книг стorerло в многочисленных пожарах. Монголо-татарское нашествие также нанесло непоправимый урон многочисленным произведениям. Дошедшие до нас несколько сотен книг этого периода представляют далеко не полную картину развития психологической мысли русского средневековья. Между тем, даже в имеющихся в нашем

распоряжении русских средневековых произведениях можно найти психологические сочинения, в которых содержатся психологические воззрения.

В этот период активно развиваются местные школы иконописания. Иконы также отражали психологические воззрения. Именно в это время активно начали зарождаться методы православной психологической помощи.

Российское государство (Московская Русь) – XIV – XVII вв.

Центром русского государства становится Московское княжество. Церковь являлась основой идеологии, культуры и просвещения. Православие определяло общий нормативно-ценностный порядок.

XIV в. стал временем отшельнической и аскетической жизни. Исихастские установки оказали сильное влияние на различные сферы русской средневековой культуры.

Как отмечают Д. С. Лихачев, С. В. Перевезенцев, Л.А. Чёрная и др., в этот период возникают культурные центры, в которых развивается самобытная литература и искусство (в первую очередь – иконопись). Центрами книжной, иконописной культуры являлись монастыри, которые стремительно разрастались. В это время во всех областях искусства (древнерусское зодчество, иконописание, декоративно-прикладное искусство, литература) создаются произведения, ставшие каноническими образцами для последующих поколений. В этих произведениях отражалась идея торжества горнего над дольным, души над бренным телом, стремление человека к духовному развитию.

В XIV – XV вв. растет количество культурных контактов Руси со странами Европы. В Русь приезжают византийские мастера и книжники, повлиявшие на развитие русской культуры, философско-психологической мысли.

Л.А. Чёрная подчеркивает, что основные тенденции развития культуры, определившиеся в XI – XIII вв., получают свое дальнейшее развитие в XIV –

XV вв. В этот период средневековая русская культура достигла высокого уровня развития во всех видах словесного и изобразительного творчества, в основе которого лежала христианская идея доминирования человеческой души над бренным телом. Можно сказать, что именно в это время «русская культура достигает полной самореализации в пределах средневековой идеи человека» [398, с. 267]. На протяжении всего XV в. русское искусство развивается под сильнейшим влиянием стиля, названного Д.С. Лихачевым «психологической умиротворенностью». Вершиной его развития признается творчество Феофана Грека, Андрея Рублева, Даниила Черного, Дионисия.

Характеризуя русскую культуру эпохи средневековья, С.С. Аверинцев, известный русский культуролог, библиист, отмечал наличие разных взглядов на окружающую действительность («бинарное восприятие мира»). Яркий пример этого – спор иосифлян и нестяжателей, в центре которого оказался различный подход в понимании человека. Так, иосифляне подчеркивали влияние социальных детерминант в развитии человека, а нестяжатели – влияние внутренних, придавая особое значение аскетическому воспитанию, способствующему формированию духовно-нравственной личности [5].

Во второй половине XVII в. происходят значительные изменения в рамках русской культурной традиции, связанные с деятельностью патриарха Никона, направленной на церковные реформы. Протопоп Аввакум и его последователи противостояли нововведениям, стремясь сохранить традиции, связанные с христианским представлением о человеке, его месте в мироздании, определяя «премудрость» как нравственное совершенствование человека, а не интеллектуальный феномен.

В XVII в., особенно во второй его половине, в развитии русской культуры стало заметным явное сближение с Западной Европой. Постепенно происходит секуляризация общественного сознания: вытеснение религии наукой, рациональным мышлением, светской этикой.

В России живо ощущается потребность в образовании, ориентированном на западные образцы. В качестве наиболее ярких представителей нового образования выступили Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев, противопоставившие «невежеству» и «тьме» образование, ориентированное на западные образцы. В 1632 г. была открыта Киево-Магилянская академия, а в 1687 г. – Славяно-греко-латинская академия в Москве, которые исследователи традиционно определяют как первые высшие учебные заведения. В них в основу обучения было положено схоластически интерпретированное учение Аристотеля.

Итак, исторические, социокультурные и религиозные особенности русского средневековья являются основными детерминантами формирования русской психологической мысли. Еще русский философ Б.П. Вышеславцев отмечал: «Основные проблемы мировой философии являются, конечно, проблемами и русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения. Разные нации замечают и ценят различные мысли и чувства в том богатстве содержания, которое дается каждым великим философом» [64, с. 154]. М.Н. Громов, Н.С. Козлов подчеркивали, что древнерусская религиозно-философская мысль является духовным, добавим – символическим, отражением мировоззрения русского народа и имеет ряд специфических особенностей [82].

С.В. Перевезенцев также указывает на национальную особенность русского мировоззрения: «Как бы ни говорили, как бы ни приучали нас к мысли о том, что знание не имеет национальных границ и особенностей, – это неправда. Имеет значение и национальная специфика, и национальный интерес... Тем более национальная специфика важна в том случае, когда человек начинает размышлять о смысле и цели жизни. Поиск ответа на вопрос о смысле и цели жизни, познания, деятельности вообще имеет национальную окраску, ибо в данном случае человек основывается на историческом,

религиозном, хозяйственном опыте своего народа» [263, с. 416]. «В еще большей степени национальный характер знания (то есть исторический, религиозный, хозяйственный, политический и т. д. опыт народа) проявляется в том, что и как познает человек – что он ищет в процессе познания и какими методами пользуется» [там же, с. 9–10].

Подытоживая, отметим, что культура русского народа сложилась позже большинства западноевропейских и восточных стран, имела национальные черты, отличаясь по своим обычаям, мировоззрению, духовному настрою. Находясь в постоянном контакте с другими народами, восточные славяне никогда не допускали простого копирования их культур, умели противостоять одновременно и единому католическому Западу, и единому мусульманскому Востоку. Знакомясь с передовыми идеями соседних стран, они перерабатывали их, приспособляя к своей культурной среде. Как отмечает С.В. Перевезенцев, «поразительная жизнеспособность определила своеобразие славянского, а позднее уже и собственно русского мировоззрения – гораздо более оптимистического, чем на Западе и Востоке; гораздо более восприимчивого к влияниям и в то же время способного переделать любое влияние на свой самобытный, русский лад» [263, с. 32].

Вместе с тем И.В. Ржепянская в своей работе «Русское народное творчество в становлении нравственной культуры Древней Руси» отмечает, что русская культура с самого начала своего развития не знала национальной замкнутости. Она была ориентирована не на отторжение чужого культурного наследия, а на его усвоение. Опыт свободного общения с другими народами выработал в русской культуре чуткость и отзывчивость по отношению к воспринятым идеям, идеалам. Русская культура изначально возникла из слияния разных этнокультурных потоков (при главенстве восточнославянского). Эти потоки шли с иранского и тюркского Востока, а также от старых и новых европейских цивилизаций. Поэтому, будучи по сути своей восточнославянской, древнерусская культура с самого рождения несла в

себе много переходных – от Запада к Востоку – форм культурной жизни [302, с. 23].

Таким образом, очевидно, что на возникновение и развитие русской психологической мысли большое влияние оказали исторический, социокультурный, религиозный факторы, определившие ключевые психологические идеи и предметные области, формы и способы психологического познания и психотерапевтического воздействия (см. рисунок 7). Эмпирическое обоснование будет представлено в третьей и четвертой главах диссертации.

Рис. 7. Детерминанты возникновения и развития психологической мысли русского средневековья

§ 2.4. Генетические уровни, формы, способы и предметные области психологического познания в период русского средневековья

Генетические уровни психологического познания в нашем исследовании соотносятся с принятой в научном сообществе типологией культур: архаическая, христианская, секулярная. В основе каждой культуры лежит своя система представлений и знаний о мире и человеке – мировоззрение. В составе

мировоззрения выделяют такие элементы, как знания и убеждения. Знания представляют собой по преимуществу содержательные компоненты системы мировоззрения – «миропонимание», убеждения предполагают ценностно окрашенное нравственное и эмоциональное отношение и к знаниям, и к самой реальности. Эмоциональную сторону мировоззрения принято определять как «мироощущение», а совокупность наглядных образов, отражающих представления, знания, убеждения, – как «мировосприятие». Выделяют три типа мировоззрения: мифологическое, религиозное и философское (см. рисунок 8).

Рис. 8. Элементы мировоззрения и его типы

Исторически первым типом мировоззрения является *мифологическое* мировоззрение (архаическое, языческое). В период с VI по X вв. основополагающим типом мировоззрения восточных славян был мифологический. Миф – это не только повествование о происхождении и развитии мира, это еще и обоснование существующего образа жизни людей (их

взаимоотношений, обычаев и т. д.), в котором отражены нравственные, эстетические, психологические воззрения людей.

Этот тип мировоззрения характеризуется тем, что в нем не отделены друг от друга реализм и фантазия, проявляется он в ранних верованиях (анимизм, фетишизм, тотемизм). Для архаического типа мировоззрения свойственно слияние своего «Я» и окружающего мира. Для этого типа мировоззрения характерны жертвоприношения, ритуалы, поклонение идолам.

Мифологическое мышление способствовало развитию психологического познания, являясь единственно возможным конкретно-образным способом разумного объяснения внутреннего мира человека на ранних этапах развития общества. Абстрактные психологические явления воспринимались и интерпретировались исключительно в объективированных формах выражения: в мифах, культовых действиях, фольклорных произведениях (именно в них отражались жизненно важные для людей переживания и стремления). Вера в миф являлась основой взглядов, идеалов, ценностей человека. Мифы объединяли в себе не только фантазии и верования, но и зачатки психологических знаний – знаний о внутреннем, духовном мире человека.

Следующий уровень психологического познания связан с развитием православного мировоззрения.

В основе православного мировоззрения лежит иррациональная вера в существование Бога, который есть все, и психологическое познание осуществляется через Бога в себе и себя в Боге. Благодаря христианскому мировоззрению возникло стремление к решению психологических проблем, связанных с духовными потребностями человека. Важнейшая для христианской веры идея не только вечной жизни, но и личного спасения, основанного на исполнении библейских доктрин, ориентировала человека на познание своего внутреннего мира и духовного самосовершенствования. При этом проявлялась непримиримость к язычеству. Влияя на развитие культуры, грамотности,

церковь стремилась подавить языческие традиции: коляды и масленицы, скоморошество, игры на народных инструментах и т. д.

И, наконец, третий уровень – философское мировоззрение, обобщающее опыт духовного и практического освоения мира, психологического познания. Философский тип мировоззрения – рационально-теоретическая система взглядов на человека, его внутренний мир. Философский подход к объяснению психических явлений выступает в понятийной, категориальной форме, опираясь на эмпирические исследования, обладая определенной мерой логической доказательности.

Главной особенностью русской средневековой психологической мысли, на наш взгляд, является интегративное влияние двух типов мировоззренческих установок: языческой и православной (см. рисунок 9).

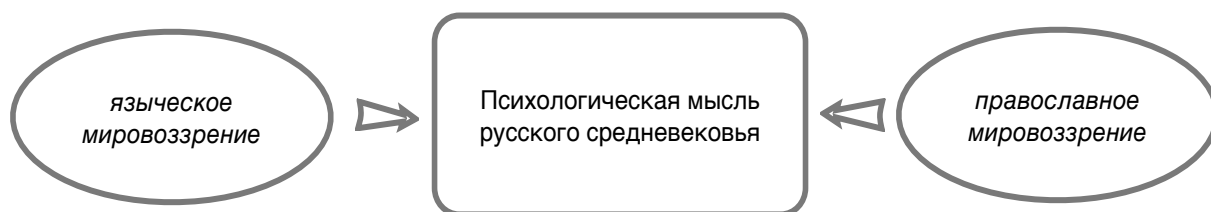

Рис. 9. Мировоззренческие установки, определившие самобытность психологической мысли русского средневековья

На рисунке 10 схематически показаны основные уровни познания психических явлений и формы репрезентации психологического познания в период русского средневековья как своеобразные пласты, качественно различающиеся друг от друга типом доминирующего мировоззрения.

Рис. 10. Уровни познания психических явлений и формы репрезентации психологического познания

Постепенно формы и методы психологического познания в период русского средневековья совершенствовались.

Возникнув на заре человечества и складываясь веками на основе отражения в мышлении людей объективных психических явлений, русская средневековая психологическая мысль являет собой начальный период развития отечественной психологии – период накопления «положительных психологических знаний», как его определял Б.М. Теплов [369]. В.А. Кольцова также отмечает, что «научное психологическое знание базируется на всей предшествующей истории развития психологического познания» [176, с. 23].

Формы психологического познания русского средневековья разнообразны, обладают своей спецификой, определяемой особенностями доминирующего знакового опосредования. Психологическое познание русского средневековья как процесс накопления знаний о психических явлениях осуществлялось во вненаучных формах познавательной и практической деятельности человека (обыденное психологическое знание; психологическое знание, возникающее и развивающееся в русле мифологии, искусства, религии).

Способы психологического познания русского средневековья включают общечеловеческие приемы мышления, приемы эмпирического исследования. На первом уровне психологическое познание основано на непосредственном чувственном анализе психических явлений. Постепенно происходит переход к познанию их сущности. Способы психологического познания и психологического воздействия, основанные на системном наблюдении, сравнении, эксперименте, рефлексии, специфичны и символичны: инициация, заговоры, гадания, исповедь, покаяние, молитва.

Анализ психологической мысли русского средневековья предполагает и выделение основных предметных областей психологического познания (на последующих этапах развития они трансформируются в психологические направления). Приведенные в диссертации факты позволяют их обозначить: это индивидуально-психологическая, социально-психологическая, психолого-педагогическая, этнопсихологическая, психодиагностическая психотерапевтическая.

Итак, в период русского средневековья психологическая мысль трансформировалась в связи с изменениями в сфере общественного бытия и сознания. С течением времени менялись способы психологического познания и психологического воздействия на человека, осуществлялся переход от познания психических явлений к познанию их сущностей. При этом на всех уровнях психологического познания реализовывались такие функции, как познавательно-объяснительная, информативная, регулятивная, компенсаторная, аксиологическая, экзистенциальная. Об этом более развернуто будет отмечено в пятой главе диссертации.

Следует отметить, что под влиянием языческих верований формировалась специфическая русская церковная обрядность. Языческое мироощущение в общественном сознании средневековой Руси было настолько сильным, что порой сами служители церкви путали языческие и христианские

праздники. Христианство приспособлялось к аграрным праздникам, языческим обрядам. Примером может служить праздник Коляды, который слился с праздниками Рождеством Христовым и Крещением; праздник Масленицы, который до сих пор отмечается перед Великим постом. Развивалось особое массовое православие, которое Н.А. Бердяев метко назвал «православием без христианства», а именно – внешнего, формального, синтезированного с мистикой и практикой. В средневековой Руси было распространено двоеверие, характеризующееся довольно прочным сочетанием христианских догматов и старых языческих традиций: христиане молились в церквях и одновременно справляли старые языческие праздники. Веря в Христа и святых угодников, люди верили в леших, домовых, русалок. Святого Илью-пророка соотносили с Перуном, а святой Власий, покровитель скотоводства, отождествлялся с Велесом. В XV в. католический кардинал Д. Элли высказался по этому поводу: «Русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение» (цит. по: [65, с. 31]).

Следует особо подчеркнуть влияние византийского христианства, принципиально повлиявшего на развитие психологической мысли русского средневековья.

С самого зарождения русского государства в силу географических, экономических, политических факторов (торговый путь из «варяг в греки») возникли неизбежные контакты между русскими и византийцами. В X в. Константинополь стал для русских вершиной культурного развития, центром цивилизованного христианского мира. Русь приняла византийское христианство и всегда расценивала этот факт как результат свободного выбора. Византия была принята за образец собственного культурного развития. В этот период осуществлялись активный перевод и распространение именно

византийских богословских произведений, содержащих психологические знания, распространялось религиозное влияние, связанное с исихазмом.

Мы считаем, что комплексное рассмотрение обозначенной нами проблемы с учетом выделенных факторов позволяет дать более отчетливую картину о возникновении и развитии психологической мысли русского средневековья и помогает лучше понять это явление не только как факт прошлого, но и установить ту область психологического познания, которая определила последующее развитие отечественной психологии.

Выводы

Психологическая мысль русского средневековья рассмотрена нами как самостоятельный и самоценный феномен, сложившийся в особых исторических, геополитических и социокультурных условиях.

В качестве основных форм отражения психологического познания нами определены чувственно-наглядные образы, наглядно-практические приемы, психологические суждения и категории. Используя различные символические формы фиксации (обряды, фольклорные произведения, иконопись, литературные произведения), люди стремились запечатлеть психологические воззрения.

Русская средневековая психологическая мысль имеет свои национально-специфические особенности (характерные черты), детерминированные историческими, географическими, культурными, социальными, религиозными факторами, определившими ключевые психологические идеи, предметные области, формы репрезентации и способы психологического познания и психотерапевтического воздействия.

Первоначально на Руси существовала весьма развитая система языческих верований. С X в. православие становится общегосударственной идеологией,

славянская мифология сменилась христианской культурой, впитавшей в себя и культуру античности, при этом длительное время православие на Руси уживалось с язычеством.

В период русского средневековья европейские культурные достижения, и прежде всего византийские, не столько копировались, сколько органично сочетались со знаниями, традициями и обычаями восточных славян дохристианской эпохи, связанных с представлениями о человеке.

Решающее влияние на развитие русской психологической мысли оказало византийское православие. Русь приняла от Византии ее веру, литературу, искусство, а следовательно, и основные психологические знания, способы психологического познания и психотерапевтического воздействия.

Для того чтобы выявить характерные особенности русской психологической мысли средневековья, необходимо обратиться к произведениям, описывающим русские обычаи, русский фольклор, паремии, а также к литературным текстам этого периода. Анализ этих произведений поможет понять нам, каким был стиль мышления в тот исторический период, какие проблемы волновали людей, как осуществлялось психологическое познание и в каких формах оно фиксировалось. Подробный анализ форм, способов, предметных областей психологического познания в русский средневековый период будет дан в третьей и четвертой главах диссертации.

ГЛАВА 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

Язычество является исторически первоначальной ступенью мировоззрения людей, поэтому оно и рассматривается нами как одна из детерминант зарождения и формирования русской психологической мысли.

На основе анализа источников, позволяющих судить о мировоззрении наших далеких предков (археологические и этнологические данные, устное народное творчество, восточнославянская мифология) выделим особенности становления психологических воззрений в период русского средневековья.

§ 3. 1. Специфика отражения психологических идей в языческом мировоззрении

Славянское язычество является неотъемлемой частью русской культуры и традиционно исследуется такими научными дисциплинами, как история, этнология, филология, фольклористика. Вместе с тем в истории отечественной психологии древнерусский языческий период является практически неизученным. Сложность анализа психологических воззрений древних восточных славян (время языческой дописьменной Руси) заключается в отсутствии прямых доказательств – первоисточников.

О.С. Осипова [250], М.Н. Сперанский [353], Л.А. Чёрная [398] и др. выделяют источники, содержащие информацию о язычестве древних славян:

– упоминание византийских писателей (с IV в.) о характерных особенностях быта, мировосприятия, традициях восточных славян;

– отчеты арабских путешественников VII – XII вв.;

– сообщения католических миссионеров о религии восточнославянских племен;

– русские летописи и поучения против язычества XI – XIV вв.

Благодаря результатам исследований историков, этнологов, культурологов сформированы представления об этнической эволюции восточных славян, их обычаях, обрядах и верованиях, о проведении языческих праздников, о ведовстве, о языческих богах и мифологических персонажах.

На протяжении веков формировалась система взглядов, которая определяла ценностные установки людей, способы их взаимодействия, средства психологического познания и оказания психотерапевтической помощи.

В рамках нашего исследования представляется интересным подход Л.А. Чёрной, выделившей периоды в истории мировой культуры с условными названиями: период «Тела», период «Души», период «Разума», период «Экзистенции» [398].

В русской культуре, по мнению Л.А. Чёрной, период «Тела» приходится на дохристианские языческие времена. Для периода «Тела» характерно то, «что мир представал в сознании людей как единое космическое Тело, макрокосм, порой представляемое антропоморфно» [398, с. 67– 68]. Явления природы, предметы жилища (солнце, луна, реки, леса, деревья, огонь, вода, ветер, земля, гроза, ветер, время, печь, двор, порог и т. п.) одухотворялись и представлялись в мифологии человекообразными. В древнерусском язычестве «сильна была вера в сотворение мира как единого Тела, что делало потусторонний мир такой же “живой” близкой частью общего целого» [там же, с. 87]. Осмысление мира осуществлялось с понимания (прозрения) человеческой телесности путем сравнительного анализа функций собственного организма и природных явлений. Это был этап формирования представлений о телесности природы, времени и пространства, в этот период определялись «формы воздействия на свою и чужую телесность» [там же], защитные механизмы при вступлении в

связь с нечистой силой, потусторонним миром, человеком, складывались социокультурные требования к человеку как члену социума, уточнялись его ролевые и гендерные функции и т. д. «В русской мифологии принцип всеединства прослеживается в восприятии всех элементов бытия как единого целого, в представлениях об их взаимозаменяемости и взаимосвязанности. Человек мог легко превращаться в камень, гору, дерево, животное и т. п., и наоборот – любой предмет легко мог стать одушевленным и антропоморфным и даже получить имя собственное» [там же, с. 88].

Именно в этот период происходит зарождение психологического познания, которое детерминировано врожденной потребностью человека как активного деятеля и субъекта социальных отношений, стремящегося разобраться в своем внутреннем мире, своих возможностях и способностях, необходимых для эффективного взаимодействия с реальным миром и другими людьми.

По мнению многих специалистов, ритуалы, обряды лежали в основании всех словесных форм фольклора и мифа в целом. К. Юнг указывал на то, что символы мифа человек сознательно не изобретает, он их переживает, поскольку «в основе создания мифов лежит механизм проекции: перенос содержимого сферы бессознательного на некий объект; в этом объекте скрытое прежде содержимое бессознательного находит свое проявление» [412, с. 33].

А.А. Потебня сравнивал миф с наукой, так как через миф человек пытался объяснить действительность и передать свои знания, свое понимание последующим поколениям [277].

А.Ф. Лосев занимал аналогичную позицию. Он считал, что мифы являются абсолютно необходимой категорией народной мысли, так как в них обнаруживаются значимые для людей определенного времени чувства, ценности, жизненные ориентиры; в мифах «нет ничего случайного, ненужного, произвольно выдуманного или фантастического» [209, с. 24]. Более того, А.Ф.

Лосев подчеркивал, что наука не может существовать без мифа – «она питается ею, черпая из нее свои исходные интуиции» [там же, с. 29].

Таким образом, миф можно рассматривать как источник научного развития, как одну из начальных форм фиксирования психологических воззрений.

Неотъемлемой частью языческого мировоззрения является суеверие. К основным формам суеверия можно отнести обряды, поверья, заговоры, гадание.

Суеверие – продукт мифологического мышления, механизм понимания и объяснения неизвестного, таинственного. Как отмечал Л. Леви-Брюль, суеверия имеют императивный характер: они усваиваются человеком с самого раннего детства практически произвольно, неосознанно, передаются в неизменном виде путем внушения, заражения и подражания [194].

В.И. Даль определяет суеверие как веру в сверхъестественное: в ворожбу, гадания, в приметы, знаменья с целью избежать неблагоприятных ситуаций [92].

Г.Г. Почепцов рассматривает суеверие как феномен, суть которого заключается в том, что человек верит в силы, которые могут защитить, оказать помощь [280].

Ю.В. Саенко рассматривает суеверие как установку, выделяя в ней когнитивный, аффективно-мотивационный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент способствует категоризации события и людей, предвидению возможных последствий встречи с ними. Аффективно-мотивационный компонент определяет эмоциональные состояния, переживаемые человеком относительно потенциально угрожающих, нежелательных или желаемых, эффективных для него явлений. Поведенческий компонент суеверий предполагает выполнение ритуальных символических действий (заклинаний, молитв, заговоров и т. п.), призванных уберечь, защитить человека [317]. Ю.В. Саенко дает следующее определение: «Суеверия – это негибкие знания, с трудом или вообще не изменяющиеся, с трудом или

вообще не переносимые в другие ситуации. Суеверия позволяют осуществлять познание в упрощенной, наглядной форме без опоры на абстрактные научные понятия» [там же, с. 89]. Суеверия можно рассматривать как форму психического отражения, не требующего логических доказательств.

Б.А. Рассел рассматривает суеверие как основу морали, поскольку суеверие способствует сохранению и распространению социальных ценностей и норм поведения. Норма поведения, закрепленная в суеверии, является, как правило, абсолютно признанной в обществе [301].

Исходя из вышесказанного, нам представляется, что анализ различных форм проявления суеверий восточных славян позволяет выделить основные психологические воззрения русского средневекового периода.

Необходимо отметить и важность исследования русских фольклорных произведений. Известно, что язык выражает сущность народа. Идея о связи языка и культуры народа отражена в работах В. фон Гумбольдта (1985), А.А. Потебни (1999, 2000), Н.В. Топорова (1987), Д.С. Лихачева (1993) и др. Отсюда следует, что фольклорный материал содержит основные, концептуальные для народного сознания психологические воззрения.

Подчеркнем еще раз, что психологические воззрения являлись неотъемлемой частью языческого миропонимания древних славян. Они возникли в результате взаимодействия двух составляющих: внутреннего (самого «Я») и внешнего мира. Предметы и явления воспринимались и интерпретировались не через них самих, а через собственное «Я». Интерпретация явлений носила сверхъестественный характер, в ее основе лежало проецирование «Я» во внешний мир без осознания того, что такое проецирование имело место. Поэтому мифологические персонажи (боги, ведьмы, черти и пр.), суеверия – это не что иное, как духовное начало в человеке, спроецированное во внешний мир при отсутствии осознания или понимания данного факта [250; 321; 398 и др.].

Таким образом, вступая в отношения с силами природы, мифологическими персонажами, ориентируясь на созданные идеалы, люди развивали свою психологическую культуру: расширялись и углублялись психологические знания, рефлексивные способности. В этой связи В.И. Вернадский отмечал, что «источники наиболее важных сторон научного мировоззрения возникали вне области научного мышления, вошли в мировоззрение из других областей человеческого духа; они зародились и развивались под влиянием идей и представлений, чуждых научной мысли» [53, с. 48–51]. С его точки зрения, невозможно «отмежевание научного мировоззрения от одновременно или ранее происходившей деятельности человека, поскольку проявления человеческой жизни тесно сплетены между собой, и могут быть разделены только в воображении» [там же].

В мировоззрении языческих восточных славян нами выделены психологические идеи и предметные области, способы психологического познания и психотерапевтического воздействия, которые были репрезентированы в разнообразных формах.

В качестве основных психологических идей выступают:

- идея разграничения внутреннего и внешнего миров;
- идея о связи души с телесной организацией человека;
- идея о структурных компонентах души;
- идея о детерминантах психического развития;
- идея о возрастных изменениях душевной жизни человека;
- идея об индивидуально-типологических особенностях человека;
- идея о гендерных особенностях личности;
- идея о значении детства в становлении личности человека;
- идея духовного самосовершенствования;
- идея о способах психологического познания и психотерапевтического воздействия.

Прежде чем провести анализ основных психологических идей и зарождавшихся областей психологического познания, репрезентированных в разнообразных формах, выделим общие характерные особенности языческого мировоззрения (этот материал лег в основу статьи автора данной диссертации «Психологические идеи в языческом миропонимании древних славян») [163, с. 79 – 85].

- Для восточных славян идея о разграничении внешнего и внутреннего миров являлась исконно архетипической, впрочем, как и для всех других народов. Эта идея обусловлена верой в обожествляющую силу духа как тончайшей материи, которая проникает во все, что существует во Вселенной, принимая объективируемые формы. Материя и дух – это разнородные категории (уровни) единой субстанции. При этом внешний мир, функционируя по своим внутренним законам, оказывал влияние на жизнь человека, реагируя на просьбы, заклинания и т. д.

- Идея возрастной периодизации возникла на основе целостного мироощущения, когда человек, живя по законам Вселенной (не отделяя, а тем более, не противопоставляя себя ей), убежден, что материальное (телесное) и духовное (психическое) по своей сущности неразрывны. Законы мироздания определяли существование человека (фатальность рождения и смерти, возрастные изменения) и помогали осмыслить основные этапы человеческой жизни.

- Формирование идеи Я-концепции в древнерусский период связано с представлениями о видимом (внешнем) и невидимом (внутреннем) мирах, с образами «я» и «другой».

В славянском язычестве характерно проецирование психических качеств и индивидуально-психологических особенностей, свойственных самому человеку, на все формы проявления окружающей действительности. Чтобы лучше разобраться в своем собственном внутреннем мире, люди персонифицировали воображаемые божества. Существовала иерархия богов

восточнославянского пантеона. Разделение богов на различные иерархические категории отражает социально-психологические воззрения древних славян, психологические закономерности в их взаимоотношениях. Каждое божество имело свои характерологические особенности, жизненные цели, социальные задачи. Одни божества отражали общественно значимую направленность, другие – социально безнравственную, эгоистическую. Как правило, практически все божества в своих проявлениях объединяли относительно положительные и отрицательные характеристики, что позволяет говорить о формировании социально-психологического познания.

В некотором роде язычники воспринимали богов как родителей, без помощи которых не представляли своего существования. Взаимодействуя с божествами, люди развивали свою психологическую культуру. На этой основе происходило формирование моральных установок, нравственных идеалов.

- Формирование категории «души» и осознание ее роли в жизни человека, что свидетельствует о возникновении рефлексивной способности, осмыслении человеком своего внутреннего мира и внутреннего мира других людей.

М. В. Попович указывает, что у древних восточных славян идея духовной сущности человека была отражена в разных представлениях: «человек как живая чувствующая и действующая сущность в ее видимых проявлениях; человек как неповторимая личность, как человеческий облик, как существо социальное, что отождествляется с именем, внешним образом, тенью; человек как органическая животная сила с невидимым «духом», «дыханием»; «человек – это то, что остается после его смерти» [274, с. 103].

Другие исследователи славянского язычества также отмечали, что для древних славян душа понималась как чувствующая и действующая сущность, сохраняющаяся после смерти человека. Поэтому в представлениях славян дети воспринимались как вернувшиеся на землю предки, они часто наследовали как

телесные, так и духовные качества давно умерших родственников [183; 315; 333 и др.].

Отсюда вытекает еще одна психологическая идея – идея наследственной детерминации.

- Идея дуализма души и тела. Считалось, что душа (тончайшая духовно-телесная часть человеческого существа) пробуждается к жизни с рождением человека, она находится в его теле в определенном месте (в голове, в груди, в животе, сердце и др.), растет вместе с ним, питается паром от пищи, способна покидать тело во время сна, обморока. Смерть воспринималась как переходный этап души человека в новое качество. Таким образом, тело смертно, душа бессмертна.

- Идея о детерминантах развития личности человека связана с понятиями судьбы и свободы воли человека. Наряду с представлением славян о том, что душа, вселялась в тело человека еще в период внутриутробного развития, должна определять его характер, поведение, способности, они вместе с тем придавали большое значение активности самого человека: судьба зависела от его собственного выбора, волевых качеств, поступков. Именно в этом проявляется свобода человека: каждый наделен способностью влиять на свою судьбу посредством волевого и целенаправленного поступка-выбора как ответственного осознанного поступка, который должен совершаться с учетом всех возможных взаимосвязей со всеми уровнями бытия. Язычники верили, что за правильные, полезные, благостные деяния они будут обязательно вознаграждены, а за вредные, неверные – наказаны. Эти представления отражены в русском фольклоре.

Осознание культивируемых в обществе идеалов и нравственных предписаний осуществлялось через систему обрядовых действий.

- В период восточнославянского язычества начали формироваться ценностные ориентации через смысловое наполнение таких абстрактных категорий, как «добро» и «зло», «любовь», «совесть», «чувство долга», суть

которых отражена в русских фольклорных произведениях. В исследованиях М.Б. Никифоровского (XIX в.) отмечено, что «злое» и «доброе», по убеждению славян, находится в вечном противостоянии, в котором доброе начало всегда перевешивает его. Доброе начало, как правило, фетишировалось, репрезентировалось в гораздо более конкретных и разнообразных символах, в отличие от злого начала. Злое начало представлялось чаще всего под общим названием – нечистая сила, или – в немногочисленных символах – злых образах (черт, ведьма, леший), выполнявших репрессивную функцию (качать, насылать несчастья). Например, заклинание от имени Чернобога расценивалось как призыв к ужасающему возмездию за содеянное зло, преступление, за нарушение законов миропорядка, данных Матерью – Природой [238].

- Для восточнославянского языческого мировоззрения свойственна имплицитность психологических воззрений (неопределенность и незафиксированность в соответствующих категориях). Древнерусское общество в своей основе было обществом бесписьменным и на протяжении большого исторического периода существовало в основном устное общение людей. Поэтому большая часть психологических воззрений распространялась среди людей, не будучи зафиксирована на бумаге. Среди славян того времени доминировала прямая устная речь со всеми ее аффективными компонентами, со свойственным ей характером особой суггестивности. Активно использовались культовые и обрядовые действия – (система символов), которые помогали выразить абстрактное, не укладывающееся в рациональные, традиционно используемые понятия. Ритуалы (обряды) стимулировали, поддерживали или сдерживали определенные психические состояния человека, часто выполняя функцию психологической защиты. Кроме того, ритуалы (обряды) благоприятствовали единению группы, на основе общих аффективных переживаний закрепляли социальные нормы поведения. Организации ритуалов и культов отводилась большая воспитательная роль.

Итак, подчеркнем еще раз, что о дохристианских воззрениях приходится судить на основании данных этнологии, культурологии и фольклора. Языческая культура славян была культурой устной. Поэтому фольклор, исключая позднейшие наслоения в нем, можно считать универсальной формой выражения общественного сознания всего славяноязыческого этноса. В рамках рода, общины все были равноправными участниками (сотворцами) праздничных обрядов и религиозных ритуалов. Славяно-русское язычество – это в своей основе доклассовый тип культуры, имевший мифологическое выражение. Миф, со свойственным ему синкретизмом, отражал наряду с историческим, художественно-эстетическим, дидактическим, безусловно, и психологический опыт народа, поскольку заключал в себе общие представления не только о мире, но и о человеке. На рисунке 11 обозначены основные психологические идеи, репрезентированные в различных формах языческого мировоззрения восточных славян.

Рис. 11. Основные психологические идеи в языческом мировоззрении восточных славян

В последующих параграфах дан анализ психологических идей, представленных в различных формах мифологического сознания восточных славян русского средневековья.

§ 3. 2. Репрезентация психологических воззрений в обычаях, обрядах, поверьях

В системе восточнославянского языческого мировоззрения субстанциональные психологические идеи нашли отражение в объективированной форме – обычаях, обрядах, поверьях, которые можно рассматривать как точку отчета в зарождении отечественной психологической мысли.

Обычай, обряд, ритуал – общепринятые традиционные правила поведения, издавна укоренившиеся в быту народа (по толковому словарю русского языка Н.Д. Ушакова), действия, которые используются в наиболее важные моменты жизни (рождение, наречение, свадьба, смерть и т. п.), некоторые ритуалы исполняются для умиротворения либо изгнания сверхъестественных сил, навлекающих болезни, неудачи, телесные повреждения. Обычаи, обряды и ритуалы имеют символическое значение, они выражают мысли и эмоции в действии, выполняя функцию психологической защиты. Ритуал, являясь особой программой поведения, способствует преодолению коллективом критических точек бытия и сохранению социальных ценностей [378].

У восточных славян существовали довольно развитые формы языческой обрядности. Языческие ритуалы не уступали христианским по пышности, торжественности и воздействию на психику.

Большое значение в жизни древних славян имели поверья, то есть предания, основанные на суеверии.

Исследование обрядов, обычаев, ритуалов, поверий позволяет судить о психологических воззрениях в период русского средневековья. Начиная с XVII в., в России известны записи фольклора, дающие представления о формах языческого верования (Е.В. Аничков, А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, П.В. Киреевский, В.Я. Пропп, И.П. Сахаров и др.). В работах исследователей можно встретить описание свадебного и погребального обрядов, заговоров, былин и сказок. Обряды, ритуалы, поверия охватывали практически все стороны человеческого существования, все этапы жизненного пути: рождение, наречение, брак, беременность, похороны. Каждый из этих этапов в древнерусский период сопровождался церемонией, инициацией, цель которой – обеспечить человеку переход из одного состояния в другое. Изменение социального статуса влекло за собой изменение образа жизни, изменение места жизни. Смена статуса всегда сопровождалась ритуалом.

Таким образом, с помощью ритуалов, обрядов, поверий осуществлялась преемственность основных психологических идей, способов психологического познания и психотерапевтического воздействия, способствующих самопознанию, познанию других людей, установлению межличностных взаимоотношений и пр.

В рамках настоящего исследования продемонстрируем особенности психологического познания древних славян на примерах обычаев, ритуалов, поверий, связанных с рождением и воспитанием детей, инициацией, свадьбой, похоронами, поскольку, как было отмечено выше, традиционные обрядовые действия совершались в поворотные моменты жизни человека. Именно к этим событиям древние славяне относились с особым почитанием, фетишизируя их.

В основательных трудах, посвященных языческой культуре, славянской древности, представлен широкий обзор мифологических систем русского народа [25–27; 55; 59; 85; 92; 124; 147; 181; 183; 185; 250; 274; 283; 321; 325;

331 – 340 и др.]. Рассмотрим обобщенные примеры, приведенные этнографами, культурологами, изучавшими славянские народные верования и обычаи, в которых репрезентированы основные психологические идеи восточных славян в период русского средневековья.

Идея разграничения внутреннего и внешнего миров

У древних славян формировалось представление о душе как особом существе, наделенном мыслящей, волнующей, желающей и приводящей в движение тело силой. Обряды, поверья свидетельствуют о стремлении восточных славян осмыслить этот феномен.

Идея души как особого существа, как факта внутренней жизни человека формировалась на основе самонаблюдения, наблюдения и закреплялась в фольклоре, ритуалах, обычаях. Наиболее ярко концепт души представлен в обрядах, связанных с рождением и смертью человека.

В книге И.А. Мудрова «Словарь славянской мифологии» описаны представления славян о душе человека: «Славяне признавали в душе нечто отдельное от тела, имеющее свое самостоятельное бытие. По их верованиям, душа еще в течение жизни может временно расставаться с телом и потом снова возвращаться в него; такое удаление души обыкновенно бывает в часы сна. О колдунах и колдуньях рассказывают, будто они, погружаясь в сон, могут выпускать из себя воздушное демоническое существо, то есть душу, которая принимает различные образы и блуждает по тем или иным местам, причем оставленное ею тело лежит совершенно мертвым. Таким образом, тело есть жилище духа, та временная оболочка, в которую она заключается при рождении дитяти и покидает при кончине человека. Душа человеческая, по древним языческим преданиям, представлялась в самых разнообразных видах» [340, с. 82–83].

О.С. Осипова подчеркивает: «душа осмыслялась древними славянами через взаимосвязанную цепь образов, отражающих имманентно присущие и функциональные качества человеческой души» [250, с. 37].

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» в главе «Душа» отмечено, что, согласно древним верованиям, душа входит в человека до или в момент рождения [333–334]. В одном из древнеславянских поверий указано, что в теле умирающего человека душа перемещается к «выходу» и приостанавливается там, откуда ей легче будет выйти из тела, как правило, это рот. Прежде чем выйти из тела душа постепенно «иссыкает» в нем («душа коротка стала», «душа на одной нитке держится»). В фазу смерти душа «вылетает», «отлетает», «выходит» из тела. Умирающий «расстается», «разделяется» с душой, «прощается с ней», «испускает», «изрыгает», «выдыхает» душу, «спускается с души». Родственники умирающего заботились о том, чтобы, по народному выражению, «пропустить» душу, покидающую тело, для чего расстегивали одежду, отворяли окна, двери, сундуки, печную трубу, разбирали потолок или крышу. Существовало поверье, что если душа в момент смерти не выйдет из тела, то умерший превратится в упыря. Поэтому при умирающем всегда должны были находиться близкие, которые «караулили» душу (и даже магическими приемами «выманивали» ее из тела) и по колыhaniю воды в чашке убеждались, что душа покинула тело. В литературе описан обычай «вытряхивать душу», то есть трясти покойника на пороге, при выносе из дома, в сенях, в воротах, в поле, с тем, чтобы душа вышла из тела. Реальной представлялась также опасность возвращения души в тело или вселение в мертвое тело какой-нибудь неприкаянной «злой» души; стремлением это предотвратить объясняется обычай завязывать покойнику рот. Обычай сразу после смерти выливать всю воду в доме также связан с поверьем, что душа умершего может задержаться в воде; она может остаться и в зеркале, поэтому зеркало завешивали или отворачивали к стене [333, с. 162-167].

А.Н. Афанасьев писал, что, по славянским представлениям, душа (в виде мухи, жучка, мурашки, птички) выходит из тела человека во время сна, и если она не найдет оставленного тела и не вернется в него, человек умрет или сойдет с ума. По белорусскому поверью, душа, выходя из тела спящего, не покидает его совсем, а как бы вытягивается изо рта в виде неизмеримой ленты, которая одним концом остается в человеке, а другим может быть, где хочет [27].

Душа, покинувшая тело в момент смерти, перемещалась, совершая круговые движения сначала вокруг покинутого тела, затем концентрическими кругами все далее и далее отдалялась от тела до ее постоянного пристанища на «том свете», откуда она могла совершать периодические «отлучки» к местам своего земного бытования (души грешников остаются навечно неприкаянными и блуждающими между земным и загробным миром). Первый круг – дом, в котором душа остается от трех до сорока дней (чаще всего 3, 9, 12) или же в эти сроки каждый день приходит домой (душа родителей, оставивших детей, пребывает в доме сорок дней, а душа бездетных – только три дня). Вторым кругом – между домом и кладбищем. При захоронении душа находится над вырытой могилой; после погребения она остается на могильном кресте или на кладбищенских воротах «сторожить», то есть дожидаться следующего покойника, который сменит ее на посту. После сорокового дня душа становилась свободной и весь мир во всех его измерениях был ей доступен (верхние сферы – небо, земное обитаемое пространство и нижние сферы – подземный мир). На этом этапе, «когда тело оказывается полностью устраненным, душа идентифицируется с самим умершим, с его личностью и выступает в качестве его двойника. Поэтому для нее имеют значение такие признаки, как праведность/греховность умершего, характер его смерти («своя» – «не своя») и отношение к нему оставшихся в живых родственников (оплакивают ли его, молятся ли за него, совершают ли положенные поминальные ритуалы)» [333, с. 162–167].

Обряд прощания с умирающим предполагал проводы его души-двойника: у умирающего расстегивали одежду, в доме открывали окна и двери, снимали печную заслонку для того, чтобы «пропустить» душу, а «в изголовье умирающему ставили чашу с чистой водой, для того чтобы его душа могла омыться или обмыть свои крылья перед отправкой на тот свет» [238, с. 91]. М.Б. Никифоровский отмечал, что «ничего так не боялись древние, как бездетства, так как с окончательным вымиранием рода погаснет и его очаг, а с тем вместе и души умерших предков лишаются обычных жертв, остаются без пищи» [там же].

М.В. Попович следующим образом интерпретирует старославянский погребальный обряд. Смысл погребального обряда первого дня – это прощание с жизнью. Три поминальных дня являются основой обряда – третины, девятины, сорочины: в третий день изменяется образ покойника, в девятый – «распадается тело», в сороковой «истлевают сердце» [274, с. 69–70].

И.И. Срезневский в работе «О языческих верованиях древних славян в бессмертие души» [355], А.А. Котляревский в работе «Погребальный обычай славян» [183] отмечают, что древние славяне описывали посмертное жилище с двух позиций: с одной стороны, славяне представляли посмертное место пребывания для чистых, безгрешных душ как чудесный сад, находящийся в небесах, во владении бога, (откуда семена жизни залетают на землю), с другой стороны, нечистые, порочные души попадали под землю, где живут души огня и тьмы, и терпели лишения и страдания. Однако, как подчеркивает И.И. Срезневский, язычник всегда имел возможность снискать от богов помилование за грехи.

Таким образом, в психологических воззрениях древних славян идея о разграничении души и тела являлась основополагающей, также подчеркивалась обусловленность посмертного места пребывания души от качества прожитой жизни. При этом допускалась возможность очищения от грехов и при жизни, и после смерти. Так, в работе М.Б. Никифоровского отмечено, что по верованию

славян для умерших душ наступает возрождение, как возрождается природа с приходом весны. Умершие души наблюдают за оставшимися на земле живыми родственниками, при необходимости помогают, заботятся о них, в свою очередь живые рассказывают умершим им о своих горестях и радостях с уверенностью, что их слышат. Дух предка делался хранителем рода. Статус предков приобретали лишь те, кто умер своей смертью и полностью прожил на земле отпущенный век. Такие «предки» считались членами рода и составляли с живущими единую сакральную общину. Самоубийцы, а также люди, умершие насильственной или преждевременной смертью, предками не становились, так как они не изжили свой век на земле, из-з чего их души не могли окончательно покинуть «этот» свет. По поверьям, они «застревали» на границе миров и могли постоянно являться своим близким. Душа грешников могла быть опасной для живых людей, так как, находясь у границ земного и неземного мира, она не могла найти свой локус и успокоиться, вследствие чего часто беспокоила их, просила помощи, пугала, угрожала и даже причиняла зло [238, с. 94].

Таким образом, в народных обычаях, обрядах, поверьях проявляется уважение, почитание умерших, вера в бессмертие души. В языческую эпоху у славян были праздники в честь и память усопших предков, посещение кладбищ и поминок.

А.Н. Афанасьев также высказал идею о переселении душ в представлении древних славян, которые верили, что после смерти человеческая душа могла приобрести разные формы существования (растение, животное, человек). Поскольку душа могла войти в новорожденное дитя, детям старались давать имена прославленных, уважаемых предков, что налагало своего рода ответственность на появившегося на свет человека [25–27]. Плачи над покойником включали элементы причитаний, связанных с ожиданием возврата покойника в новом теле: умерший терял свое земное тело и обретал новое [398, с. 116].

*Идея о значении пренатального периода
и периода детства в становлении личности человека*

Эта идея отражена в обрядах, поверьях, связанных с отношением восточных славян к беременности, рождению, наречению, воспитанию детей.

С одной стороны, древние славяне считали индивидуально-психологические особенности человека врожденными и связывали их с божествами, в частности, со славянской богиней Рожаницей, которая и определяла судьбу человека. «Едва ребенок появляется на свет, в небе загорается его звезда – она и есть Рожаница. Умрет человек – звезда скатится с небосвода. Но а пока он жив, Рожаница незримо сопровождает его от младенчества до старости, направляя поступки, характер, счастье человека. Но удача ждет, если только Рожаница вспыхнула в добрую минуту, при благоприятном расположении небесных светил. Недаром в народе говорят: он под счастливой или несчастной звездой родился» [340, с. 57].

С другой стороны, считалось, что характер ребенка, его наклонности, способности закладываются в период беременности, передаются с первым прикосновением взрослых к ребенку, с грудным молоком. Взрослые были убеждены, что внешность, характер, судьба ребенка напрямую зависят от обстоятельств, сопутствующих зачатию, а также от поведения матери во время беременности. Из этнографической литературы [59; 333–334 и др.] известно, что считалось опасным зачинать детей в «переломные моменты годового круга», воспринимаемые как остановка времени. В языческом миропонимании беременная женщина была особым образом связана с окружающим миром: она и ее плод подвергались усиленному воздействию злых сил, а четвертый, шестой и восьмой месяцы беременности определялись особенными. Полагалось, что все душевные переживания и впечатления матери тем или иным образом (прямо или косвенно) отражаются на ребенке. Именно поэтому у славян существовали предписания и запреты, регулирующие поведение беременной женщины: беременная женщина не должна была кого-либо ругать,

сквернословить, поминать злую нечисть, общаться с дурными людьми, обманывать, ссориться с окружающими. Во время беременности женщине не следовало смотреть на уродливых людей, на некоторых животных (лягушек, змей, жаб, тараканов и др.), на покойника, чтобы ребенок не родился уродливым, синюшным. Беременной нельзя было гасить огонь – иначе ребенок будет злым, присутствовать на пожарах – иначе лицо ребенка будет в красных пятнах. То есть ее всячески огораживали от всего, что вызвало сильные отрицательные эмоции, так как это, по мнению славян, могло оказать негативное влияние на внутриутробное развитие ребенка. Напротив, беременная женщина должна была сохранять хорошее расположение духа, обращать внимание на красивое, любоваться природой. Внесение этих эстетических элементов способствовало позитивному мироощущению беременных женщин, что положительно сказывалось в целом на их психологическом состоянии, которое в свою очередь отражалось на физическом и психическом развитии ребенка. Все эти приметы, запреты, требования передавались из поколения в поколение. Они и сейчас для многих людей являются значимыми.

Роды для женщины считались важным этапом в ее жизни – переходом из девичества к статусу полноценной женщины. Сроки родов, как и сами роды, старались скрыть от посторонних: значительно сужался круг общения беременной (в первую очередь старались скрыть это от незамужних, от старых дев, хитрых и злых людей), в последний месяц беременной женщине особенно не рекомендовалось выходить из дома (она как бы отрешалась от мира). Если муж был в отъезде, ей советовали подпоясываться его поясом, а на ночь укрываться чем-нибудь из его одежды (мужская сила должна была оберегать жену).

Момент появления ребенка на свет считался чрезвычайно ответственным, трудным и опасным. Тяжелые роды связывали с влиянием злых духов, борющихся за душу ребенка. Поэтому при родах обычно присутствовал муж,

который нередко кричал, чтобы отвлечь от роженицы злые силы. Сам процесс рождения ребенка соотносился с такими понятиями, как раскрытие, распускание, раскрепощение. Этим объясняются обрядовые, магические действия, символизирующие разрыв замкнутости: в момент рождения ребенка развязывали узлы на одежде, расплетали косы, снимали пояса, открывали печные заслонки, двери.

В этнологических исследованиях описаны защитные действия с последом и пуповиной новорожденного, так как считалось, что именно через них возникала как физическая, так и духовная (психологическая) связь между матерью и еще нерожденным младенцем. По этой причине, чтобы через послед и пуповину злые силы в лице недоброжелательных людей не имели возможность в будущем иметь влияние над пришедшим в этот мир человеком, причинить ему зло, подчинить себе, повитухе необходимо было надежно их спрятать, «похоронить»: повитуха тщательно обмывала их, клала в белую тряпочку, перевязывала красной нитью (красный цвет – цвет огня, сжигающего всю нечисть, и цвет жизни, символ рождения и возрождения), прятала в потаенном месте. Чаще всего послед и пуповину вкладывали в старый лапоть («стопок»), он накрывался другим лаптем, что напоминало аналог деревянного гроба. Считалось, что лапти, сохраняя в себе родительскую энергетику, являются сильнодействующим оберегом. Место захоронения последа и пуповины также выполняло охранительную функцию (под печью, под порогом). Интересен тот факт, что уже в первые минуты жизни младенца с ним обращались в соответствии с гендерными представлениями. Например, плаценты девочек и мальчиков закапывали в разных местах дома: в плаценту девочки клали иголку и нитку и зарывали под порогом (она должна выйти замуж и покинуть дом), а плаценту мальчика – в центре дома. Пуповину мальчика перерезали на топорище или стреле (он должен стать охотником и мастеровым); пуповину девочки – на веретене (должна быть рукодельницей).

Символическая половая идентификация происходила и во время крещения. Девочку передавали крестной через прялку или гребень.

В обрядах были предусмотрены действия, связывавшие ребенка с родителями. Так, с целью защиты от злых сил пупок новорожденного перевязывали льняной ниткой, сплетенной с волосами матери и отца. Пеленали детей в родительские рубахи, сохранявшие их запах, поскольку считалось, что родительские вещи, в которые заворачивают новорожденного, закрепляют родство, а запах отца и матери – это своеобразная родительская «метка».

Новорожденного ребенка вверяли всем стихиям, богам мироздания, надеясь на их покровительство: его показывали небу, восходящему солнцу, молодому месяцу, прикладывали к земле, окунали в воду и т. д.

Существенное значение древние славяне придавали послеродовому периоду. По их мнению, после родов женщина и дитя в течение первых шести недель находились между жизнью и смертью, подвергаясь постоянной опасности со стороны темных сил. В народе говорили: «До девятого дня мать и дитя одной ногой в могиле стоят». Поэтому в первый месяц ребенка никому не показывали, а женщина не должна была оставлять ребенка без присмотра, не должна была покидать пределы двора. Изолированность от внешнего мира имеет обоснованный психологический подтекст: это период не только послеродового восстановления женского организма и необходимый период для адаптации новорожденного, но и период установления максимально тесных контактов новорожденного с матерью, психологический настрой друг на друга. Такой подход способствовал формированию мощнейшей родительской доминанты, зарождению глубокого материнского чувства, способности понимать своего ребенка с первых дней его жизни.

Наречение ребенка также выполняло важнейшие функции. «Имя в народной традиции персональный знак человека, определяющий его место в мироздании и социуме; мифологический заместитель, двойник или неотъемлемая часть человека; объект и инструмент магии» [334, с. 408]. По

мнению славян, имя обладало мифологической и магической функциями. Такой взгляд был основан на вере в сакральность имени, в небесное заступничество одноименных святых, героев, мифологических персонажей. «Имянаречение – важнейший «антропогонический» (в социальном плане – инициационный) акт, придающий новорожденному статус человека. Имя окончательно формирует (творит) человека» [там же]. Ребенок до крещения, то есть до получения имени, нередко трактуется как животное, а умерший до крещения или мертворожденный превращается в демона (ночницу, русалку и т. п.), их души блуждают по свету, плачут и просят дать им имя. Чтобы ребенок не умер безымянным, принято было сразу по рождении называть его «временным», «материнским» именем. Двойное именование было широко распространено у славян. Помимо христианского имени, данного при крещении, ребенок имел языческое имя или ласковое семейное прозвище. В.В. Долгов обращает внимание на разницу в логике подбора имен в княжеской среде и простонародье. В именах князей обычно присутствуют частицы «влад», «волод», «слав», «свят», обозначающие общественные функции, связанные властью, с воинской и религиозной деятельностью, в именах простонародья чаще встречаются – «жи», «жир», «неже», «добро». Так, «жи» является корнем таких слов как жила (жизнь), жило (жилье), жиро (пастбище), жирь (пища), жито (хлеб); «неже», «добро» – частицы, которые связаны с положительными ассоциациями. Выбирая имя ребенку, родители надеялись на благосклонность судьбы, желая маленькому князю воинской славы, а маленькому земледельцу – изобилия. Вера в то, что обладатели одного имени имеют аналогичную судьбу, общность характеров, лежит в основе запрета нарекать новорожденных именем, которые носят или носили слабоумные, воры, пьяницы, трусы и т. п. [104].

Идея о возрастных особенностях развития

Древние славяне определяли взаимоотношения с детьми с учетом их возрастных особенностей. Можно полагать, что уже в то время формировалась первая в истории возрастная периодизация, поскольку в речи древних славян использовались слова, обозначающие различные возрастные группы:

– *дитя*, то есть ребенок, который вскармливается грудью;

– *молодой* – до 3–6 лет, воспитываемый матерью;

– *чадо, ребенок* – до 7–12 лет, начавший обучение;

– *отрок* – подросток 12–14 лет, проходивший специальное ученичество перед посвящением во взрослые члены общины или рода.

По мнению лингвистов, общеславянским и, видимо, наиболее древним является термин «дитя» и родственные ему древнерусские слова: «робя», «робятко». Эти слова использовались для обозначения «маленький», несмотря на то, что уже в момент рождения известно, кто появился на свет – девочка или мальчик. Скорее всего, термин «дитя» (средний род) подчеркивает, что «вскормленное» умеет пока только есть, что «оно» еще не проявляет себя как разумная личность. На это указывает и факт отношения к детской одежде: в Древней Руси, как у мальчиков, так и у девочек, она состояла из одной рубашонки, сшитой не из нового полотна, а обязательно из старой одежды родителей. Считалось, что ребенок еще не окреп телом и душой, и родительская одежда должна его защитить, уберечь от порчи, сглаза, колдовства. Взрослую одежду было позволено носить не по достижении определенного возраста, а после обряда инициации.

Как было отмечено выше, первый год жизни считался самым опасным периодом в развитии ребенка, поэтому соблюдалось множество защитных ритуальных действий и предосторожностей. Например:

– если чужой заходил в избу, ребенка тотчас уносили или отворачивали от незнакомца; «хулили дитя», если кто-то чрезмерно хвалил его; при этом

младенца мазали сажей, углем за ухом, на веке, между лопатками – берегли от сглаза, порчи;

– под постель матери и ребенка или возле нее клали колющие, рубящие и режущие предметы: раскрытые ножницы, иголки – «обереги» от нечисти;

– в одежде использовали красные ленты и тесемки (красный цвет символизировал кровь – символ жизни и огонь, сжигающий зло);

– ребенку не показывали зеркало (пугливым вырастет);

– мать старалась не кормить малыша в потемках (воришкой станет) и др.

Эти суеверия и приметы подчеркивают осознание древними славянами периода беспомощности младенца, роли взрослого в его психическом развитии. В течение первого года жизни, в основном, воспитанием ребенка занималась мать, которая, играя с ребенком, подсознательно, биологически оправданно старалась главным образом успокоить. Активный контакт отца с ребенком начинался примерно с двух лет, когда тот начинал ходить и говорить. Отец, как правило, предпочитал силовые игры и действия, развивающие собственную активность малыша.

Идея о роли воспитания в развитии ребенка

По мнению древних славян, судьба ребенка напрямую зависела от его воспитания, несмотря на то, что душа вселялась в тело человека еще во внутриутробный период и во многом определяла его характер, поведение. Значительную роль играли колыбельные песни, сказки, загадки, игрушки, игры. Они постепенно давали ребенку информацию о том, как строятся отношения людей, что плохо и что хорошо, чего можно ждать от другого человека, как повернуть ситуацию в свою пользу. Древние славяне учили ребенка жить по законам рода и семьи, с раннего возраста приучали его к установленному порядку. В раннем детстве детей старались особо не ограничивать. Системы запретов как таковой не было, наказаний – тоже. И это психологически оправдано, поскольку в раннем возрасте не имеет особого смысла: во-первых,

ребенок еще «не вошел в разум», во-вторых, это может сделать ребенка боязливым. К наказанию прибегали, когда ребенку исполнялось примерно три года.

Интересный подход к исследованию детства в контексте древнерусской культуры прослеживается в работе В.В. Долгова [104]. Он указывает, что родители осуществляли воспитание детей в общем русле мировоззрения эпохи. Например, обычай запугивания детей и систематических телесных наказаний выполняла функцию адаптации их к взрослой жестокой и суровой жизни. Строгие и подчас грубые меры воспитания позволяли сохранить жизнь ребенку в таких обстоятельствах, когда родители вынуждены были оставлять его без присмотра, отлучаясь для работы в поле или мастерской. И все же существовала жесткая градация, когда и как можно наказывать детей: строгость надобна, но зря детей сечь нельзя, ведь сегодня они дети, а завтра кормильцы родителей.

На Руси грамотность и навыки трудовой деятельности передавались детям в первую очередь родителями. Они придавали большое значение для психического развития ребенка игрушкам, которые выступали средством социализации, что подтверждается этнографическими исследованиями. Среди археологических артефактов имеются деревянные копья, кинжалы, луки со стрелами, детские деревянные мечи, лошадки, сделанные из палки с концом в виде головы коня, во рту которого имеются отверстия для поводьев, лошадки-каталки на колесиках, лодочки из коры или дерева, игрушечная посуда (глиняные горшочки, кувшинчики, сковородочки), куклы и др. Кроме ролевых игрушек археологами найдены дидактические игрушки, игрушки для развлечения, способствующие развитию мыслительных процессов, ловкости, координации движений: вертушки, мячи разных размеров, волчки-кубари, санки и др. Игры с игрушками способствовали включению ребенка в символическую систему культуры, происходило формирование знаний, умений и навыков, необходимых для жизни.

За воспитание детей в Киевской Руси были ответственны не только родители. В литературных памятниках нередко встречаются упоминания о «дядьках», «кормилицах» и «кормильцах». С одной стороны, в исследованиях некоторых ученых «дядьки», «кормилицы», «кормильцы» представлены как рабы-воспитатели, которые, однако, относились к привилегированному разряду домашней челяди. С другой стороны, далеко «дядьки» и «кормильцы» не всегда были из числа челяди. Часто при князе это был воспитатель-боярин, пользующийся высоким авторитетом и уважением.

Итак, уже в период дохристианской Руси формировались представления о факторах психического развития ребенка: наследственности, среде и воспитании. Эта идея закреплялась с помощью обрядов, ритуалов, поверий.

Особая роль в развитии ребенка отводилась инициациям: этапы взросления ребенка сопровождались совершением таких обрядов, как постриг, посадение на коня, вскакивание девочек в поневу и других действий, которые служили своеобразной психологической точкой, позволявшей благополучно завершить один этап жизни и начать другой. Например, обряд перевода юношей и девушек в возрастную класс взрослых мужчин и женщин (гендерный подход) требовал внутренней подготовки, необходимости собраться и осознать свое новое социальное положение. Для подготовки к инициации подростки направлялись в специальные лагеря с целью преодоления у них узкого кровнородственного сознания и усиления преданности роду. Признанные члены рода знакомили подростков с традициями, верованиями, культурными ценностями. Не приспособленных к жизни молодых людей, лодырей, тех, кто не прошел инициацию, осмеивали, оставляли «на второй год» и даже изгоняли, отсюда «изгой» – изгнанный из племени.

Девушки тоже должны были преодолеть испытания. Воспитанию девочки, девушки придавалось большое значение. Переход в подростковый возраст связан с половой зрелостью, началом менструации. В народных представлениях главное качество девочки ассоциировалось с понятием

«чистоты», «хрупкости». Если обозначения целомудренной девушки подчеркивают ее честь, «доброкачественность» (хорошая, честная, невинная, непочатая), то в названиях девушки, утратившей девственность, (балованная, нецелевшая, порушена, разворушена, криночка снятая) подчеркивалось обратное. Полагали, что нечестная девушка приносит несчастье. Для мужчин же, напротив, считалось большой удачей лишить девушку невинности.

Девушка обязана была оповестить о своих первых регулах матери, иногда всему селу. Этот значимый факт в жизни девушки отмечался особым образом: приглашали женщин, угощали их, девушка плясала на своей рубашке. Менялась и прическа девушки: в косы вплетались ленты. Переход на следующий этап взросления – в девичество (12–14 лет) – позволяло участие в общих сборищах молодежи (посиделки, хоровод). Посиделки были не просто увеселением, но и своеобразной формой, необходимым этапом подготовки к браку. При этом девушка не могла стать полноправной участницей молодежной группы, участвовать в посиделках, если там находилась ее старшая сестра (те же ограничения касались и парней), иначе появлялся риск нарушить очередность выхода замуж. Правило старшинства у славян определялось как «через сноп не молотят».

Девушка на выданье участвовала в «девичьих смотринах». Девушки выстраивались в ряд, а женихи с матерями ходили вдоль ряда и выбирали невесту. Девственность считалась гарантией будущего здорового потомства и являлась обязательным требованием к невесте. За моральным обликом девушки следили старшие женщины и даже парни: именно они наказывали забеременевшую вне брака девушку. Например, девушке насильно меняли девичий головной убор на женский или обматывали голову старыми штанами (отсюда и прозвища «покрытка», «накрытка»).

Важное значение имело дифференциация жилища и двора на мужское и женское. Территорией мужчины считалась правая сторона дома – красный угол, пространство вокруг стола. Женской – левая часть дома у печи,

именуемая у восточных славян «бабий кут». Как отмечает Н.И. Толстой, «предметы домашнего обихода наделялись полом, и мужчине нельзя было не только заниматься женской работой, но и брать в руки или прикасаться к “женским” вещам, что грозило ему большими неприятностями вплоть до утраты потенции и превращения в женоподобное существо» [333–334].

Описанные обычаи отражают психологическую идею о гендерной социализации, о том, что биологический пол не является первопричиной психологических характеристик поведения и формирования социальных ролей, образа – Я. Формирование и развитие личности как представителя определенного пола зависит от социальных требований, особенностей воспитания. Взрослые не были равнодушны к детскому возрасту и выделяли его как очень важный период в развитии человека.

На протяжении всего древнерусского периода социальной границей взросления, переход во взрослую жизнь считался брачный обряд. Б.А. Романов отмечает, что в послании митрополита Фотия новгородцам (XV в.) была определена предельно допустимая нижняя граница выдачи замуж для девочек – двенадцать лет. На основании того, что митрополит наложил вето на более раннее вступление в брак, следует, что на Руси были допустимы и более ранние браки, обусловленные скорее всего расчетливостью: в семью приходил помощник. Важным показателем взрослости был имущественный критерий, то есть обзаведение собственным хозяйством, поскольку его наличие предполагает проявление самостоятельности и возмужалости. Очевидно, что это в определенной степени связано с необходимостью возможно раннего включения подрастающего поколения не только в трудовую, но и общественную жизнь. Ранние браки были свойственны не только для простонародной среды, но и княжеской, только они были обусловлены в первую очередь политическими обстоятельствами. Б.А. Романов указывает на наличие свидетельств о том, что князь Рюрик Ростиславович в 1187 г. направил к князю Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо послов сватать его

дочь Верхуславу, которой было всего восемь лет, за сына Рюрика – Ростислава, которому исполнилось четырнадцать лет [304].

Свадьба для невесты воспринималась как «маленькая смерть», поскольку она теряла практически все: не только девственность, но и свою семью, дом. Основное испытание девушки происходило в рамках свадебного обряда (одно из русских диалектных обозначений свадьбы – «бесчестие»). Чтобы доказать свою «честность», невеста садилась или становилась на дежу, на ней ей расплетали косы. Нецеломудренная невеста добровольно признавала грех и обходила дежу, в противном случае разного рода несчастья постигли бы ее семью и всю деревню: градобой, засуха, неурожай, мор и т. д. Чтобы защитить село от этих бед, в такую невесту бросали камнями, грязными лаптями [333].

Свадебный обряд, как и другие обряды, был связан с целенаправленным формированием духовных ценностей подрастающего поколения.

Таким образом, на основании анализа источниковедческой литературы, представленных нами материалов можно сделать вывод о том, что в период раннего русского средневековья происходило зарождение и развитие основных психологических идей, репрезентированных в обычаях, обрядах, преданиях и суевериях русского народа: идея о разграничении внутреннего и внешнего миров, о взаимодействии души и тела, о детерминантах психического развития, о возрастных особенностях развития, о значении периода детства в развитии человека, о гендерных особенностях.

Ритуалы, обряды, поверья играли важную роль в жизни людей, давая им ощущение стабильности в жизни, самоуверенность, защищенность. В обряде, ритуале у человека повышается внушаемость, подражательное поведение и импульсивность. Поэтому они выступали и как способы психологического познания и психотерапевтического воздействия на человека.

§ 3.3. Ритуальные способы психологического познания и психотерапевтического воздействия на человека

Обратимся к вопросу о способах психологического познания и психотерапевтического воздействия, которые начали зарождаться у древних славян в период раннего средневекового периода. Именно в этот период люди пытались постичь тайны своей души, понять ее природу, объяснить душевные недуги, найти способы воздействия на психическую сферу с помощью разнообразных средств.

Важная роль в решении психологических проблем принадлежала жрецам, ведунам и ведуньям, знахарям и знахаркам. Исследовательский интерес к роли и деятельности религиозных служителей, целителей у древних славян проявляли М.Н. Никифоровский, Б.А. Рыбаков, И.И. Срезневский и др. Анализ заговорных текстов позволяет охарактеризовать жрецов, как народных целителей-психотерапевтов, обладавших психологическими знаниями, способных оказывать действенную психологическую помощь, грамотно используя ритуалы и силу слова.

Непосредственное психологическое познание, психологический опыт древних славян являлся в основном подсознательным, эмоциональным переживанием, которое не могло сохраняться без должного рационального оформления. В качестве этого оформления выступали такие формы суеверия, как гадание, заговор.

Ю.В. Саенко определяет суеверия как стереотипные методы решения проблем, позволяющие человеку адаптироваться к трудным жизненным ситуациям [317 – 318]. В.И. Лебедев в качестве детерминант суеверий выделяет страх смерти, чувства бессилия, горя, одиночества [193]. Д.В. Ольшанский указывает на то, что суеверия являются механизмом психологической защиты, самопомощи для людей, нуждающихся в психологической контроле. Суеверия позволяют контролировать свои действия, внутренние ощущения, связанные с

тревожностью, неопределенностью [249]. Э. Фромм отмечает, что суеверия призваны защищать человека, являясь своеобразным волшебным помощником [391].

Важным компонентом всех форм суеверия является слово, сакральный смысл которого имело космогоническую силу психологического воздействия. Исследователи полагают, что в славянском язычестве отношение к слову было особое, уважительное. «Слово благословения, доброго пожелания, приветствия призывает на того, кому оно высказывается, счастье, довольство, здоровье и успехи в делах, а слово проклятия или злого пожелания влечет за собой гибель, болезни и разные беды. Даже слово похвалы, если оно высказано неискренне, с чувством зависти, может навредить человеку», – отмечает в своей работе О.С. Осипова [250, с. 47]. Слово понималось как ведовское исполнение, не случайно в народе есть предупреждающая сентенция: «В добрый час сказать, в худой промолчать». Из восприятия магической силы слова вытекает сакральное значение заговоров.

Большое значение придавалось предметам, носимым или хранимым как магическое средство защиты от беды (сглаза, болезней, бесплодия, нечистой силы и т. п.) – амулетам, оберегам. Защитными средствами у древних славян являлись соль, железо, серебрявоск, растения, засушенная пуповина новорожденного или часть его рубашки, волчий медвежий зуб или коготь, волчья или медвежья шерсть и т. п. Амулеты, обереги делались «ведающими» людьми – знахарями, колдунами [124; 325; 333 – 334 и др.].

Заговоры, гадание использовались для возникновения, поддержания или снятия определенных психических состояний человека или группы людей. Так, Р.М. Грановская отмечает, что ритуалы и обряды могут способствовать умиротворению, расслаблению, успокоению мысли, замиранию сознания, то есть достижению одноточечного сознания в пространстве и времени. Благодаря этому из поля внимания исчезают все прошлые связи, и человек способен не

отождествляться как с внешними объектами, так и с мыслями, чувствами, что позволяет сконцентрироваться на духовных объектах [77].

Особую роль ритуал играл во врачевании, в том числе психологическом, осуществляя психотерапевтическое воздействие. Так, заговор, гадание могли способствовать психологической перезагрузке.

Приведем примеры разных форм суеверий, подтверждающие зарождение способов психологического познания и психотерапевтического воздействия в ранний период русского средневековья. Некоторые из перечисленных приемов являются актуальными в современной психологической практике.

Пример [334, с. 425–426]:

Считалось, что испуг – это болезненное состояние, которое вызывает дух («лукавый»). При испуге «лукавый» входит в человека под самое сердце и продвигается по жилам. Особенно он опасен для детей. Испуг беременной мог привести к появлению знака на теле ребенка (красное пятно, заячья губа). Причиной испуга могли быть страшные видения, громкий крик, стук, битье. Испуг мог стать причиной смерти. Чтобы избавиться от испуга, старались определить его источник. Испуг «смывали», «выливали», «пережигали», «изгоняли». Обряд «выливания» испуга: в воду лили воск (свинец, олово) и по застывшей форме определяли источник – это мог быть человек, какое-либо животное или птица. Выполняли эти действия три раза, перед восходом и заходом солнца, после чего воду и восковую фигурку выплескивали в печь, чтобы ошпарить виновника испуга, а вместе в воском уничтожить и болезнь. Или с растопленной свечи воск выливали в воду над головой больного. Перелив воск, знахарка говорила: «Я испуг выливаю с рук/ног/с буйной головы/ ретива сердца (имя)». Пар, поднимающийся над водой, принимали за нечистую силу, бегущую от больного.

Испуг от сглаза лечили водой, в которую капал воск. Воду переливали в миску и поили ею больного. Испугавшегося сбрызгивали водой изо рта; водой, в которой выкупан петух; соляным раствором. Искупав ребенка, воду вместе с

болезнью выливали. «Смывали» страх водой с яйца без желтка; водой после гашения угольков. Испуг «смывали» с рубашки, в которую человек был одет, когда испугался. Такой рубашкой мыли в бане ребенка, как мочалкой. Испуг также «выкачивали» яйцом (то есть катали по телу), хлебным мякишем, ржаной мякиной, скатанной в шарик. Хлеб после лечения бросали на перекрестке или скармливали первой попавшейся черной собаке, чтобы она «отлаяла» болезнь. Для избавления от испуга производили манипуляции с одеждой больного: выворачивали ее наизнанку, бросали на кол, чтобы она «три зари там ночевала»; разрывали рубашку и закапывали ее под водосток, чтобы она сгнила. Сорочку мерили крест-накрест ниткой, которую клали под порог дома, чтобы все топтали ее. Мать высасывала или слизывала страх ребенка из спины и груди, каждый раз сплевывая.

Пример [334, с. 412]:

Имя в ритуале выступает объектом и инструментом магии. Называние человека другим именем широко использовалась в народной медицине как средство его «перерождения», а значит и расторжения его связи с болезнью, влиянием злых сил, насылающих неприятности, несчастья. Так, новорожденного, не обнаружившего признаков жизни, окликали сначала именами умерших родственников, затем другими именами; ребенка нарекали именем, при котором он оживал. У восточных славян, чтобы поскорее забыть покойного мужа, вдова громко кричала его имя в печную трубу.

Считалось, что при лечении наибольший успех достигается тогда, когда больной и целитель носят одно и то же имя или когда средство лечения принадлежит тезке больного.

Особое значение в деятельности жрецов, знахарок играли заговоры. Заговоры – «малые» фольклорные тексты, служащие магическим средством достижения желаемого положительного результата в лечебных, защитных,

ритуалах. В заговорах обращались с просьбой об избавлении от нечистой силы, порчи, лихорадки и др. [334, с. 239–244].

Заговоры характеризуются специфическими особенностями семантических единиц языка, по форме и функциональному значению сходны с заклинаниями и народными молитвами. Как правило, заговоры являлись частью определенного обряда, передавались как в устной, так и письменной форме. Письменную фиксацию ранних заговоров (XII – XIII вв.) ученые обнаружили в новгородских берестяных грамотах. Множество текстов заговоров содержится в лечебниках, травниках, сборниках смешанного содержания (особенно XVI – XVII вв.), в заветных тетрадах, в которых заговоры соседствуют с молитвами, хозяйственными и кулинарными рецептами, календарными записями [181].

Заговоры, как правило, совершали тайно, без свидетелей. «Заговоры были формой наибольшего индивидуального воздействия на будущее, поэтому они и составляли ядро повседневной поведенческой культуры; они не предназначались для коллективного и открытого исполнения, тяготели к тайной стороне жизни каждого человека» [398, с. 121].

В работах А.В. Ветхова [55], М. Забылина [124], Ф.С. Капицы [147], И.А. Мудрова [340], Н. Ушакова [312], Н.И. Толстого [333 – 334] и др. приводятся примеры заговоров и гаданий.

Заговор как обрядовое действие представлял собой обязательное и упорядоченное сочетание слова и дела, вербального и акционального компонентов. Исполнителем заговора были исключительно пожилые и старые люди, как правило – женщины. Тексты и паттерны заговоров строго передавались от старших к младшим с соблюдением особых условий: знахарка, ведунья еще до своей смерти должна была передать свои знания преемнице – девочке, желательной близкой родственнице, не достигшей половой зрелости, которая могла их использовать только после смерти своей наставницы.

Знахарка считалась поверенным между людьми и высшими силами, от которых зависит физическое и психологическое здоровье, благополучие человека. Непременным условием взаимоотношений являлось вознаграждение за труды знахарки, с целью действенности заговора, его эффективности. Также условиями действенности, эффективности заговора считались точность его воспроизведения и соблюдение тайны (необходимые условия в современной практической психологии). Регламентировалось и время проведения ритуала: как правило, заговор следовало произносить или до восхода солнца или после заката. Чаще всего три раза, но могло быть и больше (на двенадцати зорях). Некоторые заговоры должны были произноситься на восходе, другие на закате (учитывалось особое эмоциональное состояние человека). Для заговоров использовали и лунное время. Например, нередко для избавления от болезни выбирали дни убывания месяца, чтобы болезнь тоже постепенно убывала и сходила на нет. В качестве основного места для заговаривания определяли границы пространства: порог, печь, перекресток, колодец, река, мост и т. п.: «Пойду я в чистое поле – под красное солнце, под светел месяц, под частые звезды, под полетные облака; встану я в чистом поле на ровном месте, облаками облачуся, небесами покроюся, на главу свою кладу красное солнце, подпояшусь светлыми зорями, обтычуся частыми звездами, что острыми стрелами – от всякого злого недуга» или «Умываюсь росой, утираюсь солнцем, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звездами» [340, с. 152].

Основными приемами при лечении заговорами являлись обливание водой, растирание, манипуляции с различными предметами, окуривание, измерение, обходы, а также особое поведение заговаривающего, например сплевывание, дутье, зевание, размахивание руками, поклоны и др.

В качестве основных назначений заговоров могли быть: 1) устранение зла; 2) предупреждение зла; 3) наделение благом, желаемым состоянием или свойством (например, уверенным поведением, смелостью, решительностью).

Анализ обрядов, верований, ритуалов, описанных в работах А.В. Ветхова, М. Забылина, Ф.С. Капицы, Н.И. Толстого, позволяет выделить основные этапы заговора. Это три последовательных магических действия: сначала определяется причина, характер или источник, например, болезни, затем болезнь изгоняется из тела пациента, в завершение – символическое уничтожение или отгон болезни. Каждому из этих этапов соответствовал свой фрагмент заговора. Заканчивались заговоры всегда словами, произнесенными в категоричной форме «Слово мое крепко!», «Слово мое непрейдет во век!».

Еще одним обязательным условием заговора было использование особого способа произнесения текста (невнятность, непонятность, скороговорка, шепот, речитатив, особое интонирование и ритмика), что придавало эффект магии и таинства, притягивания помощи иномирных сил.

Кроме того, в ритуальных текстах употреблялись две основных стилевых конструкции: прямая, то есть непосредственное обращение совершающего обряд к объекту воздействия («Булатный нож подрежь черную болезнь в ретивом сердце, в мозгах, костях и жилах!»), и косвенная (повествовательная, нарративная), принадлежащая третьему лицу и отсылающая к заместительной ситуации («...там лежит мертвец, он не имеет ни синей, ни красной опухоли, ни хомута; сидит петух, он не имеет ни синей, ни красной опухоли, ни хомута»). Многие заговорные тексты совмещают в себе обе формы изложения и ситуации (реальную с заместительной): «...На море на Океане, на острове Буяне лежит горяч камень Алатырь, на том камне, Алатыре, сидит красная девица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, руда желтую, зашивает раны кровавые. Заговариваю я раба (имя) по порезу. Булат прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань». Нередко в текстах можно увидеть, как в заместительной ситуации совершается необходимое действие над реальным объектом («Бабушка Саломония мыла, парила раба Божия (имярек) в парной бане, заедала, загрызала и заговаривала...»), может обнаружиться помощник («...выйдет из моря щука злотоперая, чешуя медная, и проглотит тридевять

моих ключей, и сойдет в глубину морскую. И никому той шуки не поймать и тридевять ключей не сыскать, и замков не отпирать и меня или раба (...) не испортить». Эти выражения дают заклятию силу великую, преодолеть ее, уничтожить заклятие так же трудно и невозможно, как отпереть замок, ключ от которого закинут в море, или отпереть замок, брошенный в океан, ключом, закинутым в небеса: «Ключ в небе, замок в море!» [340, с. 153].

В текстах заговора использовались формулы, воздействующие на объект:

- *отгон* («От раба Божия (имярек) отстань, лихорадка, и плыви вдоль по реке»; «Как земля далека от неба, чтобы так далеко и от моего ребенка оставалось всякое зло, несчастье, погань и плач»);
- *отсылка в иной мир или на другой объект* («Тут тебе не быть, тут тебе не жить; быть тебе по болотам, по гнилым колодам, за темными лесами, за крутыми горами, за желтыми песками. Там тебе жить, там тебе пожить»; «Как с гуся вода, с тебя, младенец, худоба, все скверные слова! Пойдите, уйдите в чистые поля, в темные бора, на буйные ветра!»);
- *отпугивание опасностью, нечистотой, чудом* («...здесь червям огонь, сера горячая и смола кипящая; побегите, черви отселе за море!»);
- *угроза* («Зубами тебя съем, в воде тебя утоплю»; «Не ты меня загрызешь, а я тебя»);
- *остановка* («Стой, змеюка, здесь тебе не место»);
- *обезвреживание врага* («Не огород завязываю, а курицам глаза завязываю»);
- *уничтожение* («Секу, отсекаю, рублю, перерубаю, перерубаю, секу, рублю колотье острым ножиком»);
- *посрамление* («Гадина, гадина, великая грешница, в воздухе пребывает, а Бога не боится»);
- *предложение обмена* («Куры, куры, отдайте мне зрение, возьмите себе слепоту»);

– *соблазн угощением* («Вот вам, двенадцать сестер, хлеб, соль, полноте меня мучить, отстаньте от меня»);

– *ласка, лесть* («Руса, русица, моя милая душечка, милая моя сестрица»).

Итак, в текстах заговоров использовались разнообразные речевые акты: сообщения, просьбы, приказания, требования, угрозы, предостережения, увещевания, уговоры, приглашения и многие другие.

В заговорах обязательно выделялась «закрепка» – магическая формула, призванная придать словам силу и действенность («пусть будут мои слова крепки и лепки» или «словам моим ключ и замок»).

М. Забылиным собраны примеры русских языческих заговоров от тоски, задумчивости, печали, в защиту от нечистой силы, от злого чарования, от порчи и от колдунов, от злобы лихих людей, свадебные заговоры (оберег невесты, оберег жениха) и др. [124; 311].

Гадание – также можно рассматривать как способ психологического познания или воздействия на человека. Как правило, гадание использовалось для поддержки человека, подкрепления оптимизма, уверенности в своих силах, как психологическая защита. В настоящее время многие психологи рассматривают гадание как форму самоанализа или медитации. Поскольку человек во время гадания оставался наедине с собой, он получал возможность лучше понять свои желания и стремления. В гадательном процессе выходили наружу внутренние проблемы, связанные с ссорами, соперничеством, переживаниями. Гадальщик был значимой фигурой в обществе, его роль заключалась в восстановлении нарушенных социальных отношений.

Особое значение придавалось народным праздникам, скоморошеству, которые оказывали благоприятное психотерапевтическое воздействие, стимулируя позитивные социально-психологические процессы, поскольку праздник нарушал систему ежедневных запретов.

М. Забылин так описывает один из главных языческих праздников – Масленицу: «по сказаниям церковных историков, в эти дни безумствовали, то

есть надевали на себя личины (маски), костюмы, причем переряжались мужчины в женские костюмы, а женщины в мужской наряд, иногда мужчины наряжались в довольно странные костюмы (пугалами), чтобы казаться страшнее, и такая костюмировка (народный маскарад) служила на Масленице поводом к самому веселому разгулу, неистовству и разврату, в котором, к стыду того времени, принимали участие женщины. <...> В народном быту Масленица слывет честною, а по разгульности и раздолью – широкою, так как русский человек в эти дни предается широкому разгулу. От этого-то происходят поговорки: “Не житье, а масленица”. Или “Душа моя масленица”... Иностраный писатель как очевидец этого праздника так изображает наше русское празднование Масленицы: ... день и ночь продолжается обжорство, пьянство, разврат, игры и убийства... Таким образом изобразил иностраный писатель наш народный праздник с одной только стороны, не упомянув о любимых русских забавах: о катании с гор на салазках, лубках, санях и на бересте, на лыжах и пр.» [311, с. 37–39].

Приведенный пример показывает, что праздник позволял осуществлять фамильярный контакт между людьми (отменялись правила, регулирующие иерархические отношения, социальные роли). Участники праздника вели себя свободно, вольно, эксцентрично, происходило смешение мудрости и глупости, высокого и низменного. Праздник всегда сопровождался смехом, пародиями, в форме которых позволялось обсуждать то, что было недопустимо открыто обсуждать в повседневной жизни. Психотерапевтический эффект народного праздника очевиден.

Подводя итог, отметим, что многие действия у языческих славян, начиная от обыденно-практических и заканчивая обрядовыми, имели глубокое сакральное значение, их выполнение задавало подсознанию определенную программу. Отметим, что современное направление практической психологии НЛП доказывает, что ритуалы способствуют формированию «якорей», закрепляющих позитивные психологические программы и создающих условия

для их своевременного запуска. Психофизиологический механизм действия «якоря» базируется на рефлекторно-ассоциативных связях. Приведенные выше факты позволяют утверждать, что уже в период раннего русского средневековья эти психологические механизмы активно использовались. Безусловно, суеверия не являлись рациональными знаниями о природе человека. Не обладая необходимыми знаниями, человек во многом полагался на волю внешних по отношению к нему сил, в том числе сверхъестественных. Как отмечал З. Фрейд, религиозный ритуал является психологической защитой от тягот жизни, страданий, надеждой избавления от болезней, то есть необходимой иллюзией [390]. «Веря, что божество управляет всем миром, всеми переворотами в мире, на небе и на земле, славянин верил: жизнь его и все, чем он пользуется в жизни, есть дар благости божества, что он должен поступать в своих предначинаниях по божественным знамениям, что всякая удача во всяком его деле зависит от помощи божества. Божество управляло, по верованиям славян, жизнью каждого человека», подчеркивал И.И. Срезневский [355, с. 7]. Отсюда понятен смысл, который славяне придавали обрядам, заговорам, гаданиям, народным гуляниям. Эти акты по своей сути являлись средством психологического познания и психотерапии. Они способствовали более глубокому пониманию психологических явлений.

§ 3.4. «Народная словесность» как форма фиксации психологических воззрений

«Народную словесность» (термин М.Н. Сперанского), т. е. фольклорные произведения, мы определили как одну из форм фиксации психологических идей в период русского средневековья.

Фольклор сложился исторически гораздо раньше древнерусской литературы, до появления письменности в процессе формирования культуры

человеческого общения. Фольклорные произведения являются результатом творческой деятельности народа и возникли как желание, необходимость в обобщении не только вещественного мира, но и внутреннего психического мира человека, мира человеческих взаимоотношений. Фольклорные произведения устойчивы в темах, идеях, образах и т. д. Практически все фольклорные произведения, отмечают фольклористы, заучивались наизусть и на протяжении веков передавались в устной форме из поколения в поколение почти без изменений, а это свидетельствует о том, что они выполняли существенную роль в накоплении и передаче коллективного опыта. Отсюда следует, что фольклорные произведения представляют собой культурно-маркированные тексты, и через них можно понять образ мышления мировосприятие, мироощущение народа, жившего в период русского средневековья.

В контексте нашего исследования важной представляется позиция В.А. Роменца о том, что психологические знания «присутствуют в фольклоре, искусстве, религии, праве, медицине, философии и других естественных и общественных науках. В каждой из этих областей человеческой деятельности предполагается исходное, интуитивное знание, которое приобретает ту или иную развернутую форму в зависимости от одаренности и способностей творца, его жизненных задач» [306, с. 2].

Аккумуляция, хранение и передача психологического познания связаны с многовековым эмпирическим опытом русского народа. Как было отмечено выше, житейские практические психологические знания постепенно осмыслялись, обобщались в символической форме: былинах, сказках, загадках, пословицах и поговорках.

Б.Г. Ананьев, А.С. Гучас, К.Д. Кавелин, Е.А. Климов, В.А. Кольцова, О.Г. Носкова, Ю.Н. Олейник и др. указывали на целесообразность использовать фольклорные произведения в качестве источника исследования генезиса психологической мысли.

Былины

Материал, изложенный в параграфе, лег в основу статьи автора данной диссертации «Концепт внутреннего мира человека в русских былинах» (О.В. Клыпа, 2012) [159, с. 29–35].

Былины (старины) – русские народные эпические песни-сказания – возникли задолго до начала образования Киевского государства (примерно в VII–VIII вв.), а следовательно, и до распространения книжности [289].

В работах К.С. Аксакова, В.П. Аникина, А.М. Астаховой, Ф.И. Буслаева, И.Н. Жданова, Д.С. Лихачева, А.В. Маркова, О.Ф. Миллер, А.А. Потебня, Л. Прозорова, В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова, Ф.М. Селиванова, П.Д. Ухова и др. исследовался народный эпос с разных сторон: поэтики, содержания, истории и т.п.

Системное изучение былинного материала начинается с середины XIX в. В работах многих исследователей былины определены как продукт коллективного творчества народа. А это означает, что в них отражен широкий спектр психологических воззрений и переживаний русского народа: идеалы, ценности, мировоззрение.

В.Я. Пропп подчеркивал, что в былинах «народ выразил самого себя, свой национальный характер» [289, с. 15].

А.А. Потебня также указывал на то, что в былинах образно раскрывается мир человеческих отношений. Он неоднократно отмечал, что слово имеет краткую, но весьма емкую форму, которая способна вместить глубокое и объемное содержание [278].

О.Ф. Миллер подмечал в былинах отражение народного, «общинного духа». В них отражена логика человеческих взаимоотношений, бытовых и социальных мотивировок: братание, добровольная замена старого богатыря молодым, спасение богатыря женщиной, гостеприимство [223].

Итак, былины определяются нами как особый вид исторических источников для изучения обыденных психологических воззрений; являясь

продуктом творческой деятельности народа, они отражают самые разнообразные психологические представления и переживания человека, его внутренний мир.

В период русского средневековья внутренний мир человека характеризовался добродетелями (терпение, смирение, доброта, целомудрие, щедрость, усердие) либо пороками (нетерпимость, гордыня, зависть, ненасытность, похоть, алчность, праздность).

В былинах отчетливо просматривается идея уникальности внутреннего мира человека, детерминированности его наследственным и социальным факторами. При этом внутренний мир человека описывается по-разному: как глубокий, гармоничный или, наоборот, сложный, противоречивый.

Покажем на примерах особенности отражения в русских былинах представлений о внутреннем мире человека.

Анализ былинного материала («Святогор и Илья Муромец», «Поединок Ильи Муромца и Добрыни Никитича», «Исцеление Ильи Муромца», «Бой Ильи Муромца с сыном», «Илья Муромец и его дочь», «Илья Муромец и Сокольник», «Илья Муромец и Калин-царь», «Первая поездка Ильи Муромца в Киев», «Козарин», «Три поездки Ильи Муромца», «Добрыня Никитич и Алеша Попович», «Михайло Потык», «Добрыня и Маринка», «Волх Всеславьевич», «Дунай и Добрыня сватают невесту Князю Владимиру», «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» и др.) позволяет отметить способность русского народа в средневековый период отразить понимание таких психологических категорий, как личность, характер, способности, факторы развития.

Идея об индивидуальных особенностях человека

В статье О.В. Клыпа «Концепт внутреннего мира человека в русских былинах» отмечено, что «былинные герои разные по темпераменту, способностям, по социальному происхождению, каждый имеет вполне определенное “свое” лицо, самостоятельную ценность, обладает особым

выражением своих чувств, привычек, которые и определяют их уникальность. Каждый былинный герой наделен своим характером, выполняет определенную социальную роль, у каждого свой род испытаний. Описание героев характеризует эмоциональную, интеллектуальную, волевую сферы личности, то есть те качества, которые в современной психологии относят к базовым, центральным чертам личности. В былинах не дается описание мыслительной и эмоциональной работы, происходящей в душе героя. О чертах характера героя мы узнаем из его действий и поступков (экстериоризация). Этого оказывается вполне достаточно, чтобы художественно воспроизвести живую личность, охарактеризовать внутренний мир героя, проявляющийся в быту, в общении с другими людьми. В действиях героя находят внешнее выражение его моральные, этические, нравственные нормы. Например, Добрыня Никитич – верный товарищ, “крестовый брат” Ильи Муромца, умный (обыгрывает в шахматы короля Ботияна Ботияновича), музыкально одаренный (необыкновенный гуслиар), исключительно «вежествен» с людьми, честный, самоотверженный, заботливый сын, любящий супруг. Алеша Попович – противоречивая натура, для которой характерны смелость, решительность, дерзость, хитрость, жадность, скупость, ханжество. Илья Муромец – благородный, отважный, свободолюбивый, совестливый, преданный отечеству. Волх – догадливый, умеющий вражду чинить (ворожить); он мудрый кудесник, оборотень, обладающий способностью обвертываться в сокола, волка, тура, мураша (это описание разных социальных ролей, которые герой выполнял в зависимости от поставленной цели; это характеристика человека, способного приспосабливаться к обстоятельствам)» [159, с. 31].

Исследование былинного материала подтверждает тезис о том, что уже в период русского средневековья в общественном сознании сложились определенные психологические представления об индивидуально-типологических особенностях.

Идея о детерминантах психического развития

Идея детерминизма активности человека является одной из основных проблем современной психологии. Отметим, что характеристика героев в былинах – это не простое перечисление свойственных каждому персонажу качеств, это – «описание поведения как объяснительного принципа внутреннего мира человека: в былинах поведение не просто описывается, но имеет место его объяснение, прогнозирование, определение условий, обуславливающих поступки героев, формирование их характеров, отмечается влияние наследственных и социальных факторов» [159, с. 31]. Проиллюстрируем это на следующих примерах: «У нас Мишка-то роду торопливого», «А Добрыня-то роду да у нас вежливого», «Ой Добрыня Микитич роду вежлива, Он – де вежлива роду, сам очеслива», «Алеша Попович роду справедливого». Олешенька Попович – роду «хвастливого», Самсон Колыбанов – роду «сонливого», Дунай сын Иванова – роду «запывчива», Лука и Матвей – дети Петорвичей – роду «вольнёго и смирёного» и т. д.

В былинах отражена идея о наследовании героями определенных качеств характера, присущих им от рождения: «роду вежливого», «роду невежлива», «роду торопливого», «роду неторопливого», «роду сонливого», «роду хвастливого», «роду заговорливого» (болтливого, несдержанного в речах), «роду непочетного». Такое соотнесение лексемы «род» с характерологическими особенностями героев былин позволяет говорить о том, что в период русского средневековья появились устойчивые представления, знания о врожденных (неизменных) качествах человека. Так, в былине «Неудавшаяся женитьба Алешки Поповича» на вопрос к матери «Ты на что меня, Добрынюшку несчастного, породила?», мать отвечает: «Я бы рада тебя, дитяtko, породити / Таланом-участью в Илью Муромца, / Силой в Святогора-богатыря, / Смелостью в смелого в Алешку во Поповича, / Красотой бы я в Осипа Прекрасного, / Я походкою бы тебя щепливою / Во того Чурилу во

Пленковича, / Я бы вежеством в Добрынышку Никитича: / Сколько там стати есть, а других Бог не дал, / Других Бог не дал, не пожаловал» [46, с. 184–185].

Вместе с тем в былинах подчеркивается и идея социальной детерминации личности. В произведениях активно применяются характеристики, обозначающие социальное происхождение героев: «роду княжнецкого» (княжеского), «роду христианского» (крестьянского), «роду поповского», «роду королеського» (королевского), «роду царского», «роду барского». В общественном сознании утверждалась психологическая идея о влиянии социального фактора на развитие личности человека. Принадлежностью героя к тому или иному роду объясняются поступки, сильные и слабые стороны характера, черты личности.

Следует отметить, что личность героя в былинах, характер конкретного героя – устойчивая категория, из чего следует, что в былинном материале осознанно представлены детерминанты и типология характера.

Былинный материал содержит в себе и другие психологические воззрения, зародившиеся в период русского средневековья.

Идея духовного самосовершенствования

В былинах затрагиваются вопросы о смысле жизни человека; ценностных ориентирах, о гендерных идеалах; о взаимоотношениях между основными героями, конфликтах, предательстве (ссора Ильи с Владимиром, Илья Муромец и Соловей-разбойник, предательство Алеши Поповича, пожелавшего обманом взять в жены жену Добрыни Никитича); детско-родительских отношениях (почитание родителей, обязательный обряд родительского благословения как духовного действия, отождествляющегося с категориями разрешения, пожелания добра, блага, удачи – «Брал у батюшки и у матушки прощеньице-благословеньице» [46, с. 58] . Невыполнение наказов родителей едва не приводит молодого богатыря к гибели в подкопах, в плену, от усталости. Отец, пришедший на выручку к сыну, упрекает его: «Не послушал

ты родительского наказанья»); отношениях между мужчиной и женщиной (верность супружескому долгу, целомудренность, женщина одновременно и мать, и возлюбленная, и спутница жизни, во всем поддерживающая своего мужа: «Уж я буду повиноваться, как лист траве, / Уж я буду покоряться да молодой женой» [там же, с. 84]). В былинах образ русской женщины наделен такими характерными качествами, как физическая выносливость, забота, жертвенность, непорочность, скромность, в отношении к окружающим проявляет любовь–жалость, любовь–сострадание.

В былинах отражена идея преемственности поколений: добровольное сложение полномочий старыми богатырями и передача их молодым – старшие богатыри радуются появлению нового богатыря, когда завершается их боевой путь: «Старшие богатыри дивуются: / Нет на поездку Ильи Муромца! / У его поездка молодецкая, / Вся поступоцька богатырская...» [там же, с. 523].

Наиболее значимой чертой положительного былинного героя является любовь к родной земле, к своим близким. Именно такой образ выступал в качестве нравственного идеала в древнерусский период, определяя способ мышления и поведения людей.

В былинах отражена идея влияния внешних факторов на психическое развитие. Примером может служить факт изменения образа Владимира с положительного героя на отрицательного. Примерно с конца XVI в. идеализация образа Владимира исчезает, он становится воплощением несправедливости, с презрением относится к народу (к «сельщине», «деревенщине»), по доносу бояр или под влиянием вспышки гнева готов погубить ни в чем не повинного Илью Муромца. Его этические нормы основаны на праве сильного; он алчный (падок «до золотых подарочков»); мнительный, трусливый. Как видим, в народном сознании русского средневековья формировалось осознание того, что психологические особенности личности, ее потребности, характер, духовность зависят в большей степени от воздействия социальных факторов.

Таким образом, былины – это итог длительной работы человеческого сознания от единичных фактов к обобщениям, воплотившимся в типовых образах и мотивах, через которые раскрываются психологические явления. Поэтому былинный материал стоит расценивать как источник познания психологических воззрений народа в русский средневековый период. В былинах отражается внутренний мир людей, раскрываются их переживания и чувства. Характеры героев проявляются в поступках, которые естественным образом вытекают из их отношения к происходящему и обусловлены не только жизненными обстоятельствами, но и их индивидуально-психологическими особенностями.

Сказки

Материал, изложенный в параграфе, лег в основу статьи автора данной диссертации «О формах фиксации психологического познания в период русского средневековья» (О.В. Клыпа, 2014) [166, с. 385–390].

До XVII в. термин «сказка» в русском языке не использовался. Эти фольклорные произведения назывались «баснями»: от слова «баять», то есть рассказывать, говорить, а сказочников называли «баутчиками», «бахарями», «баянами», «баюнами» [389, с. 296]. В период русского средневековья сказки были очень популярны, несмотря на то, что до реформ Петра Первого церковь запрещала «басни баять, песни петь и в гусли гудеть», усматривая в сказках проявление язычества.

Со второй половины XVII в. к русской сказке возникает научный интерес, появляются первые ее записи. Так, в 1667 г. Самюэль Коллинз, врач царя Алексея Михайловича, выпустил книгу на английском языке «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне», в которую включил десять сказаний, сказок и преданий русского народа. В конце XVII – начале XVIII вв. в России были распространены рукописные сказочные сборники о Ерше Ершовиче и о Шемякином суде. Во второй половине XVIII в.

издаются сказочные сборники, основанные на преданиях, рожденных в недрах русской народной жизни: «Лекарство от задумчивости и бессонницы» (1786) – вызывает интерес с позиции психологии даже название сборника, «Дедушкины прогулки» (1786), «Русские сказки» (1787), «Старая прогулка на новый лад» (1794), сборники «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывание в памяти приключения» (1780–1783 гг.) и их продолжение «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (1787–1788 гг.) Василия Левшина и др.

В первой половине XIX в. издаются первые сборники подлинных невыдуманных народных сказок в записи собирателей (А.Н. Афанасьев, В.И. Даль, И.П. Сахаров П.И. Якушкин), фиксировавших русскую речь крестьян-сказателей в том виде, в котором ее слышали, практически без литературной обработки. Наиболее известны сказки А.Н. Афанасьева, которые были изданы в 1864–1868 гг.

Вслед за произведениями А.Н. Афанасьева выходят сборники сказок разных регионов России: «Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-западного края» (1869) и «Народные сказки Костромской губернии» А. Андроникова (1913), «Великорусские сказки Вятской губернии» (1915) и «Великорусские сказки Пермской губернии» (1914) Д.К. Зеленина, «Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах» П.В. Шейна (1898–1900), «Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках» Д. Шеппинга (1867).

Итак, обратимся к анализу сказок с позиции генезиса психологической мысли русского средневековья.

Сказку можно рассматривать как особую, образную модель внутреннего мира человека, которая близка и понятна каждому. Общепризнано, что сказка отражает архетипы человеческого сознания, в ней отражены нравственные ценности, моральные принципы, идеалы народа. Она способствует развитию

когнитивной, аффективной, мотивационной, духовно-нравственной сфер психики человека, является действенным психотерапевтическим средством.

В.П. Аникин отмечал, что характерной особенностью сказки является не фантазия, а установка на отражение действительности, раскрытие жизненной правды, внутреннего мира человека с помощью возвышающего или снижающего реальность условно-поэтического вымысла [14]. В.Я. Пропп подчеркивал, что всякая сказка – «это рассказ об отношениях, причем эти отношения имеют четко моральную ориентацию» [287, с. 35], а К.Г. Юнг определял сказку как «банк жизненной мудрости», содержащий и сохраняющий комплекс основных жизненных проблем и их решение, и стимулирующий человека при необходимости [412].

В русских народных сказках мы находим отражение основных психологических идей: о разграничении внутреннего и внешнего миров («Царевна-лягушка», «Емеля-дурак», «Сивка-бурка» и др.); о связи души с телесной организацией человека («Василиса Премудрая», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Несмеяна-царевна», «Дурак набитый» и др.); о типологии характеров (практически все сказки про животных; «Жадная старуха», «Крошечка-Хаврошечка», «Купеческая дочь и служанка», «Морозко» и др.); о детерминантах развития личности (активность героя, свобода выбора) и др. В сюжетах сказок отражен смысл инициации («Морозко», «Гуси-лебеди», «Испытание в лесной избушке», «За огнем к бабе Яге» и др.).

Подчеркнем, что в сказках реалистично отражены психологические типы героев, наделенных специфическими чертами, устойчиво закрепленными за ними и не меняющимися от сказки к сказке. А.Н. Афанасьев писал: «Народные русские сказки раскрывают перед нами обширный мир ... Народ все свои убеждения, верования и наблюдения воплощает в живые поэтические образы и высказывает в одной неумолкаемой поэме, отличающейся ровным и спокойным взглядом на весь мир ... Раз сказанное метко и обрисованное удачно и наглядно уже не переделывается, а как будто застывает в этой форме и постоянно

повторяется там, где это признано будет необходимым по ходу сказочного действия. Оттого, несмотря на неподдельную красоту языка, народные сказки поражают однообразностью, тем более что и темы рассказов, и действующие лица, и чудесное – в большей части подобных произведений повторяются с небольшими отступлениями. Народ не выдумывал, он рассказывал только о том, чему верил ... Целый ряд сказок преследует нелюбовь и ненависть мачех к падчерицам и пасынкам и излишнюю, зловредную привязанность ее к своим собственным детям. Этот тип мачехи, обрисованный народными сказками, составляет одно из самых характерных указаний на особенности патриархального быта и вполне оправдывается и древним значением сиротства, и свадебными песнями о судьбе молодой среди чужой для нее семьи. Мачеха по народным сказкам завидует и красоте, и дарованиям, и успехам своих пасынков и падчериц, особенно если сравнение с этими последними ее собственных детей, безобразных и ленивых, заставляет ее внутренне сознаваться в том, чему так неохотно верит материнское сердце. Мачеха начинает преследовать бедных сирот, задает им трудные, невыполнимые работы, сердится, когда они удачно выполняют ее приказания, и всячески старается извести их, чтобы не иметь перед глазами постоянного и живого укора. Но несчастья только воспитывают в сиротах трудолюбие, терпение и глубокое чувство любви ко всем страждущим и сострадания ко всякому чужому горю ... Напротив, зависть и злоба мачехи подвергают ее наказанию, которое часто испытывает она на родных своих детях, испорченных ее слепой любовью и потому гордых, жестокосердечных и мстительных. С этой точки зрения особенно интересно представляется нам роль младшего из трех братьев, действующих в сказке ... Старшие братья называются умными в том значении, какое придается этому слову на базаре житейской суеты, где всякий думает только о своих личных интересах, а младший – глупым в смысле отсутствия в нем этой практической мудрости: он простодушен, незлобив, сострадателен к чужим бедствиям до забвения собственной безопасности и всяких выгод. Согласно с этим слова

хитрый и злой в областных говорах значат: ловкий, искусный, умный, острый. Народная сказка, однако, всегда на стороне нравственной правды, и по ее твердому убеждению выигрыш постоянно должен оставаться за простодушием, незлобием и сострадательностью младшего брата» [389, с. 297–301].

В сказках явления природы, неодушевленные предметы, многие животные наделены антропоморфными чертами, это выражается в соотношении между внешностью и поведением сказочного персонажа и проявлением личностных качеств, когнитивной и аффективной сфер человека. Например, как правило, безобидные и беззащитные маленькие животные имеют такую отличительную особенность, как хитрость и ум. Это именно те качества, которые помогают им выжить и выйти победителями из любых жизненных ситуаций. Напротив, большие и сильные, но, как правило, миролюбивые и доверчивые животные умом не блещут, а хищники, хоть злы и коварны, всегда бывают одурачены и наказаны.

В русских народных сказках отражены социально-психологические идеи: особенности общения и взаимодействия, возможные причины конфликтов и способы их разрешения (сказки о мужике и барине; о бедном и богатом; о сварливой, упрямой жене; о дураке и др.); идея об активности личности как факторе психического развития: развязка сказки, как правило, связана с достижением более высокого статусного уровня героя через преодоление внешних и внутренних препятствий.

В современной психологии постулируется тезис о жизненном плане, жизненном сценарии как основе жизненного пути человека: Л.И. Анцыферова рассматривает жизненный путь как развернутую во времени систему выборов человека, К.А. Абульханова-Славская – как способность человека организовать свою судьбу по собственному замыслу. В соответствии с этой теоретической позицией русские народные сказки являются примером жизненного сценария. В сказках представлены простые формулы поучения, которые даются напрямую (как надо действовать), основанные на принципе «обучение через

наблюдение». В сказках на конкретных примерах показано, как смешно и нелепо выглядят те, кто поступает дурно, что победителем является только тот, кто преодолевает препятствия и достигает поставленной цели, а персонаж, который пасует перед трудностями, не достигнув цели, всегда будет побежденным.

В сказках отражены высшие человеческие потребности, ценности: добро сильнее зла; норма жизни – жить по совести, быть добропорядочным, смелым, надежным и человечным.

Все это свидетельствует о том, что сказка – это не простой вымысел, а особая реальность, помогающая воспринимающему осознать мир человеческих взаимоотношений, жизненных смыслов и сценариев. Сказка – это доходчивая, константная форма влияния на формирование психологической культуры личности. В сказках раскрываются алгоритмы отношений между мужчиной и женщиной, между детьми и родителями. В сказках представлена типология людей: тихий, доверчивый, наивный, тираничный, покорный, хитрый.

Безусловно, сказки выступали и в качестве средства психотерапевтической помощи как детям, так и взрослым. Универсальность и единство сказочных героев находят соответствие в понятии архетипов. В основе сказки заложен алгоритм действия главного героя, процесс достижения им цели: герой всегда совершает переход от настоящего проблемного состояния к желаемому состоянию путем подключения разнообразных внутренних и внешних ресурсов. Сказка всегда заканчивается справедливо: добро, смирение, трудолюбие, незлобливость и т. п. вознаграждаются, а гордыня, злоба, обман, хвастовство и т. п. наказываются. Сказка помогала да и сейчас помогает, наглядно взглянуть на конкретную ситуацию, обдумать собственные действия, проанализировать эту ситуацию со стороны. Многие русские народные сказки активно используются в современной практической психологии, в психотерапевтической деятельности – сказкотерапия (Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева, Н.Н. Наричын, Я.Л. Обухов и др.).

Загадка

Материал, изложенный в параграфе, лег в основу статьи автора данной диссертации «О формах фиксации психологического познания в период русского средневековья» (О.В. Клыпа, 2014) [166, с. 385–390]).

Происхождение загадки также относится к древнерусскому периоду. Первые упоминания о загадках встречаются в летописях, загадки встречаются во многих фольклорных произведениях, в обряде, заговоре.

В загадке фиксируются наиболее характерные признаки не только предметов и явлений, но и отдельных проявлений личности человека.

Первый сборник загадок появился в XVIII в.: «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени» В.А. Левшина (1773 г.). Большую роль с собирания и издания сборников загадок сыграли А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, В.И. Даль, Д.Н. Садовников, И.П. Сахаров, И.А. Худяков (вторая половина XIX в.). В 1994 – 1995 гг. была издана двухтомная монография «Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадки как текст» [239], в которой в статье В.Н. Топорова [там же, с. 10 – 117] анализируется антропоцентрическая сущность загадки. Ученый выделяет понятие «прото-загадка», функция которой заключается в установлении правильного отношения между собой (человеком) и миром, «найти свое место в нем, преодолеть диссоциацию сознания, обрести и вернуть себе «потерянную душу» (а угроза потери души была актуальной на протяжении всей истории человеческого рода, то есть собрать себя в целое» [там же, с. 29]. Древнерусскую загадку он определяет как «пред-науку» («пред-философию»). В.Н. Топоров выделил шесть блоков функций загадки. В рамках нашего исследования интерес представляют пятый и шестой блоки. Пятый блок функций связан с выходом за пределы нормы, сферы профанических стандартов и охватывает магическую, религиозную (мифо-ритуальную), сакральную, символическую функцию (сфера высших смыслов, ценностей).

Шестой блок представлен аксиологической функцией (Кто я? Откуда Я? Каково мое подлинное, сущностное имя? Зачем Я? [там же, с. 73–74]).

Загадка может анализироваться как текст, отражающий постижение человеком не только окружающего мира, но и внутреннего мира человека. Являясь культурно-маркированными текстами, загадки отражают мировосприятие русского народа, а следовательно, позволяют судить об особенностях коллективного психологического познания.

Загадывание загадок носило характер состязания, испытания, они использовались в инициации, адресовались конкретному субъекту, и никто другой не должен был за них отвечать. За неспособность отгадать загадку использовались разные наказания в виде инициационных ритуалов: например, проигравшего под специальные «отгонные» приговоры изгоняли «на мусорную кучу», «под юбку к какой-нибудь малопривлекательной особе», «постирать чулки женщинам села» и т. п., подвергали унижительным действиям (например, брали сковороду и мазали побежденному сажей бороду и брови), выставляли на осмеяние или же «присуждали» заплатить штраф – поцеловать кого-то из присутствующих, «полаять на лампу» [334, с. 233–237].

Загадки широко использовались в свадебных обрядах, являясь формой ритуального общения между сторонами жениха и невесты (при этом загадывает всегда сторона невесты). Жениху позволяли занять место рядом с невестой только после того, как дружка отгадает предложенные подружками невесты загадки; в первую брачную ночь молодого не пускали к невесте, пока он не разгадает все загадки. Накануне свадьбы старшие загадывали загадки по очереди жениху и невесте [229].

Таким образом, загадки выступали своеобразным тестовым материалом, позволяющим определить «своего» и «чужого», так как угадать загадку мог единомышленник, человек со сходными идеями, представлениями, одинаковым мировоззрением, духовными ценностями.

Загадки выполняли воспитательную, дидактическую, аксиологическую, психотерапевтическую функции, в них отражались такие психологические проблемы, как:

– внутреннее состояние человека: «Что на свете тяжелее всего?» (горе, печаль); «На непаханом загоне, под невыросшей березой лежит нерожденный заяц?» (ложь); «Кто сильнее всего?» (сон);

– духовное развитие: «Дерево свалится, а тень от чего останется?» (добрая слава); «Что на свете горше всего?» (сплетня);

– возрастные и индивидуальные особенности: «Утром на четырех, в полдень на двух, вечером на трех» (человек); «Что ниже Бога, а выше царя?» (смерть); «Без него не может ни живой, ни мертвый» (имя); «Загадка без разгадки» (смерть) [334, с. 233–237].

В.В. Иванов, В.Н. Топоров подчеркивают, что роль загадки в формировании философии преувеличить трудно: загадка свидетельствует о потребности человека в философском осмыслении бытия [134].

Более полное и содержательное отражение психологические воззрения нашли в русских пословицах и поговорках (паремиях).

§ 3. 5. Представленность психологических воззрений в паремиях

Материал, изложенный в параграфе, лег в основу статьи автора данной диссертации «Символический язык выражения психологических воззрений в период русского средневековья» (О. В. Клыпа, 2014) [165, с. 218–223].

Понимание внутреннего мира человека как многогранного и противоречивого феномена отражено в русских паремиях. Русские паремии мы

рассматриваем как одну из ранних форм психологического познания. На протяжении веков русский народ выработал определенные типы реакций, пояснений на конкретные жизненные ситуации и формы поведения людей. Выработка этих реакций, сентенций стала возможной благодаря способности к рефлексии, к анализу психических процессов, состояний, свойств людей.

В пословицах и поговорках запечатлен многовековой опыт народа, основанный на оценочном отношении к действительности, к поступкам людей, их внутренним качествам.

Самый известный исследователь русских пословиц и поговорок В.И. Даль подчеркивал, что пословицы не сочиняются, а вынуждаются силой обстоятельств, он сравнивал их с возгласом, невольно сорвавшимся с души.

Еще раз подчеркнем, что пословицы и поговорки являются абстрактными, обобщенными изречениями, сентенциями народной мудрости. Они поучительны, назидательны, в них всегда содержится определенный вывод, обобщение. В пословицах и поговорках отражены психологические характеристики людей, выраженные в образно-эмоциональной форме.

К словам Е.А. Савиной [316] о том, что пословицы могут быть полезны в области этнопсихологии для изучения менталитета какого-либо народа или этнической группы следует добавить, что анализ пословиц русского народа позволяет расширить представления о генезисе отечественной психологической мысли.

Анализ пословиц В. И. Даля [93] позволяет заключить, что подавляющее большинство пословиц отражает психологию личности человека, его эмоциональные переживания, целевые ориентиры, то есть имеет психологическое содержание. Они классифицируют поведение, мысли, чувства людей, определяют психологический типаж.

Русские паремии вызывают наглядный конкретный образ абстрактного понятия, отражая при этом психологическую суть: «В тихом омуте черти водятся», «Сердце мхом обросло», «Сердце кровью обливается». Отсюда

следует, что паремии представляют собой вербально-знаковые орудия для фиксации психологического познания. Квинтэссенция пословиц гораздо шире и глубже, чем транслируемое значение. Аллегория, недомолвка, заключенные в пословице, выступают как средство опосредованного влияния на сознание человека, побуждая его к рефлексии, пониманию сути.

Исследование паремий позволяет обнаружить их ярко выраженную смысловую психологическую насыщенность. Центральное место в паремиях отведено характеристике эмоциональной сферы человека, индивидуально-психологических особенностей (темперамент, характер, способности). Общеизвестно, что внешнее выражение чувства – это информация о внутреннем мире человека, о том, что и как он переживает, что имеет для него личностный смысл.

В пословицах подчеркивается дуализм души и тела: «Телу простор – душе теснота», «Что телу любо, то душе грубо», «Душа на прохладу, а плоть в баню». Как правило, основной акцент смещается на возвышенность, значимость душевной жизни человека. Душа чище, бесценнее тела: «Душа всего дороже, душа – заветное дело» или: «Личиком беленок, да душой черенок», «Рожа крива, да душа пряма». То есть телесное и душевное человека не взаимозаменяемы, не сводимы друг к другу.

В паремиях говорится и о духовных (моральных, нравственных) основах человека, связанных с понятием «совесть»: «Угрызения совести», «Добрая совесть – глаз божий», «Совесть без зубов, а грызет», «Как не мудри, а совесть не перемудришь», «Сам от себя не утаишь, сам себя и обличишь».

В пословицах отражены межличностные отношения: «Жить душа в душу», «Лезет в чужую душу» или «Заглядывает в чужую душу» (некорректность в отношениях), «Плюнул в душу» (оскорбил чувства или веру другого человека).

В ряде пословиц и поговорок содержится указание на человеческую потребность выражать свое состояние другому, потребность в доверительной

беседе: «Разговаривать по душам», «Облегчить душу», «Излить душу», «Как камень с души упал».

В русских пословицах утверждается идея о познаваемости человеческой души. Другого человека можно узнать двумя путями: 1) через сочувствие, сострадание, сопереживание (эмпатийный, интуитивный метод): «Душа душу знает, а сердце сердцу весть подает»; 2) через непосредственный опыт общения и совместной деятельности: «Человека узнаешь, когда с ним пуд соли сам расхлебаешь».

В исследовании Н.И. Мазай [212] выделены обобщенные значения паремий, отражающие устойчивые традиционные схемы поведения. На основе работы Н.И. Мазай и собственного анализа русских пословиц и поговорок составлена таблица 2.

Таблица 2

Психологические воззрения в период русского средневековья
в преломлении паремий

<i>Психологические идеи, воззрения</i>	<i>Паремии (пословицы и поговорки)</i>
<p><i>О душе, о связи души и тела</i></p>	<p>«Душа всему мера. Душа меру знает. Душа не принимает», «Душа всего дороже», «Душа – заветное дело», «Не пожалел ты души своей», «Душе с телом мука», «Чужая душа – темный лес», «В чужую душу не влезешь», «Душа душу знает. Душа с душой беседует», «Как в кремне огонь не виден, так в человеке душа», «Человека видим, а души его не видим», «Тебя-то видим, да в тебе-то не видим», «Душа не сосед, не обойдешь», «Руку, ногу переломишь, сживется; а душу переломишь, не сживется», «Не криви душой: кривобок на тот свет уйдешь».</p>

<p><i>Об эмоциях</i></p>	<p>«Это мне на душу легло», «Что-то на душе тяжело», «Что-то душа занывает», «Болезнь душой» (сильно переживать о чем-то, волноваться), «Брать за душу» (глубоко волновать), «Всею душой» (искренне, горячо, отзывчиво реагировать на что/кого-либо, относиться к чему/кому-либо), «Души не чаять» (сильно любить), «Душа в пятки ушла» (испытывать сильный страх).</p>
<p><i>О наследственной детерминации</i></p>	<p>«Дураков не сеют, не жнут, сами родятся», «Кто от кого, тот и в кого», «Родители трудолюбивы и дети неленивы», «Яблоко от яблони недалеко падает», «Что род, то и племя», «Род в род идет», «Каков род, таков и приплод», «В матку и детки», «Каково семя, таково и племя», «У Мирона детки Миронычи, у Ивана – Иванычи», «Каково дерево, такова и отрасль», «Каков корень, таков и отпрыск», «От доброго дерева добрый и плод», «Орел орла плодит, а сова сову родит», «И большому гусю не высидеть теленка», «Свинья рылом в землю, и поросся не в небо», «На то свинье рыло, чтоб она рыла», «Как вылупился утенок, так и бух в воду», «Как ни бодришь ворона, а до сокола далеко», «Вороне соколом не бывать» (появившийся на свет человек уже обладает определенным характером, склонностями или талантом).</p>
<p><i>Об индивидуально-типологических особенностях</i></p>	<p>«Знать ворону по полету», «Скажется птица посвистом», «Лисье племя только льстит да манит» (хитрый, лукавый человек), «Знать зверя по когтям, знать и по клыкам» (качества субъекта, его действия или поступки выступают маркерами определенного человеческого типа, указывают на истинную природу субъекта).</p>

<p><i>О влиянии внешних условий на формирование качеств личности</i></p>	<p>«Как хожено, так и рожено» (влияние условий вынашивания ребенка на качества, которые проявляются после рождения), «Кто с волком живет, тот по-волчьи воет».</p>
<p><i>Об устойчивости качеств личности</i></p>	<p>«Не тряхнув ушами, кот куска не съест», «Поневоле хрюшка в землю глядит», «Лиса спит, а кур видит», «Где вороне ни летать, а все навоз клевать», «Волк и каждый год линяет, а обычая не меняет», «Черного кота не вымоешь до бела», «Сколько не мой гагару, все черна», «Как волка не корми, он все в лес глядит», «Пуд мыла изведешь, а родинки не смоешь», «Каков в девять лет, таков и в девяносто».</p>
<p><i>О значении воспитания</i></p>	<p>«Кулаком в спину – поученье сыну», «Детей наказывай стыдом, а не кнутом», «Не учили поперек лавочки, а во всю вытянулся – не научишь», «От умного научишься, от глупого разучишься», «Привычка трехлетнего сохраняется до восьмидесяти лет», «Ребенок как пустой сосуд, что в него вольешь, то и держит», «Мудрым никто не родился, а научился», «Пример полезнее наставлений».</p>
<p><i>О закономерностях тех или иных событий в жизни</i></p>	<p>«Лебедь поднебесью, мотылек над землей, всякому свой путь», «У каждого своя судьба», «Где ласточке ни летать, а к весне опять прибывать».</p>
<p><i>Внешние изменения не влияют на природу субъекта</i></p>	<p>«Наряди свинью в серьги, а она в навоз», «Собака и в собольей шубе блох ищет», «Отсеки собаке хвост – не будет овца», «Свинья найдет грязь» (устранение или исправление внешних недостатков не может изменить человека в лучшую сторону).</p>
<p><i>Человек не способен выполнить действия, к которым у него нет</i></p>	<p>«Волк овец не соберет, лиса кур не оборонит», «Волк не пастух, а свинья не огородник» (человек не может выполнить того, для чего он не предназначен, к чему у</p>

<i>природной склонности</i>	него нет природных способностей – противоречие природе ведет к негативным последствиям).
<i>Отрицательные природные качества не сменить на положительные</i>	«Если за шкурой ума нет, так и к шкуре не пришьешь», «Кривое веретено не исправится», «Тупо сковано – не наточишь, глупо рожено – не научишь», «Кто родом кулак, тому не разогнуться в ладонь» (чего не дано от рождения, того не получишь, от недостатков нельзя избавиться).

Таким образом, пословицы очень лаконично, но содержательно выражали основные психологические воззрения в период русского средневековья и оказывали прямое воздействие на воспитание молодого поколения. В пословицах и поговорках делается акцент на смысловой стороне текста. Для более эффективного эмоционального воздействия в пословицах и поговорках использовалась мелодичность афоризмов, основанная на сравнениях, антитезе, гиперболе, метафоре, иронии, аллегории и др. В пословицах в более лаконичной форме подчеркиваются особенности человеческой психики, проявление человеческой личности. Наиболее отчетливо это проявляется в пословицах с образами животных (собака, кошка, лошадь, волк, овца, корова, свинья, птицы), впрочем, как и в сказках. Сказки, пословицы антропоморфичны. Например, образ свиньи олицетворяет собой такие качества, как глупость, нечистоплотность, отражает всеми презираемого человека. Волк – символ угрозы, неприручаемости и дикости.

Вне всякого сомнения, пословицы и поговорки на протяжении многих веков использовались как средства психотерапевтической помощи, выступали в качестве мотиваторов, вселяя в человека веру, надежду, помогали найти выход из сложной жизненной ситуации.

Следует отметить, что пословицы, зародившиеся еще в средние века, эффективно используются в наши дни. Все чаще педагоги стали применять пословицы и поговорки как методический материал, оказывающий

конструктивное влияние на формирование личности ребенка, психологи активно используют паремии в психотерапии.

Выводы

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что уже в древнерусский период согласно языческому мировоззрению осуществлялось психологическое познание, интуитивное понимание психологических законов, лежащих в основе психического развития и поведения индивида: учитывались возрастные, гендерные и индивидуальные особенности человека, влияние наследственных, социальных факторов, процессов воспитания и обучения как целенаправленного воздействия на развитие, а также активность личности человека. Житейская практика позволяла определить основные детерминанты психического развития человека: не только таинственная «душа», вселившаяся в момент его рождения, но и конкретные условия жизни, включая собственную целенаправленную деятельность человека, его активность, влияние внешних воздействий (идея о конвергенции двух факторов). Анализ фольклорных произведений, устного народного творчества подтверждает этот тезис и свидетельствует о развитии психологического познания в период русского средневековья. Восточные славяне выступали психологами в практическом значении этого слова, руководствуясь в своих действиях прежде всего интуицией, результатами наблюдений, бесед. Люди стремились познать внутренний мир человека, разбираясь в проблемах, обращая внимание на индивидуальные особенности и мотивы поступков. В средневековой Руси широко использовались ритуалы, выполнявшие функцию психологической защиты. С помощью особых символов и символических действий ритуалы активизировали глубинные переживания человека. Они помогали справиться с ситуациями, над которыми он не властен, преодолеть страх и трудности, способствовали формированию позитивного отношения к окружающему и

самому себе, повышению самооценки, развитию эмпатической способности, творческого мышления, речи, установлению причинно-следственных связей в познании себя и других.

Сказки, загадки, пословицы и поговорки можно рассматривать как народные психологические миниатюры, в которых нашли свое отражение психологические идеи русского народа в средневековый период. Прежде всего это касается таких проблем, как:

- внутренний мир человека (душа, ум, способности, характер, достоинства и недостатки и др.);
- детерминанты развития (наследственность, среда, воспитание и обучение, активность самого человека, саморазвитие, жизненный опыт и др.);
- эмоционально-волевая сфера (мотивы и смысл, надежда, радость, злость, зависть, страх, добро, зло, любовь, ненависть, лень и др.);
- социальная сфера (взаимоотношения, дружба, конфликты, семья, воспитание детей и др.).

Анализ этнографического материала убеждает, что уже в языческий период зарождались идеи практической возрастной и педагогической, социальной психологии, психотерапии. В целом культура язычников продолжала и продолжает существовать в народной среде. И не только в народной. Сегодня специалистами широко используются нетрадиционные психологические и психотерапевтические подходы, направленные на решение внутренних проблем, психологическое оздоровление, исцеление, стимулирование личностного и духовного развития человека.

ГЛАВА 4

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В РАМКАХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

Принято считать, что духовно-религиозная психологическая мысль относится к одной из исторически ранних форм познания психологии человека, выявления детерминант его поведения, способов психологического воздействия. Имеются работы, посвященные изучению психологических воззрений, нашедших отражение в христианской библейской литературе, распространенной в период русского средневековья (М.Я. Дворецкая, Н.К. Гаврюшин, А.А. Гостев, В.А. Елисеев, Ю.М. Зенько, Г.М. Прохоров, М.В. Соколов, В.А. Соснин, Л.Ф. Шеховцова, А.Г. Фомин и др.).

Необходимо подчеркнуть (на это указано в предыдущей главе), что духовно-религиозная психология имеет свои истоки: она аккумулировала народные языческие традиции. Очевидно, что и языческое, и религиозное миропонимание объясняют мир и человеческое существование с позиций сверхъестественного. Однако для христианства исполнение заповедей, а не обычаев и ритуалов, является первостепенной задачей. С приходом христианства все языческие обряды стали преследоваться как греховные. Вместе с тем истребить вековые обычаи оказалось невозможно, поэтому христианская церковь стала использовать старые праздники и обряды, наполняя их новым содержанием (Пасха как праздник пришла к нам из языческих времен). Первоначально язычество сосуществовало вместе с христианством, постепенно интегрируясь в православие. Как полагает О.Н. Трубочев [372], уже дописьменный древнерусский язык имел сложный лексический состав и включал «высокую лексику», то есть такие понятия, как *Бог, вера, душа, рай, святой, грех* и др., что создало благоприятные условия впоследствии времени

для адекватного перевода религиозной терминологии с греческого на славянский язык.

В средневековой Руси христианского периода психологическая мысль, формируясь под влиянием византийской культуры и сильной зависимости от христианского вероучения, была представлена прежде всего в памятниках древнерусской литературы (текстов Священного Писания, святоотеческих сочинений, богослужебной, житийной и нравственно-назидательной литературы) и церковной живописи.

Самобытными психологическими лабораториями, духовными лечебницами были православные монастыри, «особые условия жизни которых были направлены на решение задач духовно-нравственного совершенствования личности», где «добродетели испытывались “на всех режимах,” – подчеркнуто в работе В.А. Елисеева [118, с. 191].

В данной главе рассмотрим особенности развития средневековой русской психологической мысли, зависящей преимущественно от религиозно-богословской традиции, в которой определялись ее основные понятия и концепции.

§ 4.1. Репрезентация психологических воззрений в литературе русского средневекового периода

В произведениях литературы русского средневековья раскрывается широкая палитра психологических идей и предметных областей психологического познания, получивших дальнейшее развитие.

Русская литература до XVIII в. традиционно именуется «древней». Невозможно с точностью определить время возникновения на Руси письменной литературы. Однако есть «основания полагать, что она существовала на Руси еще до второй трети XI века» [86, с. 8]. С.С. Аверинцев, анализируя отношение людей в Киевской Руси к книге и грамотности, отмечал: «Для тех, кто

переходил к “духовной” вере, к незримому Богу и к святоотеческим учителям от культа Перуна и Волоса, вера принимала прежде всего облик грамотности, книжности, любомудрия» [5, с. 43]. Развитие книжности в период русского средневековья – это особое культурное явление, способствовавшее распространению православного учения в ситуации двоеверия. Письменная культура оказала влияние на формирование новых жизненных принципов, основанных на христианском вероучении, перенесение смыслов и ценностей христианства на языческую почву.

Средством распространения произведений древней русской литературы была исключительно рукопись (книгопечатание возникло на Руси лишь в середине XVI в.). Л.В. Левшун отмечает, что рукописная традиция древнерусской литературы способствовала изменчивости литературных памятников. Понятие литературной собственности и индивидуальной авторской монополии на литературное произведение в Древней Руси отсутствовало. Переписчик того или иного произведения часто был одновременно его редактором и не считал нужным указывать свое имя, поэтому древнерусская литература, как правило, анонимна. Также Л. В. Левшун подчеркивает, что очень сложно обстоит дело с хронологическим определением произведений древнерусской литературы. Почти все памятники древней русской литературы дошли до нас не в автографах, а в списках, притом в огромном большинстве случаев – поздних, и более или менее приблизительная датировка произведений производится на основании косвенных данных, извлекаемых из них самих и далеко не всегда исчерпывающих и надежных [196].

Однако в рамках данного исследования нас интересует не подлинность авторства и точная датировка произведения, а содержание психологических воззрений в этих произведениях.

В литературе русского средневековья насчитывается около двадцати схожих жанров, не вписывающихся в рамки собственно литературы: жития,

повести, сказания, летописи, послания, хождения, хроники, притчи, слова, поучения, беседы, истории, плачи, книги, предисловия и др. Д.С. Лихачев назвал их «деловыми», а не литературными в художественном отношении. Л. В. Левшун подчеркивает, что в средневековой Руси почитали книги, сообщающие истинную мудрость и воспитывающие христианскую духовность. Это пророческие беседы (книги ветхозаветных пророков), Евангелие, апостольские послания и жития [196, с. 10].

Именно благодаря принятию христианства на Руси стали распространяться богословские и философские сочинения Василия Великого, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Афанасия Александрийского и др., для которых вопрос о душе был одним из главнейших и привлекал к себе пристальное внимание. В этих произведениях наряду с выдержками из Священного Писания приводились высказывания Демокрита, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Анаксагора и др. Как отмечает М.В. Соколов, уже в древнерусских литературных произведениях XI – XII вв. имеются психологические воззрения, частично отражающие античную научную мысль: «...а это, несомненно, является показателем того, что в указанное время уже сложился вкус к философско-психологическим проблемам и что последние не были для древнерусского образованного человека чем-то внешним и наносным, а органически входили в его собственное мышление» [347, с. 14]. Характеризуя церковную богословскую литературу Д.С. Лихачев отмечал, что «психологию людей в известной мере знали и теоретически: некоторые из церковно-проповеднических произведений XI – XIII вв. это блестяще доказывают» [204, с. 156].

В XIV – XV вв. резко увеличился поток переводной богослужебной, богословской, агиографической и церковно-учительной литературы: сочинения отцов церкви, проповеди, каноны, молитвы, песнопения, жития святых, слова, поучения, притчи, что способствовало более широкому распространению

психологических идей в период русского средневековья. В переводных произведениях содержались глубокие и тонкие наблюдения, отражающие глубинные структуры психической жизни человека.

Следует отметить, что среди всего богатства древнерусской литературы отсутствуют исключительно психологические сочинения русских мыслителей, тем не менее, анализ русской средневековой литературы с точки зрения психологии дает основание утверждать, что древнерусские литературные произведения не в меньшей степени, чем на Западе содержали духовно-психологический аспект. Уже в XI – XII вв. в церковной литературе средневековой Руси были представлены произведения разных жанров русских авторов такие, как гомилетика, или учительная литература («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона; слова и поучения Кирилла Туровского и др.), агиография («Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Феодосия Печерского» и др.), аскетика (Киево-Печерский патерик), содержащие психологические воззрения разной направленности.

Как отмечал Д.С. Лихачев, появление русской культуры в конце X – начале XI вв. «явлению подобно»: «Перед нами как бы сразу произведения литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию, свидетельствующей о развитом национальном и историческом самосознании» [201, с. 14]. Именно в это время появляются произведения, в которых более или менее образно представлены психологические воззрения. В изображении персонажей «делались попытки проникнуть во внутреннюю жизнь действующего лица», при этом «летописец в гораздо большей степени, чем в изображении положительных героев своего повествования, стремился психологически объяснить поступки врага, описать внутренние побудительные причины его дурных поступков ... : гордость, зависть, честолюбие, жадность» [204, с. 33–34]. Д.С. Лихачев подчеркивал, что «психологическая наблюдательность в житейской практике древней Руси достигала большой

тонкости ... “Поучение” Владимира Мономаха поражает громадным запасом психологических наблюдений» [там же, с. 56].

Следует подчеркнуть, что психологические воззрения нашли отражение прежде всего в сочинениях христианских богословов. Именно церковная литература была по преимуществу источником психологических знаний в русский средневековый период. С одной стороны, церковь использовала психологические понятия, сформированные античной научной мыслью, с другой – независимо от влияния античных учений, древнерусские писатели-богословы продуцировали собственные психологические взгляды. В соответствии с этой позицией М.В. Соколов указывал на ошибочность, предвзятость суждений некоторых историков по поводу одностороннего влияния Византии и западноевропейских стран на «косную» и «отсталую» Россию и следование русских мыслителей иностранным образцам. Он подчеркивал, что византийское и западное влияние не было безусловным и не играло решающей роли в развитии своеобразной русской культуры, поскольку эта культура «есть итог многовековой жизни великого народа-созидателя и никакими иноземными влияниями она исчерпана быть не может» [347, с. 16]. Знакомясь, усваивая понятия и формы культуры, русский народ творчески перерабатывал и переосмысливал их в соответствии со своими собственными интересами.

Древняя Русь уже в XI в. имела многочисленную литературу о природе человека и его психики. На основе анализа русской средневековой литературы представления о человеке, его душе в сознании русских мыслителей можно обобщить следующим образом: душа определяет весь сложный духовно-душевно-телесный состав человека, который она представляет как единый субъект.

Душа в православной трактовке проста, но владеет сложным и многообразным составом. Сочетание различных качеств души (разумная, словесная, бессмертная, бестелесная и пр.) называлось «внутренним»

человеком. Человек мыслит разумной душой. Душа обладает способностью говорить (словесная функция души). Основной функцией души считалась ее бессмертность – гарантия ее связи с горним миром. Подчеркивалось противодействие души и греховного тела, незначимость плоти и возвышенность духа.

Обратимся к основным литературным произведениям периода русского средневековья: «Источник знания»; «Шестоднев»; «Толковая Палея»; «Физиолог»; «Диоптра»; «Повесть о споре жизни и смерти»; «Изборник 1076 г.», «Пчела»; «Кирилло-Белозерский сборник»; «Послание о посте и воздержании чувств киевского митрополита Никифора Вл. Мономаху»; «Слово о Законе и Благодати»; «Повесть временных лет»; «Поучение»; «Послание, написанное Климентом митрополитом русским Фоме прозвитеру, истолковано Афанасием мнихом»; «Притча о человеческой душе и теле»; «Слово о полку Игореве»; «Домострой»; «Наставление о душе и страстях»; повесть о «Горе-Злочастии», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Хождение за три моря»; агиографические произведения: «Житие святого равноапостольного великого князя Владимира», «Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Авраамия Смоленского», «Житие Феодосия Печерского», «Житие Александра Невского», «Житие Сергия Радонежского», «Житие Кирилла Белозерского», «Житие Зосимы и Савватия Соловецких», «Житие митрополита Филиппа», «Житие царевича Димитрия Угличского», «Житие протопопа Аввакума», «Житие святых праведных жен Марфы и Марии», «Житие боярыни Морозовой».

В этих произведениях в той или иной степени рассматриваются фундаментальные психологические проблемы: что есть человек; что есть душа; какова физическая, психическая, нравственная сущность человека; каково высшее предназначение человека; обладает ли человек свободой выбора; являются ли человеческие способности врожденными либо приобретаются благодаря индивидуальному опыту; как и почему меняется человек в течение

жизни; как человек познает мир; как и почему переживает и определенным образом поступает и т. д.

Краткий анализ древнерусских произведений, сыгравших значительную роль в распространении психологических воззрений в период русского средневековья представлен в нашей работе с учетом разделения источников на 1) переводные (сочинения психологического характера византийских философов и богословов, переведенных на древнерусский язык), 2) сборники-хрестоматии, 3) агиографические произведения, 4) сочинения русских писателей.

1. Переводные произведения

Психологические воззрения мы находим в трактате Иоанна Дамаскина, византийского философа и богослова VIII в. – *«Источник знания»*. По собственному признанию автора, в этом произведении собрано все лучшее, что можно найти у «языческих мудрецов»: Эмпедокла, Сократа, Платона, Аристотеля.

В «Источнике знания» указывается на двоякую природу человека, состоящую из души и тела. Душа – это особая духовная субстанция, непостижимым образом связанная с телом, им принадлежит ряд общих особенностей: если болит душа, то болит и тело; тело усваивает то, что свойственно душе (добродетели или пороки), при этом приоритет отдан душе, способной управлять телом. Душа представлена тремя уровнями – «этажами». Верхний «этаж» – чисто духовная, бессмертная, богоподобная и разумная часть души. Средний «этаж» – неразумная часть души, но подчиненная разуму, не обладает чисто духовной природой, так как основана на ощущениях и восприятии. Нижний «этаж» – это часть души, не подвластная разуму, находящая свое выражение в физиологических процессах.

В трактате подчеркивается, что именно отличает человека от других живых существ: это принадлежащие душе разум и неразрывно связанная с ним

свобода воли, то есть самовластие; а это есть уже проявление образа Бога в человеке.

Автор трактата выделяет основные стадии психического развития:

- соединение души с телом происходит еще в утробном периоде, до рождения человека, при этом душа появляется в теле не раньше, чем тело будет сформировано;
- сначала образуются силы, обеспечивающие естественную жизнь начинающегося организма, то есть его рост и питание;
- за ними возникает способность воспринимать раздражение извне и способность движения;
- только после этого появляется способность к разуму;
- в итоге формируется бессмертная душа.

В «Источнике знания» рассмотрены особенности познавательной деятельности человека. Выделены два способа познания: чувственный и рациональный. Чувственное познание – это познание материальных предметов с помощью органов чувств. Рациональное познание идентифицировано с разумной частью души, не зависящей от чувства, оно оперирует идеями, постигаемыми только умом, и направлено на решение (свободный выбор) какой-либо проблемы. Рациональное познание способно предвосхищать действия и поступки человека.

В трактате отмечено, что и чувственное, и рациональное познание имеет соответствующие органы. Органом чувственного познания являются глаза, уши, ноздри, язык и нервы, идущие от головного мозга, то есть акт восприятия богослов связывал с нервно-анатомической системой, состоящей из периферической и центральной частей, и соединяющих их нервных проводников. И. Дамаскин подробно описал работу пяти анализаторов и высказывал мнение о взаимодействии зрения и осязания в восприятии некоторых качеств предметов и явлений, а также об участии прошлого опыта в актах восприятия.

В произведении рассмотрены и такие психические явления, как память, воля, чувства, воображение.

Память рассматривается как промежуточное звено между чувственным и рациональным познанием. С одной стороны, память хранит то, что дано каким-либо органом чувств, с другой стороны – то, что постигнуто только мыслями. При этом сохраненный материал, поступая из двух различных источников, находится в памяти не смешиваясь друг с другом.

Рассматривая вопрос о воле, И. Дамаскин указывал, что многочисленные действия человека не зависят от него, не находятся в его власти. Он классифицировал эти действия на, совершаемые по принуждению (внешняя детерминация), и действия, совершаемые неосознанно. Также он выделил действия, которые человек ясно осознает, они зависят от его воли (свобода выбора поступка, свобода воли). Признаками этих действий является моральная оценка и борьба мотивов. Выбор всегда связан с осознанием, следовательно, свобода воли есть функция человеческого разума.

В произведении рассмотрены эмоции, чувства, страсти человека с моральной точки зрения. Выделены их виды и классы (душевные и телесные, духовные и материальные).

О воображении сказано, что оно возникает в результате деятельности органов чувств. Образы воображения связаны с деятельностью «неразумной части души».

Основные психологические идеи, отраженные в трактате «Источник знания» И. Дамаскина, схематично представлены на рисунке 13.

Рис. 13. Основные психологические идеи, отраженные в трактате «Источник знания» И. Дамаскина

Не менее содержательным в психологическом отношении, чем «Источник знания» И. Дамаскина, является древнерусское произведение «*Шестоднев*» Иоанна экзарха болгарского (воинствующего церковника) – произведение, которое М.В. Соколов определял как модель энциклопедии, содержащей материал, касающийся природы человека и его психики. Труд был создан в конце IX – начале X вв. в Болгарии, в XI в. он был известен на Руси.

В «Шестодневе» переплелись разноплановые воззрения философов античности, византийского христианства, мифы еврейской библии и другое. Сокращенное изложение Библии о шести днях творения Иоанн экзарх сопровождал богословскими, философскими и естественнонаучными интерпретациями. Особое внимание он уделяет анализу вопроса о природе человека и особенностях его душевно-телесной организации.

В сочинении «Шестоднев» описаны разные уровни психического развития на примере живых существ (растения, рыбы, птицы, четвероногие животные, человек), на основе их биологической организации и образа жизни.

По убеждению Иоанна экзарха, человек не является частью природы и продуктом ее развития. Человек – «властелин всему», резко противостоящий всей природе. Человек отделен от животных «непроходимой пропастью». На это, по его мнению, указывает даже внешний вид людей и животных. Животные всегда обращены к земле головой и чревом, человек же устремлен кверху, в высоту, к небу. Душа животных неразумна и смертна, а душа человека – разумна, бессмертна, одарена словом и свободой воли, подобна ангелам, так как бесплотна и невидима.

В произведении раскрывается вопрос о связи души с телесной организацией человека, и подчеркивается, что, с одной стороны, тело – это обязательный инструмент активности человека, его мыслительной деятельности, превращающий мысль из возможности в действительность, с другой – душа рассматривается как божественное начало в человеке. Связь души с телом осуществляется актом божественной воли еще до рождения человека (в утробном периоде). При этом тело развивается не одновременно с душой: сначала появляется тело, лишь потом в него входит душа.

В «Шестоднев» достаточно подробно описано строение и функции различных органов человеческого тела, обосновано, почему органом ума является головной мозг, а органом эмоциональных состояний – сердце, определяемое как «князь и владыка» всего тела. В разделе анализа проблемы соотношения души и тела автор применил физиогномические сравнения: большой лоб означает наличие ума, мудрости; малый лоб – остроту и гибкость ума. Также с позиции физиогномики описаны глаза, брови, частота моргания, нос и так далее. Иоанн экзарх утверждал, что Бог намеренно создал такое соответствие внешнего и внутреннего облика человека, чтобы уже по внешнему облику можно было судить о внутреннем мире человека, его характере.

В «Шестоднев» автор выделял три уровня познания:

1) *эмпирическое* – доступное чувственному восприятию, но не гарантирующее проникновения в суть явлений;

2) *рациональное* – постижение человеческими мыслями видимого и невидимого мира; при этом он указывал на различие таких мыслительных способностей, как ум и размышление: ум отождествляется с образным мышлением, которое непосредственно связано с восприятием, предполагает некое «озарение», то есть интуитивное познание, а размышление направлено на поиск ответов в связи с возникшей проблемой, в основе которого лежит цепь умозаключений;

3) *иррациональное* – заключающееся в признании недоступного надприродного творения, реальность которого принимается на веру и о котором не дано знать сверх того, о чем учит Святое Писание.

В период Московской Руси распространяются «Шестодневы», составленные уже русскими авторами. Они отличаются тем, что весь текст, описывающий процесс творения мира, сводится к теме человека. Так, «Шестоднев Афанасия Холмогорского» (XVII в.) отразил целый комплекс представлений не только о мироздании, но и о человеке. Афанасий использовал многие сочинения патристики: текст наполнен фрагментами Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, Григория Нисского. Рассуждения о человеке выделены отдельным заголовком: «О человеце бытия». В его работе также человек представлен сущностью, наделенной противоположностями бытия, он есть одновременно и духовное и вещественное существо. Тело рассматривается как орудие и служительница души. Описаны познавательные и эмоциональные явления.

Основные психологические идеи, отраженные в трактате «Шестоднев», схематично представлены на рисунке 14.

Рис. 14. Основные психологические идеи, отраженные в произведении «Шестоднев»

Среди произведений древнерусской литературы заметное место занимает «Палея Толковая» (XI – XII вв.), представляющая интерес для исследования генезиса отечественной психологической мысли. «Палея Толковая» – это универсальный энциклопедический труд по характеру источников и представленных тем изложения о бытие, христианских знаниях, космологии.

Характеризуя древнерусское литературное произведение «Палея Толковая», М.В. Соколов [347] отмечал, что в этом произведении собраны присущие тому времени взгляды на природу человека.

Слово ἡ παλαιά («палея») обозначало Ветхий Завет. Произведение «Палея Толковая» – это рассказ о ветхозаветных событиях, однако в ней имеется немало мест, специально посвященных вопросу о природе человека и его свойствах.

В «Палее Толковой» подчеркивается дуализм души и тела: душа не может быть воспринята органами чувств, поскольку она бесплотна, а тело осязаемо. Душа устремлена к небу, она бессмертна, а тело тленно и притянуто землей. «Душа животных и птиц является плотской происшедшей вместе с

телом и потому смертной и неразумной, умирающей вместе с телом; души их погибают безвестно. Душа же человека является созданной, сотворенной самим Богом и по природе почитаема» [251, с. 90–91]. Вместе с тем душа человека не божественна, она индивидуальна: «Многим кажется, что телу дается душа Божественной природы, что является нелепостью. Истинное познание заключается в следующем: если бы душа была Божественной природы, то у всех [людей] она была бы одинаковой, мы же у всех видим различие, ибо у одного она мудра, у другого – безумна, у третьего – неразумна, у четвертого же – способна к размышлению; одна, обуреваемая страстью, склоняется ко злу, а другая – к благу; третья же душа [хотя и] хвалит правду и любит добрые нравы, но уклоняется от благородства, Божественная же природа не разделяется и не изменяется» [там же, с. 88].

В разделах «Слово о частях и членах тела» и «О душе, уме и мысли» описаны органы чувств и их функции, органы души. По мнению автора, органами души являются мозг (место для ума) и сердце (место желаний, влечений, эмоций). Наилучшей организацией душевной жизни является согласие между ними. Нарушение или повреждение целостности каждого из органов души ведет к нарушениям душевной жизни. По поводу природы ума, эмоциональных реакций, влечений написано, что, с одной стороны, они составляют необходимый атрибут души и, следовательно, обладают одинаковой с ней природой, то есть принадлежат к нематериальному миру, а с другой стороны, их деятельность осуществляется благодаря нервам, соединяющим мозг и сердце с органами чувств (глаза, уши, язык, нос). Также отмечено, что тело и душа противопоставлены друг другу, находятся в постоянном противоречии, в борьбе. Если душа действует в тесном содружестве с умом, то она способна подчинить себе тело. Бывает, что и тело властвует над душой, поработив ум. «Душа наблюдает за телом – своим жилищем, а сердце и мозг в свою очередь наблюдают за душой, и в общей сокровищнице они рождают разумную мысль и отпускают ее от себя, как слугу

и подчиненного, в невидимые и непроходимые места, которые не видимы телесными очами, но становятся видимой износимой мыслью... потом она возвращается в сосуд своего тела, где душа, сердце и мозг обсуждают [ее] вести ... Как железо можно видеть в трех состояниях (когда его не берегут и не используют, оно бывает грязным и ржавым; когда его трут и шлифуют, оно становится блестящим; когда же его помещают в огонь и раскаляют, оно становится как пламя, так что его невозможно взять руками), так и душа, мозг и сердце: когда они не согласны друг с другом, то душа бывает не нужна сердцу, а сердце мозгу, и они, заперев свои сокровища, вывалявшись в грехах, предстают смердящими; когда же они «оттерты» и «выглажены» духовными мужами и книжными беседами, они снова очищаются; если же душа разгордится божественной любовью, пронзит сердце и ражжет свой мозг и прилепится к Богу разгоревшейся любовью, то злой дух ничего не сможет поделаться с человеком, ибо его козни обличаются умным светом. У всех людей душа не всегда бывает светлой, но тот, кто устремляется к Богу, тот просвещает свою душу, душа же незрима и отлична от телесной материи... Когда же душа по божественному повелению исходит из тела, сердце и мозг становятся мертвыми. Когда сердце получает раны, душа быстро покидает [тело]: она не может жить без него. Также и когда мозг бывает поражаем через черепные кости, болеют душа и сердце, и ничего тогда не смыслит тот человек, ибо душа и сердце печалются о своем сожителе; когда он получает раны и прорывается пелена, то душа исходит [из тела]», – подчеркнута в произведении [251, с. 127–130].

Одним из основных свойств человеческой души является свободная воля человека: «Предвидевший все Владыка испытывает природу человека, чтобы явила себя власть человеческого ума: что он сделает по своей [свободной] воле?» [там же, с. 98].

В этом труде рассматривается и процесс возрастного развития человека, представлена оригинальная периодизация, основанная на принципе

цикличности природных явлений. Так, четыре основных возраста сравниваются с четырьмя временами года. «Если начать говорить о символическом значении сменяющих друг друга четырех времен года, то весна подобна рождению и младенчеству человеческого существа. Когда солнце поднимается все выше и увеличивает продолжительность дня, тогда распускается зелень. Когда же злаки и плоды, напитавшись вешним соком, набухают от солнечного тепла, то этот период времени называют летом. То же видим и у человека: когда дитя входит в возраст, он бывает слаб костями, его суставы и кости не крепки. Вхождение в возраст мужества подобно наступлению осени. Как исступленное Солнце иссушает всякие злаки, и они становятся спелыми, так и человек, пришедший в возраст мужества: все кости его тела твердеют и костные хрящи крепнут, костная кровь превращается в мозг и головной мозг становится полностью [зрелым]. Зимой же мы уподобляем старости: как от прихода Солнца и южного ветра все замерзшее тает, так в старости нападают болезни и частые недуги и разрушают [человека]», – указано в русском средневековом литературном памятнике [251, с. 30].

Возрастные этапы развития сравниваются также с лунными фазами. Так, «свет, словно душа, покидая Луну, делает ее будто бы мертвой, и снова вхождением света она оживает, прибавлением света она делается словно живой. Все это есть образ человеческого естества: когда Луна нарождается, она бывает молодым и тонким Месяцем, и все жители земли видят в нем символ течения человеческой жизни. Так, человек, когда рождается в мир, его отец и мать, братья, друзья и соседи радуются о нем, хотя всем известно, что ему придется умереть через столько-то лет. Как месяц растет и светлеет, так и человек в детстве растет и набирается сил; как Луна достигает полноты, так и человек выросши, достигает совершенной силы; как свет Луны убывает, так и сила человека, день за днем отходящего от совершенства, скудеет вплоть до смертного часа. Но как Луна возрождается, так и человек о Христе воскресает», – продолжает автор произведения [там же, с. 31].

Кроме того, в произведении отражена идея о типах характера человека, которая основана на характеристике особенностей некоторых животных. «Есть рыба, которую зовут многоножкой. Ее природа и повадка таковы: она становится того же [цвета], что и камень, к которому она подплывает – у зеленого зеленый, у белого белый, у другого – другой. Потому то другие рыбы, не почуяв разницы, попадают ей в пасть, принимая ее за камень, ибо тело ее изменчиво. Так и иные люди живут ... Еще есть такая птица, называемая кукушка. У этой птицы злая повадка: когда ей пора класть яйца, то она откладывает их в гнезда других птиц, сама же в своем гнезде их не высидывает, но подбрасывает своих птенцов другим птицам. Из-за ненасытности своего чрева она не хочет потрудиться у своего гнезда и только злокозненными криками призывает самца к спариванию. Так и некоторые люди ... Еще есть рыба, называемая мурена. Она нечиста делами и весьма скверна... Эта рыба, оставив свою пару, соединяется с ядовитым гадом, потому и нечиста. И среди людей это есть. Есть еще рыбы, называемые тюленями. У их детенышей есть такая повадка: от испуга они снова влезают в материнскую утробу. Таков же и нрав злых людей: когда соблазнами и ложью они стараются совратить человека с пути праведного и бывают обличаемы ими, то они прячут свой яд. Есть также птица, которую в Индии зовут феникс ... Эта птица живет одна в гнезде ... Летая в кедровые рощи Ливана, она напоет свои крылья ароматами и потому всегда бывает благоуханной. Когда же она состарится, то поднимается на небесную высоту и берет небесный огонь; спустившись, она поджигает свое гнездо и сгорает вместе с ним. Но в пепле своего гнезда она снова возрождается в виде гусеницы, и в этой гусенице заключена та же птица с той же природой и повадками ... из этого следует, что нет у человека славы, если не будет испытан в сражении ... тот, кто не венчался кровью мученической, тот бывает пустынножителем», – красноречиво описывает автор [там же, с. 64–67].

Чрезвычайно интересно в «Палее Толковой» в разделе «Сказание о семени» трактуются вопросы внутриутробного развития человека (как с

физиологической, так и с моральной точек зрения), возрастного развития, индивидуально-типологических особенностей людей, взаимосвязи конституции тела и характера человека. Например, в «Палее» следующим образом рассматривается вопрос о физиологии зачатия: «Бог приводит человека из небытия в бытие уже через родителей посредством исполнения обязанностей таинства брака. Восстанием плоти и вовлечением члена из своего чрева в женское лоно зачинается [ребенок] и помещается в женском поле. От мужа одушевленное семенное извержение смешивается с встречной женской кровью, когда все душевное и чувственное соединяются вместе, как бы сливаются друг с другом телесным соединением. От мужского одушевленного семени [происходит] отвердение, ибо мужское семя одушевлено и превращается в силу костей и жил. От жены, напротив, при совокуплении подается родная по естеству кровь, которая от одушевленного мужского семени, отвердев, превращается в плоть – вследствие соединения с семенем. Если крепость костей и жил от мужской силы, то все кровяное и плотское образуется от присоединения женского [начала]» [там же, с. 120].

Как было отмечено выше, автор «Палеи Толковой» описал процесс внутриутробного развития ребенка: ребенок формируется в чреве матери постепенно, при этом он проходит несколько этапов в «уставное время» для того, чтобы «безобразная вещь» превратилась в младенца, имеющего человеческий образ. Развитие плода сопоставлялось с формированием реального мира, который возник не моментально, а был создан по этапам, при этом в первый день творения еще не все было оформлено и упорядочено, а в последний день все пришло в соответствующий, приемлемый вид. Автор не описывает основные стадии внутриутробного развития, но отмечает важность двух месяцев беременности: пятый месяц (плод приобретает человекообразную форму и получает способность производить движения) и девятый месяц, когда ребенок должен появиться на свет. Девятимесячное пребывание плода в утробе

матери связано с тем, что женские органы не могут растягиваться настолько, чтобы вместить в себе более крупного ребенка [там же, с. 122–123].

В «Палее Толковой» вопросы пренатального развития анализируются и с моральной точки зрения. Так, например, ребенка ждет хорошее будущее только в том случае, если он есть плод взаимной любви родителей. Также указано, что нормальное созревание плода обусловлено образом жизни, в частности питанием беременной женщины: «подобно тому, как злаки быстро растут, крепятся и множатся, будучи поливаемы дождем, точно также все члены и органы младенца, находящегося в утробе матери, успешно развиваются, когда получают потребные им питательные вещества» [там же]. В утробе матери младенец растет, укрепляются его мышцы и кости, развивается мозг, формируются члены тела, образуются ногти и волосы. Однако нарушение нормального режима, допускаемое женщиной, готовящейся родить (по своей воле или в силу необходимости), причиняет ребенку большой вред. Если, например, женщина, «носящая во чреве», страдает «пьянством и объядением», то «пища во утробе умножается», то есть поступает в чрезмерном количестве, и это влечет за собой различные физические уродства у ребенка, лишение его зрения и слуха, кожные болезни и т. п. Недостаток питания при беременности также может привести к нарушению развития или гибели ребенка. То же самое имеет место в природе: если земля, в которую брошены семена, не будет орошаться дождем, то всходы засохнут, не дав никакого урожая и, напротив, чрезмерное орошение также приведет к гибели семян [там же, с. 123–124].

В «Палее Толковой» рассмотрены и некоторые особенности поведения маленького ребенка, например, отсутствие стыда у малышек. Появление чувства стыда связывается не только с телесным, но и с умственным, духовным развитием ребенка.

Несколько разделов в «Палее Толковой» посвящены описанию нравственных категорий, характеристике эмоций, рассмотрено их влияние на

развитие личности и поведение человека, раскрывается идея о борьбе мотивов и свободе выбора. Приведем выдержки из следующих разделов:

– «Завет Иссахара о благоразумии» («...живите в простоте вашей души, ибо живущие в простоте не желают зла, и не нуждаются в приобретении многоценных сокровищ, и не посягают на чужое, не осуждают ближнего, не наносят обид человеку, и не ищут разнообразных яств, не заботятся о нарядах, не желают долголетия, но только уповают на волю Божию в благости своего смирения. И даже духи лжи ничего не добьются от него») [251, с. 286];

– «Завет Дана о ярости и гневе» («...ложь и гнев от диавола, ибо они учат человека всякому злу... Если не бережете себя от духа лжи и гнева и если не возлюбите истины и милосердия, то погибните, ибо гнев ослепляет человека. Когда им овладевает дух немилосердия, он не знает братской любви, не боится отца, не чтит матери, не уважает старика, не стыдится людей, не жалеет детей, так как дух гнева опутывает его, и сеет в его сердце коварство, и ослепляет его сердечные очи, ложью омрачает его ум, и сообщает ему свой злой взгляд, и вкладывает в него свои очи, и он не знает истины. И дух зла возбуждает в его сердце зависть и вражду к брату, и гнев овладевает его душой, и когда он завершит беззаконие, то сам себя оправдывает в своем грехе») [там же, с. 290–291];

– «Начертание завета Гада о ненависти» («Не прельщайтесь духом ненависти, ибо это зло для всякого человека: все, что делаете с ненавистью, есть мерзость ... Он хулит истину, презирает исполняющего закон, приветствует клевету, хвалит гордыню») [там же, с. 296];

– «Начертание завета Асира о зле и благоразумии» («В нашей груди есть два помысла, разделяющие нас. Если человек склонит свой помысел к боголюбию, то даже если он падет в грехе как человек и сделает что-то недолжное по неведению, то он скоро воспрянет... Помышляя о праведном, он устраняет лукавство и искореняет грех. Если же кто-то склонится к противоположному стремлению, тот всегда замышляет зло, похваляется

коварством, поучает свои уста не говорить правды, и, оставив благо, он принимает зло. И если даже он сделает добро, то все равно обернет ко злу. Когда он начнет как будто делать добро, то в конце дела оно обратится во зло, ибо сокровищницей его помыслов обладает диавол. И если, исполнившись лукавого духа, этот человек творит насилие, воруя и лихоимствуя, однако милует нищего, то и это двулично. Другие прелюбодействуют, блудят, однако воздерживаются в пище... Такие люди сквернят душу, а почитают тело... Не будьте двуличными в добре и зле, но прилепляйтесь к одной благости... Избегайте зла, побивая диавола вашими добрыми делами») [там же, с. 298–299].

Основные психологические идеи, отраженные в трактате «Палеи Толковой», схематично представлены на рисунке 15.

Рис. 15. Основные психологические идеи в «Палее Толковой»

Следует выделить еще одно произведение, получившее распространение на Руси в XI в. Это анонимный сборник естественнонаучных знаний «*Физиолог*», в котором даны сведения о реально существующих и фантастических животных и птицах. Описание свойств животных и птиц

соотносится с психологическими характеристиками человека (чисто символический подход). В этом произведении закладываются идеи о типологии характеров, о детерминантах поведения, о личностном совершенствовании. Приведем примеры: («О куропатке. Куропатка кладет много яиц в гнезде своем. Она весьма чадолюбива. И даже идет к чужим гнездам и таскает оттуда яйца. Только чтобы увеличить число птенцов своих. Так и ты человек, когда собираешь богатство, не можешь насытиться и все тебе мало»); («О горлице. Горлица – птица однолюб. Если погибнет одна из четы, то другая улетает в пустыню, садится на сухом дереве и оплакивает супруга своего. И уже не сочетается больше ни с кем другим никогда. Так и ты человек, если разлучился с женой своей, то не прилепись к другой»); («О дятле. Дятел – пестрая птица, живет она в горах, садится на кедры и стучит своим клювом. И где найдет мягкое дерево, там делает себе гнездо. Так и дьявол борется с людьми. И когда в ком-то найдет слабость, то войдет в него и угнездится. Если же в другом найдет крепость, то бежит от него»); («Об аисте. Аист – добрая птица. Когда состарятся их родители и не могут уже летать, тогда их дети, поддерживая с обеих сторон их под пазухи, переносят их с места на место. Так и кормятся. А если начнут слепнуть, то их дети влагают корм им в рот. И таковы им награда и воздаяние») [253, с. 475 – 485].

«Физиолог» был популярен в средневековой Руси, пользовался авторитетом даже в XVII в.

В XIV в. на Руси получила распространение «*Диоптра*» (русское название – «Зерцало»). Автором «Диоптры» был Филипп Пустынный, византийский писатель второй половины XI в. Это достаточно объемное сочинение, состоящее из «Плача» (содержащего около четырехсот стихов) и «Диалога Души и Плоты», включающего четыре части («Слова») по тысяче стихов каждая. В этом произведении содержатся ссылки на многих философов Древней Греции и Византии: Аристотеля, Гиппократ, Галена, Григория

Нисского, Василия Великого, Иоанна Златоуста и др. «Диоптра» – это «антропологическая энциклопедия», – отмечает Г.М. Прохоров [292].

Анализ произведения позволяет нам оценить «Диоптру» как психологический трактат, поскольку главная тема этого произведения – человек, его внутренний мир, смысл жизни, самопознание. В этом произведении представлены основные психологические воззрения: природа души, ее связь с телесной организацией человека, детерминанты развития личности, возрастные и индивидуальные особенности, смысл человеческого существования. Как отмечает В. В. Мильков, «в средневековой литературе нет другого произведения, в котором так детально и всесторонне исследовалась бы антропологическая проблематика» [225, с. 220].

С психологической точки зрения, представляет интерес полемика главных героев произведения Плоти и Души (Плоть – служанка, является учителем; Душа – госпожа, является ученицей) о человеке. С одной стороны, человек рассматривается как образ и подобие Божие, с другой, как греховный, слабый и несовершенный. Подчеркивается идея об их взаимной зависимости друг от друга. В «Диоптре» указывается на тот факт, что душа развивается и деградирует вместе с телом: «Плоть: ведь не в себе ты зачалась, но во мне образовалась. Не будь я создана, не была бы создана и ты со мной... Ни тело раньше души и ни душа прежде тела создались и возникли... Единовозрастная, ты ровесница мне во всем. Бестелесною душа и бездушным тело не были и не бывают с самого начала» [254, с. 81]. «Плоть: Я же когда рождаюсь, как известно, несовершенным младенцем пребываю, из детей малейшим. И ты тогда сразу ничего не можешь делать: явственно не говоришь, совсем не ходишь, и руками вообще не владеешь, но и во всем бездейственной оказываешься» [там же, с. 77]. Душа зависит от тела и во взрослом возрасте: «Но как свинья, что нечистотам радуется и скверне и каждый день валяется в них, наслаждаясь, так и ты, презлая Плоть, вечно этими своими плотскими страстями, и усладами постыдными, и скверными деяниями оскверняешь меня

каждый день, валяясь в них безбоязненно, словно свинья, и вниз меня влечешь, и никак не позволяешь мне взглянуть ввысь, о горнем помышлять и к горнему стремиться. Способность видеть, то есть ум мой, во мне ты угасила. И как смогу я понимать, будучи помраченной и ослепленной во всем и видеть неспособной?» [там же, с. 71–73]. Однако автор «Диоптры» подчеркивает ведущую роль Души: «Плоть: Да ведь ты руководишь мною, ты меня повсюду носишь! Ты ведь управляешь мною, как всадник конем. Я без тебя вовсе ничего не совершаю: ни добрых дел, ни злых, ни тех, что между злым и добрым. Так за что же ты меня укоряешь? Хорошо ли, дурно ли мы живем – зависит от твоей воли» [там же, с. 73].

О борьбе мотивов, потребностей (физиологических и духовных) с описанием психического состояния в «Диоптре» сказано: «Душа: и помощник ты мне, и соперник разом, противник беспощадный и враг свирепый. Горе, горе мне! Как это: враг – и друг мой любимый! Как мне поступить, не знаю, и что сделать, не ведаю» [там же, с. 73].

В «Диоптре» указано на физиологические основы психической деятельности человека: «Плоть: Глядишь ты моими глазами и все видишь, говоришь моим языком, слышишь ушами, обоняешь моими ноздрями, а руками занимаешься ремеслами и всякими художествами от малых и незначительных до самых великих... Если же мой мозг будет поражен мечом или как-нибудь иначе поврежден будет, слепою ты делаешься, не различающей доброго от недоброго, становясь навсегда полностью бессмысленной и скудоумной, во всем бездейственной ... для ума нужнейшим из всех прочих членов и наилучшим из органов является головной мозг ... Три умственные силы – память, воображение и мышление – обитают в головном мозге ... Воображение находит себе место впереди, а память сзади, мышление же в середине головы» [там же, с. 77].

В «Диоптре» выделены три части, из которых состоит Душа: «ум (способность мышления)», «ярость», «влеченье». «Если мой мозг здоров и

цел», – говорит Плоть, – «то три твои умственные силы, о Душа, рождают в тебе четыре родственные им добродетели, четвероконную их упряжку: мышление порождает справедливость и мудрость, влечение – целомудрие, а ярость рождает в тебе мужество. Но стоит головному мозгу стать хромым, теряешь все: и справедливость, и мудрость, и мужество, и целомудрие, а с ними и умственные силы, о госпожа, – память, воображение и мышление, а с ними и пять твоих чувств, любимая: ум и мысль, представление и воображение, и, наконец, понимание; а также и мои все: зрение, обоняние, слух, вкус и осязание» [там же, с. 79]. В старости вместе с общим одряхлением организма (к восьмидесяти годам) ослабевают как все части тела, так и «мудрование», то есть уровень душевной, умственной жизни человека напрямую зависит от возраста и здоровья.

В этом произведении рассматривается также вопрос об индивидуальных и типологических различиях людей. Автор «Диоптры» стремится ответить на вопрос о происхождении этих различий: почему одни с самого рождения и раннего возраста оказываются кроткими, а другие гневливыми, позже – одни женолюбцами и блудливыми, а другие женоненавистниками и склонными к воздержанию, одни разумны, другие скудоумны, одни храбры, другие трусливы. Рассматривается две гипотезы: первая гипотеза о Боге, вторая – о «самовластии» человека.

Первая гипотеза – Бог является причиной индивидуально-типологических особенностей людей: он лепит в людях любые характеры, наделяя их той или иной степенью разума. В качестве аргумента приводится сравнение Бога с горшечником: горшечник создает из своей глины различные сосуды, потому что это в его власти.

Вторая гипотеза – способность человека к саморазвитию, «самовластью». «Самовластие» рассматривается как полная, ничем извне не обусловленная свобода воли, которая дана человеку изначально как разумному существу. Каждый выстраивает свое поведение на основе личного определения как

поступить, свободно склоняясь на путь добра или зла. Именно потому, что человек абсолютно свободен в своих действиях, с него и спросится «на том свете». Ему не придется отвечать только за те природные качества, которые не зависят от его «произволения».

Автор «Диоптры» считает, что душа («госпожа») ответственна за поступки тела («служанка»): все, что совершает «служанка», то есть тело, делается с указания и разрешения «госпожи», то есть души. Если бы человек становился «благим» или, наоборот, «лукавым» исключительно только в силу «Божественного повеления», то на него нельзя было бы возлагать вину за его поступки, потому что он таким был сотворен. В этом случае, христианская мораль разрушается, так как никакого посмертного воздаяния человеку за праведную или нечестивую жизнь не может быть предусмотрено (на все воля Божья). Поэтому приходится признать ограничения Божественной воли, признать, что формирование индивидуальных характеров происходит без его активного вмешательства, зависит от разных причин. Так, одна из причин различия характеров – его гуморальная основа: четыре влаги человеческого организма (черная желчь от земли, она суха и холодна; слизь от воды, она холодна и мокра; кровь от воздуха, она мокра и тепла; желтая желчь от огня, она тепла и суха). Разнообразие характеров, наблюдающееся в жизни, не связано с различием душ, так как все души одинаковы, а возникает за счет физиологически активных веществ. Все происходит от четырех стихий, или «влаг», которые по закону необходимости производят из себя различные душевные свойства. Эти свойства таковы, каковы влаги в организме. Будет ли человек «гневлив» или «кроток», «благоподатлив» (добр) или «суров и жесток», «смыслителен» или «несмыслен» зависит от «сопряжения» (сочетания) влаг, происходящего «в час зачатия младенцу», которые смешиваются в различной пропорции, при этом одна из влаг преобладает над другими. Преобладание теплой влаги способствует формированию здоровой, «мужественной» природы – «душа крепкая», «кипящая разумом» и

благожелательная к другим людям. Преобладание «мокроты» является основой выражения расслабленности организма, склонности к частым заболеваниям, «загниванию» органов тела, лени и чревообъядению и т. д. Автор «Диоптры» признавал, что у человека проявляются не только врожденные физические недостатки, но и врожденные качества ума («слабоумие», «целоумие»). Подчеркивал, что в здоровом теле здоровый дух: если тело находится в добром здравии и не испытывает никакой немощи и никакого расслабления внутренних и внешних органов, то душа функционирует нормально и наоборот.

В «Диоптре» сказано и о других причинах формирования характера: влиянии географических и климатических условий, обычаев, благодаря которым формируются личностные качества человека.

Основные психологические идеи, отраженные в «Диоптре», схематично представлены на рисунке 16.

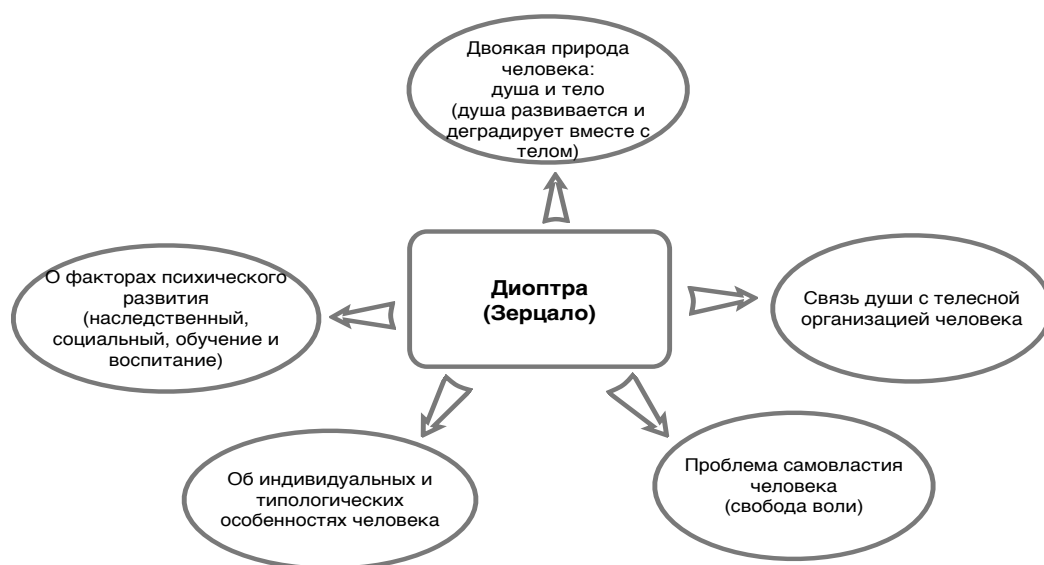

Рис. 16. Основные психологические идеи в «Диоптре» Ф. Пустынника

«Диоптра» — знаковое философско-психологическое произведение — оказала значительное влияние на русских средневековых мыслителей, в частности Нила Сорского, Максима Грека.

В XVI в. на Руси были распространены переводные светские повести, носящие преимущественно дидактический, откровенно поучительный характер. Довольно широкое распространение получила повесть *«О споре жизни и смерти»*, переведенная в 1494 г. с немецкого оригинала. Сюжет произведения – диалог человека со смертью. Человек просит смерть пощадить его на некоторое время, смерть отказывает, подчеркивая, что надо постоянно каяться и молиться, так как она может «постигнуть» любого в любое время, что все люди перед смертью равны независимо от социального статуса («ко всем моя благосклонность одинакова: к царю, князю, священнослужителю, к богатому, к бедному»). В произведении отражена идея о ценности и смысле жизни, о кратковременности пребывания человека на земле, подчеркивается, что люди не стремятся к самосовершенствованию (когда человек попросил смерть оставить его на земле, пообещав жить праведно, смерть ответила: «Нет, человек, не пушу тебя, потому что многие люди также говорят. Я отпускала людей, чтобы они покаялись, а они, освободившись, поступали по-прежнему, а про меня забывали, думая, что ничего не случится»). В произведении также дана сравнительная характеристика души и тела: душа – птица, а тело – гнусная, омерзительная человеческая плоть. Подчеркивается главная идея о том, что смерть неизбежна, что все люди перед смертью равны, поэтому необходимо стремиться к праведной жизни. Этот сюжет – спор человека со смертью – отражен в произведениях И. А. Крылова («Крестьянин и смерть»), М. Горького («Девушка и Смерть»).

2. Сборники-хрестоматии

Уже в XI – XII вв. на Руси стали составляться сборники-хрестоматии, в которых затрагивались психологические проблемы. Наиболее известные и интересные с позиции психологии – «Изборники» Святослава и «Пчела». В состав этих сборников входили сочинения (или выдержки из них) византийских церковных деятелей, суждения философов античности. В средневековой Руси

эти сборники постоянно переписывались, в них вносились изменения: они сокращались, дополнялись новыми статьями русских авторов, отдельные статьи комментировались, суждения перефразировались, менялись заглавия статей и т. п.

«Изборник 1076 г.» – произведение светского характера, в состав которого вошли избранные произведения таких церковных писателей древности, как Василий Великий, Кирилл Александрийский, Иоанн Златоуст и др., а также притчи и загадки.

С. В. Бондарь [36] отмечает, что в этом произведении отражены идеи, которые способствовали духовному развитию читателя, оно было написано, с большой долей вероятности, с педагогическими целями и являлось учебным пособием для воспитания княжеских детей.

В этом произведении мы находим и психологические воззрения. Так, душа и тело трактовались как две субстанции, сочетание которых и составляет сущность человека. Душа – высшее начало в человеке, дарует телу жизнь, одухотворяет его. Все тленно, и только душа нетленна, и «чтить подобает нетленное больше, чем тленное». Автор призывает помнить о смерти всегда, и только такая память научит как прожить в этом кратком времени. Необходимо при жизни своей размышлять о душе, – подчеркивается в произведении [136]. Органы тела выступают инструментом, посредством которого реализуются идеи, рождающиеся в душе. Однако соединение с телом (низшей, материальной субстанцией) отягощает душу, огрубляет ум, поскольку душе передаются плотские страсти и проистекающие из них болезни, страдания. Два «естества» в человеке настолько тесно связаны между собой, что душа не просто сосуществует с телом, а сливается с ним воедино. Вместе с тем человек представляет собой нечто иное (третье) по отношению к составляющим его двум субстанциям (тело и душа).

В произведении выражена идея о том, что духовно-нравственные качества личности не даются от Бога в готовом виде, а представляют собой

результат личных усилий человека, его постоянной работы над собой. Такой взгляд на душу подчеркивал роль не только воспитания и живого примера в формировании моральных качеств личности, но и самовоспитания, самосовершенствования: «И сражаться с бесом-врагом до гибели плоти, до изнеможения духа... Уклонись от зла и сотвори добро... Будь и праведен, и правдив, смирен, кроток... к людям приветлив, опечаленного – утешитель, терпелив в напасти и нищете, щедр и милостив, нищим кормитель... кроток, робок, неславолюбив, не златолюбец, но друголюбец...» [там же, с. 587].

В «Изборнике 1076 г.» рассматривается проблема воли человека, которая непосредственно связана с вопросом о добре и зле. Воля человека свободна, каждый человек сам решает свою судьбу.

Высказываются суждения об эмоциональных состояниях человека, их влияние на поведение: «Кроток будь со всяким человеком, и кто выше тебя и кто ниже, ибо лицемерная кротость – стыдиться перед старшими и презирать низших. Кроткая походка, кроткое сидение, кроткий взор, кроткое слово – все это пусть в тебе будет... Кротость – это не досаждать никому ни словом, ни делом, ни повелением, но каждому человеку нравом своим услаждать сердце... С яростным не спорь, и не иди с ним через пустыню, ибо кровь для него – ничто, и когда не будет помощи, тут же уничтожит тебя... Во всяком деле будь смел, и никакой порок не подступит к тебе... Нет веселия больше сердечной радости, и лучше смерть, чем горькая жизнь... Не распалай себя гневом, избавляясь от такого желания, без нужды не гневись на ближнего... Радоваться с достигшими добронравия и никому не завидовать, со страждущими страдать и с плачущими рыдать... В скорбях терпеть, со всеми смиренным быть, надменности избегать, пребывать в благоговении...» [там же].

В произведении отражены идеи социальной психологии в форме утверждений о том, как должны строиться отношения людей, на каких принципах, как можно их гармонизировать. В Изборнике выделены основные факторы гармонизации отношений: человеколюбие, совесть, сострадание,

любовь и уважение (почитание). Дружба всегда взаимна, основывается на равноправии партнеров, поэтому настоящие отношения между людьми могут быть только на основе дружбы; необходимо проявлять уважение к старикам, родителям, с заботой относиться к сиротам, вдовам, детям и даже слугам: «Перед старцами – молчание, перед мудрыми – послушание, с равными дружбу иметь, с младшими – дружеское согласие» [там же].

В данном произведении просматривается и своеобразная иерархия мотивов, которую условно можно назвать пирамидой самосовершенствования (самоактуализации). В «Изборнике 1076 г.» очерчены этапы прохождения от низших потребностей к высшим – духовным, трансцендентальным:

- 1 этап: человек погружен в плотские страсти;
- 2 этап: человек как должник отвечает Богу;
- 3 этап: человек со страхом и молитвой обращается к Богу;
- 4 этап: человек как наемник, обладающий свободой выбора и желающий получать вознаграждение за свою веру в Бога;
- 5 этап: человек предстоит перед Богом и обращается к Нему как друг;
- 6 этап: человек как сын к Богу «дерзает»;
- 7 этап: проявление Божьей мудрости (абсолютные духовные ценности), обретение внутреннего покоя и радости.

Путь к высшему этапу – к мудрости – очень сложный, требующий самопожертвования, преодоления внутренних препятствий (лень, корысть, зависть, клевета, обман, жадность, гневливость, взяточничество) и развитие добродетелей (сердоболие, кротость, дружелюбие, благостное отношение к убогому, терпимость к вероотступникам). При этом значимы не внешние проявления положительных качеств, а его внутреннее убеждение, свобода выбора действий [136, с. 597–600].

Основные психологические идеи, отраженные в «Изборнике», схематично представлены на рисунке 17.

Рис. 17. Основные психологические идеи в «Изборнике 1076 г.»

В XI в. был составлен византийский сборник изречений, поговорок, цитат и притч – «Мелисса» («Пчела»), который был частично переведен на Руси в конце XII в. Вплоть до XVIII в. он пользовался признанием на Руси, часто переписывался, дополнялся, переосмысливался в соответствии с условиями русской жизни, породив множество паремий, вошедших в жизнь наших предков.

В «*Пчеле*» психологические воззрения находятся в центре внимания. Ряд входящих в состав «Пчелы» статей посвящен психологическим вопросам: «Слово о душе», «Слово о мудрости», «Слово о памяти», «Слово о вольном и невольном», «Слово о ярости и гневе» и др.

Размышляя о «Душе», автор «Пчелы» использовал представление о нескончаемой борьбе в человеке двух начал – духовного и телесного. При этом, сдерживая, усмиряя потребности тела, человек возвышал свою душу, и наоборот. Развитие психики автор «Пчелы» объясняет взаимодействием двух детерминант: природных данных, действующих с объективной закономерностью (созревание организма, возрастной фактор), и

целенаправленной человеческой деятельности (обучение, учение, чтение книг, активность самой личности).

В «Пчеле» анализируется вопрос о человеческой памяти, ее детерминантах. Приводятся наблюдения относительно возрастных свойств памяти. Дети и старики, утверждается в «Пчеле» – «равно непамятивы сути»: первые – по той причине, что они только растут, а вторые – потому, что они уже дряхлеют и теряют свои умственные силы.

Ум оценивается как главная, высшая способность души, связанная с умением предвидеть результат предпринимаемых действий (опережающее отражение). Ум не есть «многомолвие», многоречивость. Автор «Пчелы» порицает тех, у кого язык идет впереди ума, и советует сначала подумать, взвесить свои слова, а потом уже их произнести. Разум противопоставляется чувству, страсти: разум – светлое, страсти – темное начало в человеке, они действуют в противовес друг другу. Так, подвергаясь страсти, человек «отходит от ума», перестает руководствоваться им в своем поведении, поэтому человек должен остерегаться свой ум от подчинения его страстью, изгонять от себя мысли о том, что может увлечь на путь страстного поведения: «Не будьте детьми умом, на злое же будьте как младенцы, а по уму как зрелые люди» [253, с. 489].

Размышляя о моральном поведении человека, автор «Пчелы» отмечал, что поступки необходимо оценивать не по объективным результатам, а по мотивам, лежащим в их основе. Не являются нравственными поступки, которые детерминированы гневом, лестью, неосознанностью. Поэтому, отмечает автор «Пчелы», в своем поведении необходимо руководствоваться не мимолетными желаниями, а сознанием долга: «знаком мужской добродетели бывает не дел начинанье, но их завершенье... Следует нам завершение дела сперва рассмотрев, лишь тогда начинать его» [там же].

Проблемы социальной психологии мы находим в разделах «О братской любви и о дружбе», «О власти и о правлении», «О почитании родителей»: «Человек справедливый не тот, кто не обидит, а который мог бы обидеть, и не

захотел... Если всегда о приятном беседовать с другом, то удовольствие наконец во вражду обратится... Все, что велишь подчиненным своим – как быть и что делать, – сначала выполни сам, потом уже учи. Тем самым ты лучше научишь, чем наказаньем согласно закону: там ведь идет подражанье, здесь страх, а лучше всегда с подражаньем, чем со страхом идти к совершенствованию... Таким будь для родителей своих, какими хотел бы видеть детей своих» [там же, с. 495–505].

Говоря о возрастных изменениях человека, автор «Пчелы» приводит аналогию с четырьмя временами года, указывает на возрастные особенности интеллектуальной деятельности. Помимо возрастного фактора, решающее значение для умственного развития человека придавалось учению, знаниям. Отмечается, что осознание, признание собственного невежества – это первое и необходимое условие совершенствования ума. Нельзя удовлетвориться умом, данным от природы; душе требуется учение. Особенное одобрение у автора произведения вызывают юноши, которые учатся философии и стремятся овладеть мудростью. Они сравниваются в «Пчеле» с пчелами, которые летают по травам и деревьям и отовсюду «лучшее собирают». Учение всегда дается нелегко, но затраченные на него усилия в дальнейшем обязательно возмещаются, или, как сказал Демокрит, цитируемый в «Пчеле», «корень учения горек, а плод его сладок». Также подчеркивается, что для успеха учения не менее важны прилежание, терпение, волевые усилия, чем природные дарования. Это поясняется на примере некоего «философа», который имел двух учеников – «единого тупа, но книголюбца, а другого хитра, но ленива». После тщетных попыток научить их он обоих прогнал от себя, сказав им, что один хочет учиться, но не может в силу природных данных, а другой имеет способности к учению, но не имеет желаний. О значении учения в «Пчеле» сказано: «Земледельцы, видя колосья, к земле склоняющиеся, радуются, зная, что наполнены зернами; если же колосья прямо стоят, тревожатся земледельцы, зная, что пусты они. Так же и юноши, тягости от отсутствия знаний не ощущая,

живут в колебание, и даже походка и лица их заносчивы, и вражды исполнены, и никого не щадят они. Начав же осматриваться и плоды собирать от учения, от суровых попреков они избавляются. Как сосуд пустой, воздухом наполненный, наливаясь водою или вином, или иным чем наполняясь, воздух изгоняет, так же и люди, исполнившись истинного блага, изгоняют тщеславие» [там же, с. 501].

В «Пчеле» рассмотрены такие отрицательные качества личности, как лесть, корыстолюбие, чрезмерное любопытство, беззаботность, дерзость, тщеславие, болтливость, зависть, себялюбие, и положительные: трудолюбие, смирение, беззлобие, незлопамятность.

Древнерусские авторы в своих сочинениях часто пользовались материалом «Пчелы», приводя из нее афоризмы и изречения. Позднее уже «Пчела» пополнялась изречениями и пословицами, заимствованными из оригинальных произведений древней русской литературы (например, из «Моления Даниила Заточника»), а также устными пословицами, а отдельные изречения из нее переходили в пословицы.

Основные психологические идеи, отраженные в «Пчеле», схематично представлены на рисунке 18.

Рис. 18. Основные психологические идеи в «Пчеле»

Заслуживает внимания по своему содержанию с точки зрения истории психологии *«Кирилло-Белозерский сборник» (XV в.)*, который содержит в себе не только выдержки из «Палеи Толковой», «Диоптры», «Шестоднева», «Пчелы», но и статьи русского происхождения. Как отмечает Г.М. Прохоров, этот сборник выделяется энциклопедической широтой содержания [292].

В статье сборника под названием *«Александрово»* рассматривается внутриутробное развитие человека. В статье *«Галиново на Ипократа»* изложена теория Гиппократа о темпераментах; дается характеристика четырех возрастов – отроческого, юношеского, зрелого и старческого. Смена этих возрастов сравнивается с временами года. Так, в период полового созревания у человека бурно играет кровь с ее неотъемлемыми свойствами – влажностью и теплом: этими же свойствами отличается весна. В юношеском возрасте «умножается желчь», отсюда юношескому возрасту свойственны тепло и сухость, то есть те качества, какие присущи лету. Черная желчь умножается в период возмужалости, поэтому в зрелом возрасте характерна сухость, соединенная с прохладностью (качество, характеризующее осень). К концу жизни, в старости, «умножается флегма, сиречь мокрота, яко же и в зиме», поэтому старческому возрасту свойственны холод и сырость (как и зимним месяцам года). Психологические особенности каждого возрастного периода детерминированы теми же естественными причинами, что и возрастные изменения в целом. Так, подростку («отроку») свойственны высокая подвижность, обостренная эмоциональность, любознательность. Все это происходит естественным образом, от преобладания «крови» в организме. Молодые люди быстры в своих решениях и действиях и воинственны, раздражительны. В этих качествах находит свое проявление характерный для юношеского возраста избыток «желчи» в теле. В зрелом возрасте люди склонны к благоразумию, взвешенности, самообладанию, рассудительности, что связано с преобладанием «черной желчи» в организме. Для старых людей в результате преобладания «мокроты» в их теле характерна слабость сил, медлительность в движениях и

действиях, склонность к печальным переживаниям и ухудшение памяти. Подчеркнем, что психологическая характеристика возрастов, представленная в Кирилло-Белозерском сборнике, охватывает практически все стороны психической деятельности человека: интеллектуальную, эмоциональную, волевую, поведенческую.

Одна из статей сборника «*О главных знаменьях*» посвящена описанию человека как высшего творения (стремление к самоактуализации). Человек есть «знамение» той сущности, которую вложил Бог в сотворенный им мир и человека. В статье рассмотрено значение пяти органов чувств, их функции. Органы чувств (воспринимающие аппараты) связаны с разумной частью души – мозгом. Благодаря этой связи осуществляется процесс познания внешнего мира.

В статье «*Слово о женах добрых и злых*» (эта тема освещалась во многих древнерусских рукописных сборниках: «Изборник Святослава 1073 г.», «Златоструй», «Измарагд», позже в «Домострое») предложена типизация женских характеров, их сущность: «Добрая жена мужа своего любит и потекает ему во всем, а злая жена мужа своего по хребту бьет немилостиво. А добрая жена в очи и уста целует своего мужа, а злая жена сажей чернит и помелом забрызгивает, чтоб ослеп муж. А добрая жена своему мужу волосы гребнем расчесывает и милует его; а злая жена по рту и по зубам палкой бьет и кормит скверной пищей не на живот, а на смерть. А добрая жена по чреву ласкает, как истинная горлица, любвеобильная ласточка; а злая жена по рукам и по тайным членам ножом колет насмерть. А добрая жена по ногам гладит и пищей хорошей кормит его, мужа своего милого; а злая жена по голени топором сечет своего мужа. А добрая жена по рукам мужа своими руками проводит искренне и любовно; а злая жена по рукам и ногам коромыслом бьет. А добрая жена, за шею обнимая, целует любезно и радостно; а злая жена шею веревкой давит, желая смерти мужа своего, злострастница! А добрая жена, братья и друзья, по истине мужу своему предана нельстиво и правдиво, в доме своем добра желает

и детям и внукам своим! Злая жена для души – буря, а телу – чахотка, мятеж – уму, рукам – мозоли, глазам – дым и языку – горечь. Лучше чашу полыни испить, но со злой женой и меду не отвеждать... Злая жена мужу за грехи дается» [341, с. 310–314].

Как видим, вопросы взаимоотношения супругов являлись предметом обсуждения в средневековой Руси. Были определены механизмы благоприятных и неблагоприятных супружеских взаимоотношений и нравственные ориентиры, способствующие формированию благоприятной семейной атмосферы. Немаловажное значение имеет и воспитательная функция этого произведения, рассчитанного для домашнего чтения.

Следует отметить, что в Кирилло-Белозерском сборнике прослеживается стремление объяснить психологические явления не столько с позиции религиозных представлений, сколько с позиции естественнонаучного подхода, предполагающего использовать опыт и наблюдение как средство познания действительности.

Основные психологические идеи, отраженные в «Кирилло-Белозерском сборнике», схематично представлены на рисунке 19.

Рис. 19. Основные психологические идеи в Кирилло-Белозерском сборнике

Многие психологические идеи, обозначенные выше, представлены в произведении *«Тайная тайных» (конец XV– начало XVI вв.)*. Этот обширный труд энциклопедически-поучительного характера был популярным в средневековой Руси (написан Аристотелем для Александра Македонского под названием «Аристотелевы врата»). Наиболее подробно в нем описано учение о жидкостях тела, о связи между строением тела и психическим складом человека.

Представления о сущности души, о взаимодействии души и тела полностью укладываются в традиционную схему: душа бессмертна, «настоящее приобретение – купить душу, потому что за ней идет тело» [254, с. 537]. «Ум – верх всякого понимания, с его помощью спасется душа и познается тайна» [там же, с. 543].

В учении о четырех жидкостях говорится не только о преобладании одной из них в теле человека, но и об огромном количестве взаимодействий этих жидкостей, что приводит к большому разнообразию человеческих характеров. В разделе «Ворота первые. О науке физиогномике» указано на то, что некоторые особенности телесной организации являются отражением определенных умственных и моральных качеств человека: «Характеры различаются в зависимости от рождения, а природа человеческая в зависимости от ее состава. Белизна чрезмерная в сочетании с глазами голубыми – признак бесстыдства, коварства, и похотливости, и легкомыслия... В глазах есть свои приметы – по ним ты не можешь ошибиться и узнаешь доброту и гнев каждого человека... У кого глаза большие и вылезли из орбит – тот завистлив, и ленив, и бесстыден, и лжив... У кого глаза средние, и неглубоко посажены, и сумистые или черные – тот расторопный и разумный, дружелюбный. У кого глаза как будто осокой прорезаны – тот обманщик. У кого они будут похожи на глаза животных, и останутся как стрелы, и малоподвижные, и подслеповатые – тот глуп и груб по природе. У кого глаза быстро бегают – тот лживый и хитрый обманщик; а если к тому же они будут больными – тот выносливый и не щадит

жизни своей. У кого глаза точки – тот скрытен и знает много» [254, с. 543]. В произведении прослеживается попытка познать внутренний мир человека через внешние данные: волосы, брови, ноздри, лоб, рот, зубы, лицо, уши, голос, шея, живот и грудь, плечи, спина [там же, с. 587–589]. Приводится описание «хорошей натуры»: «Тело мягкое и нежное, среднее между тонким и толстым, между длинным и коротким; белый и румяный или смуглый; тонок лицом; волосы средние между прямыми и завивающимися; русые волосы; с ровной и правильной формой головы, прямой шеей, с худыми плечами, не толст в животе и бедрах; голос его чистый, не сиплый, средний между низким и высоким; ладони его прямые, пальцы его длинные, скорее тонкие; слова его немногочисленны, но весьма вески; он мало смеется, лишь в подходящее время; в природе его преобладает желчь черная и красная; а взгляд его весел» [там же, с. 591].

В произведении отражены воззрения психологии управления: какими качествами должен обладать царь, как должен вести себя с подчиненными, что такое власть. Описываются мотивы управленческой деятельности, определяющие ее результат: «К власти следует стремиться не ради ее самой, но ради славы... А если цари будут искать славу в последнюю очередь, то родится зависть, а зависть рождает ложь, а ложь рождает заблуждение, оно же клевету. А это породит ненависть, а ненависть породит несправедливость, а она породит насилие, а насилие породит вражду, а та породит распри, а распри породят войну, а война нарушит закон и опустошит вселенную. Так изменится природа, и родится злой хаос с гибелью всего доброго, который, поскольку он злой, приходит с неба только в результате поступков наших. Если же пересилит разум страсть к распрям, то родится из него верность, а та породит покорность, а из нее родится боязнь, а из-за боязни справедливость, а вот из нее единство, а оно породит честь, а честь породит привязанность, а привязанность породит готовность отдать жизнь за других, а этим усиливается царство и закон» [там же, с. 543].

Основные психологические идеи, отраженные в «Тайная Тайных», схематично представлены на рисунке 19.

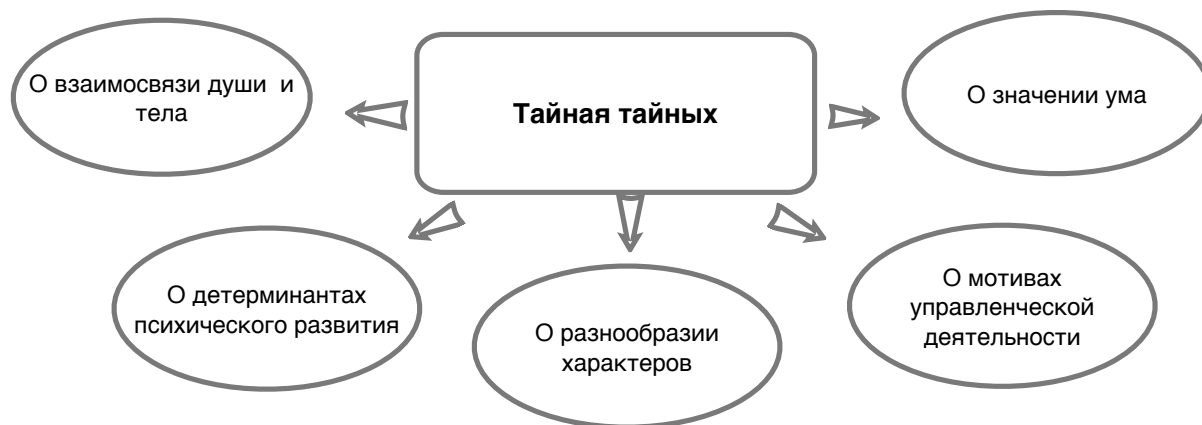

Рис. 19. Основные психологические идеи в произведении «Тайная тайных»

Итак, в сборниках-хрестоматиях средневековой Руси представлены разные психологические воззрения: взаимосвязь души и тела, характеристика интеллектуальных, волевых и эмоциональных процессов, детерминанты психического развития, характеристика возрастных особенностей человека и др.

3. Агиобиографические произведения

В период русского средневековья вопросы детерминации поведения человека, идея духовно-нравственного развития представлены и в *житийной литературе*.

Из литературы, предназначавшейся для чтения, житийная, или агиобиографическая¹, (от греческого – святой, букв. святожизнеописание)

¹Термин «агиобиография» вышел из употребления в начале XIX века, сменившись родовым обозначением «агиография»

литература в русский средневековый период пользовалась наибольшей распространенностью. Житийный жанр был одним из основных. Главная задача жития – назидательная: жизнь и подвиги святого, совершаемые им в подражании Христу, в свою очередь, также рассматриваются как пример для подражания, как образец христианского поведения, а страдания и испытания святого – как знак его духовного развития.

Житие относится к каноническим жанрам восточнославянской книжности. Агиографические тексты как богослужебные произведения зарождались в христианской церкви. Образы героев житий строились по традиционной парадигме положительных качеств, создавался идеализированный образ. Д.С. Лихачев считал причиной узости канонических рамок жития возникновение «абстрактного психологизма», актуализирующего проблему внутреннего состояния героя. Средневековые писатели стремились к поиску общего, абсолютного и вечного в частном, конкретном и временном; невещественного в вещественном [202]. Н.К. Гудзий отмечает: «Агиография ставила себе целью не достоверное изложение событий, а поучительное воздействие» [86, с. 36]. В житиях проявляется обращение к психологии героев, прояснение мотивов их поступков.

Житийная литература была широко распространена в Древней Руси. Через прославления святого, истории его жизни жития предлагали человеку прочные нравственные ориентиры, образец подвижничества. Первые жития были переведены на славянский язык с греческого, в Древней Руси появились сразу после принятия христианства.

О распространении и читаемости житийной литературы свидетельствует огромное число списков отдельных житий, сохранившихся до наших дней. Нами рассмотрены следующие произведения житийной литературы XI – XVII вв.: «Житие святого равноапостольного великого князя Владимира», «Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Авраамия Смоленского», «Житие Феодосия Печерского», «Житие Александра Невского», «Житие Сергия Радонежского»,

«Житие Кирилла Белозерского», «Житие Зосимы и Савватия Соловецких», «Житие митрополита Филиппа», «Житие царевича Дмитрия Угличского», «Житие протопопа Аввакума», «Житие святых праведных жен Марфы и Марии», «Житие боярыни Морозовой». В этих произведениях отражены нравственные проблемы, связанные с противоречием души и плоти, преодолением искушений, стремлением к покаянию.

В литературоведении используется понятие «портрет», под которым подразумевается описание наружности персонажа: «телесных, природных и, в частности, возрастных свойств (черты лица, фигуры, цвет волос), а также всего того в облике человека, что сформировано социальной средой, культурной традицией, индивидуальной инициативой», – подчеркивает В.Е. Хализев [392, с. 181].

В житии, как правило, словесное описание внешности (портрет) святого не дается, так как житийный жанр подчиняется своим канонам. Образ святого создается путем его жизнеописания, в результате возникает обобщенный образ, для которого не важны внешние данные. Обычно о святом в житие говорится, что он кроток, благочестив, трудолюбив, непреклонен в умерщвлении плоти, исполнен милосердия и т. д. Однако в некоторых житиях портрет святого является одним из средств создания образа: «лепа лицом», «лицем светел», «в воинстем чине красен», «юна леты», «юношеских лет сый» «возрастом велик зело», «леты стар», «телом крепок и мужествен», «целомудрием украшен» и пр., и в этом случае эти образы, портреты типизированы. Чтобы подчеркнуть индивидуальность образа, используется описание одеяния святого или описания волос. Психологическая характеристика святого очерчивается через его размышления, монологи, раскрывающие душевное состояние.

Мотив «чудесного» рождения является одним из неперенных элементов житийного жанра. Как подчеркивает духовный писатель XV в. Епифаний Премудрый, «многих святых зачатие и рождение откровением божественным

как-то было отмечено» [256, с. 275]. Отсюда следует, что судьба человека предопределена изначально.

Другим необходимым канонем житийного жанра является обязательное упоминание о «благочестивых родителях» подвижника. Обычно житие святого начинается с краткого упоминания о его родителях («от благоверну родителю и благочистиву», «благородну и благочистиву», «велику и славну»). Редко святой происходил от родителей нечестивых, и этим подчеркивалось, что, несмотря на неблагоприятные условия воспитания, человек все же становился благочестивым. Таким образом, подчеркивается значение генетических факторов, играющих важную роль в детерминации развития личности.

Затем описывается детство будущего святого. Как правило, он отличается скромностью, послушанием, прилежанием к книжному делу. Особое внимание в древнерусских житиях уделяется отроческим годам будущих святых. Юный герой наделяется при этом особыми эпитетами: «смиранный», «кроткий», «божественный». В его духовном облике подчеркивается два главных качества – «смирение» и «кротость», являющиеся безусловными христианскими добродетелями: «отличался он смирением и необыкновенною кротостью» [256, с. 345], «был он полон кротости большой и великого истинного смирения» [там же, с. 321]. Часто именно с юности начиналась подвижническая жизнь святого, она сопровождалась аскетическим умерщвлением плоти и борьбой со всяческими страстями. Нередко святого преследуют бесы, в которых воплощаются греховные соблазны (борьба мотивов), но молитвой, постом и воздержанием святой одолевает дьявольское наваждение, вступая в общение с небесными силами. Кончина святого, как правило, мирная и тихая. Тело после его смерти издает благоухание, у гроба происходят чудесные исцеления. Заканчивается житие обычно похвалой святому.

В жизнеописаниях святых, мучеников, угодников содержатся примеры и образы, каким должен быть человек. Первые жития, посвященные русским святым, характеризуются местным колоритом, их отличает стремление к более

подробному изложению реальной жизни своего героя, психологизму, убедительной доказательности изложения. Например, в «Житии преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерскаго», характеризуя мать Феодосия, автор жития Нестер не ограничивается указанием на ее благочестие, а описывает непростой нрав.

Основная мысль житийных произведений заключалась в том, что при любых жизненных обстоятельствах (искушение, проблема) человеку всегда необходимо помнить о главных духовных принципах, иметь нелицемерную, искреннюю любовь к Богу и ближним, благодушие, радость непорочной совести, мир и душевный покой после победы над страстями, долготерпение в скорбях и напастях, благость в покорности ко всему, милосердие и сострадание к бедным, глубокую веру через выполнение заповедей, кротость, незлобие [123].

В XI – XII вв. на Руси были известны переводные жития Николая Чудотворца, Антония Великого, Иоанна Златоуста, Саввы Освященного, Василия Нового, Андрея Юродивого, Алексея человека божия, но уже в это время появляются русские оригинальные жития: «Житие Феодосия Печерского», «Житие Бориса и Глеба», «Житие Авраамия Смоленского», «Житие Александра Невского» и др.

Ярослав Мудрый энергично добивался у византийской церкви канонизации нескольких выдающихся русских деятелей, в том числе своей прабабки Ольги, но особенно настойчиво – своих братьев Бориса и Глеба. Канонизация состоялась через шесть лет после их смерти. С памятью Бориса и Глеба связано наибольшее количество житийных произведений. Автор жития Нестер изобразил психологическое состояние братьев перед грозящей им смертью, их внутреннюю борьбу между страхом и отчаянием и верой в небесную награду. В житии подчеркивался закон обязательного покорения младших князей старшим. В произведении отражены социально-психологические идеи о смысле жизни, проблемы борьбы добра и зла, свободы

воли, взаимоотношений. Особенно ярко это показано в житии о князе Владимире: прослеживается идея, что направленность личности, система ценностей выступает как системообразующее свойство личности, определяющее ее психологический склад. В житии подчеркивается идея о сложности человеческой души. До принятия христианства Владимир проявляет такие личностные качества, как жестокость, злопамятность, он братоубийца, наделен множеством пороков. После принятия христианства Владимир – признанный народом князь («Владимир – Красное солнышко»), проявляет такие качества, как благородность, мудрость, великодушие.

Житие Александра Невского начинается, как и все агиографические произведения, с повествования о рождении и родителях Александра: «Родился от отца милостилубца и мужелюбца, пче же и кротка (милосердного и человеколюбивого, и более всего кроткого)» (идея о влиянии наследственного фактора). В произведении дан портрет успешного руководителя, мудрость и мужество которого позволили одержать победу Руси в борьбе с немецко-шведскими захватчиками. Подчеркиваются «церковные добродетели» Александра: «князь благ (хороший) в странах – тих, уветлив (приветлив), съмерен (кроток), – по образу божию есть». Описываются взаимосвязь внутренних и внешних качеств, особенности характера. Как полководец он страшен и беспощаден (его именем пугали детей), как правитель – мудр, милостив, добр, «сирот и вдов по правде судит». Таким образом, в житии предлагается эталонный образ русских князей, зарождаются идеи индивидуально-психологического и социально-психологического направлений.

Агиографические произведения получили в дальнейшем широкое распространение в средневековой Руси. К наиболее известным агиографическим произведениям XIV – XVI вв. относятся: «Житие Сергия Радонежского», «Житие Кирилла Белозерского», «Житие Зосимы и Савватия Соловецких», «Житие митрополита Филиппа», «Повесть о Петре и Февронии»;

XVII в.: «Житие царевича Димитрия Угличского», «Житие протопопа Аввакума», «Житие боярыни Морозовой» и др.

Примером доминирования «внутреннего» начала в человеке можно назвать *«Житие Сергия Радонежского»*, созданного его учеником Епифанием Премудрым спустя 26 лет после смерти святого. Автор видит Божественное предопределение будущей судьбы: он описывает поведение младенца в утробе матери во время церковной службы. Сергей получил дар грамоты от Бога. В житии подчеркивается, что человеческий разум это свойство души, которое каждый получает от Бога как благодать: «господь дал ему память и разумение, и отрок стал легко усваивать книжную мудрость». Сила человеческого разума измерялась силой божественной благодати (идея детерминации психического развития). В произведении отмечаются индивидуально-психологические особенности: был скромн, тих и молчалив, со всеми был кроток и ласков, никогда не раздражался и обнаруживал совершенное повиновение родителям [123].

В житии подчеркивается, что терпение и молитвы помогают преодолевать «дьявольские напасти», самосовершенствоваться. Сергей Радонежский был примером строжайшего воздержания, глубочайшего смирения, положил начало русскому исихазму (об исихазме подробно будет сказано в § 4.3).

Далее в житие отмечается, что Митрополит Алексей поручил преподобному Сергию примирить враждовавших князей. Сергей Радонежский выступает общепризнанным духовным значимым лицом как для простых людей, так и для князей. Согласно тексту жития, Сергей Радонежский не раз в наиболее драматические этапы истории помогал князьям услышать друг друга, убеждал прекратить их кровопролитные усобицы, взаимодействовать. Сергей Радонежский обладал даром слова, убеждения. В житии приводятся факты исцеления больных людей, изгнания бесов, что позволяет заключить о

зарождении психотерапевтического направления, использовании методов психологического воздействия (подробнее об этом сказано в § 4.3).

В период русского средневековья в рамках развития житийного жанра были созданы повествования об антигероях, злодеях, врагах Руси. Если положительный герой рожден от благочестивых родителей, то отрицательный герой всегда происходит от «гнилого корня». Полюсные характеристики житийных героев подмечены В.О. Ключевским. Для положительного героя характерны: благое рождение, боголюбие, милосердие, смирение, нищелюбие, доброта, красота внутренняя, чудеса, посмертное благоухание; он «свой» (знаем людьми); подобен Богу. Для антигероя: подлое рождение, безбожие, немилостливость, гордыня, ярость, алчность, злоба, уродство, злодеяния, смрад от могилы; он «чужой»; одержим дьяволом [167]. Как видим, проблема детерминации развития личности нашла отражение в агиографической литературе русского средневековья.

«Житие святых праведных жен Марфы и Марии» – Евангельская история о том, как Иисус пришел в дом к двум сестрам и стал проповедовать Евангелие. Мария все время находилась у ног Спасителя и слушала его учение, забыв об обязанностях хозяйки. Марфа занимаясь приготовлением угощения для особого почтенного гостя, возмутилась: «Господи! Или тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мне». Господь сказал в ответ: «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно». В этой истории указано на наличие двух составляющих человеческой души: деятельная часть и созерцательная, которые могут находиться в конфликте. Часто человек поглощён житейскими заботами, суета отодвигает на задний план мысли о смысле жизни, о человеческом предназначении. Основная идея этого произведения – в характере человека эти два качества (деятельное и духовное) должны сочетаться: нельзя быть бездеятельным и податливым, но и нельзя быть слишком суетливым и

многозаботливым, необходимо стремиться к внутренней гармонии, духовному самосовершенствованию.

В XVI в. в житиях можно наблюдать попытки более глубокого осмысления психологического состояния житийного персонажа и проникновения в мир его чувств и настроений. Например, как отмечает А.И. Мазулин, плач героини в *«Житии боярыни Морозовой»* – это не излияние скорби «вообще», а плач совершенно конкретного лица. «Плач Морозовой придает суровому и непреклонному образу “исповедницы” теплоту и человечность, делает близкими и понятными простому читателю, особенно читательнице, переживания житийного персонажа» [214, с. 346].

Из текста жития мы узнаем, что Аввакум являлся ее духовным наставником, использовал слово как средство психотерапевтического воздействия на Морозову. Аввакум учил Морозову не поддаваться соблазнам, ругал за скупость, поддерживал в горе. В произведении подчеркивается идея нравственности, смысла жизни, свободы воли, силы веры и духа. Показано, что быт брэнного человека, его земные страсти – это прах, суета.

Таким образом, житие можно рассматривать как первый опыт законченного психологического портрета в литературе русского средневековья. В житиях не дается полная биография, берутся только яркие, важные факты, которые способствуют достижению цели. Житие учит праведной жизни, дает прочные нравственные ориентиры в окружающем мире, учит различать истинность и ложность, добро и зло, праведность и грех. Жития – это образец мудрости, благородства, милосердия, смирения.

Основные психологические идеи, отраженные в агиографической литературе, схематично представлены на рисунке 21.

Рис. 21. Основные психологические идеи в агиографической литературе русского средневековья

Значительное влияние агиография оказала на формирование других жанров литературы: повести, сказания, поучения и т. п. В повестях, поучениях были прописаны моральные ценности, оценочные суждения, нравственные нормы поведения, «внутренний человек», его душа являлись первостепенными, сверхзначимыми. Например, в *«Повести о Марфе и Марии»* [282, с. 165–177] (другой сюжет) также отражена идея о духовно-нравственном бытии человека. Встреча двух сестер после долгой разлуки демонстрирует их удивительные человеческие качества родственной привязанности. Обе сестры смиренны, послушны своим мужьям, любят окружающих их людей, с любовью говорят о зятях, которые были причиной их разлуки и бед. При всей своей наивности сестры мудры, они проявляют гармонию внутреннего мира с внешним. Оплакивая кончину мужей, они сокрушаются о том, что те не примирились друг с другом. Сестры – это антипод мужьям (смирение и благородство против гордыни). Подводя итог спору мужей о том, кому первому быть (богатому, но не знатному, или бедному, но родовитому), автор указывает, что «высокомерие в людях мерзость есть перед Богом».

В русских литературных произведениях средневековья просматривается четкое разделение грехов на душевные и телесные. К первым относили сквернословие, злые помыслы, ереси, злопамятство и т. п.; ко вторым – убийство, блуд, чародейство, лихоимание, пьянство, поклонение идолам и бесам и пр. «Христианская вера, долженствовавшая наполнять душу человеческую, должна была «просвечивать» сквозь телесную оболочку, сквозь плоть. А внешний облик, в свою очередь, должен был отражать внутреннее благочестие», – подчеркивает в своей работе Л.А. Чёрная [398, с. 221]. Идеал добросердечного, смиренного, чистого помыслами святого нашел отражение не только в житийной литературе, но и в древнерусской иконописи. Не случайно жанр жития называют «словесной иконой». Эту особенность мы еще раз подчеркнем в § 4.2 на примере «Повести о Петре и Февронии».

4. Произведения русских писателей

Бесспорный интерес вызывают *произведения*, содержащие психологические идеи, взгляды *русских авторов*: «Послание о посте и воздержании чувств киевского митрополита Никифора Вл. Мономаху» (1013); «Слово о Законе и Благодати» (между 1037–1050) митрополита Илариона; «Поучение» Вл. Мономаха (1100); «Повесть временных лет» (1116); «Послание, написанное Климентом митрополитом русским Фоме прозвитеру, истолковано Афанасием мнихом» (1147); «Притча о человеческой душе и теле» (до 1182) Кирилла Туровского; «Слово о полку Игореве» (XII); «Домострой» (XIV) царского духовника Сильвестра; «Повесть о горе и злочастии»; «Повесть о разорении Рязани Бытием»; «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

М.В. Соколов дал высокую оценку произведениям *русских писателей*, в частности о произведении «Послание киевского митрополита Никифора

Владимиру Мономаху» он писал: «Вот образец древнерусского произведения, где ставятся и “научно” решаются вопросы психологии. В этом произведении обращают на себя внимание и значительная сложность рассматриваемых в нем психологических понятий, и то, что эти понятия даны там не беспорядочно, а в определенной системе, и то, наконец, что для их выражения автор уверенно пользуется специальной психологической терминологией, которая, следовательно, уже в начале XII в. была принята на Руси» [347, с. 114].

В произведениях русских писателей в очередной раз утверждается двойственность человеческой природы. Рассматривается духовный аспект взаимодействия души и тела. Между душой и телом постоянно происходит упорная борьба. Душа имеет три части: ум, чувство и волю. Ум характеризуется как главная функция. Однако мудрость Божья ставится выше человеческого разума. В этих произведениях затрагивается проблема духовно-психологического развития личности: целью православного воспитания является сохранение целомудрия и формирование благоговейного чувства Божьего.

В перечисленных выше произведениях мы находим освещение вопросов социальной, возрастной проблематики с позиции психологии. Так, в произведении *«Послание о посте и воздержании чувств»* (1013 г.) митрополита **Никифора**, адресованном Владимиру Мономаху, есть часть, посвященная анализу вопросов социально-психологического характера. В Послании представлена антропоморфная модель государства: государство – это тело, подвластное разумной душе (князю). Осуществляет руководство государством («телом») князь («ум») при помощи служителей (подданных, слуг), дифференциация которых идентифицируется с деятельностью органов чувств (глазами, ушами, руками и т. д.). Государство должно функционировать как механизм на основе гармоничного взаимодействия четко выраженных систем: плотского и духовного начал. Актуальным для Никифора является вопрос о правителе. Никифор утверждает, что власть светская дана от Бога,

соотносит царство земное с Царством Небесным, указывает на необходимость симфонии светской и религиозной власти. Автор настойчиво отмечает, что выше княжеской власти есть власть Бога, гораздо более законная, беспристрастная, заслуженная, честная и милостивая. В качестве основных желательных характеристик взаимодействия князя и служащих митрополит выделяет «благость», «человеколюбие», «щедрость», «милости и отпущения», он предостерегает о том, что власть в грехе всегда характеризуется нечуткостью, грубостью, цинизмом, авторитаризмом («яростная мощь»), преодолеть которую могут лишь вера в Бога и пост.

В *«Слове о Законе и Благодати»* (между 1037–1050 гг.) митрополита **Илариона** мы находим идеи о детерминации психического развития и самосовершенствования: свободный сын может родиться только от свободной матери; человек с рабской психологией зависит от внешних законов, психологически свободный – от внутренних нравственных убеждений, основанных на православной вере.

В части *«Похвала князю Владимиру»* киевский митрополит Иларион создал желаемый образ князя как христианского правителя: «Ты правдою облачен, крепостью препоясан, истиною обвит, смыслом венчан, и милостынею, как ожерельем, обвит... Ты стал, о честная глава, нагим одеждой. Ты стал алчущим – кормитель ... ты стал вдовицам помощник. Ты стал странникам пристанищем. Ты стал бездомным – кровом. Ты стал обиженным заступником, бедным – обогащением... Помолись о земле своей и о людях, ими ты благоверно владычествовал» [110].

Таким образом, Никифор, Иларион разработали психологический тип христианского правителя, что позволяет говорить о зарождении социально-психологической области психологического познания в русский средневековый период. В их произведениях отражены основные требования к социальному поведению человека, имеющему власть над другими. Независимо от степени власти, она второстепенна на фоне ценности человеческой личности, его души,

хотя и часто обязывает действовать в установленных рамках, делать нелегкий выбор в решении разных проблем. Разум должен руководить правителем в его действиях. Разум формируется через общение с мудрейшими людьми своего времени и через изучение опыта прошлого. Князь обязан заботиться о государстве постоянно, так как малейшая леность, бездействие, праздность разлагает, разрушает его. К подданным князь обязан проявлять такие добродетели, как: надежда, человеколюбие, сострадание, неторопливость в наказаниях. Эти идеи отражены и в произведении XII в. «Повесть временных лет».

«Повесть временных лет» (около 1116 г.) занимает в истории русского общественного сознания особое место. Это не только древнейший летописный свод, повествующий о возникновении русского государства, но и произведение, в котором отражены ключевые психологические идеи и предметные области психологического познания. В «Повести временных лет» дается социально-психологическая характеристика восточно-славянских племен, описываются их нравы и обычаи: поляне имеют нрав тихий, кроткий, стыдливы, соблюдают брачный обычай; древляне имеют звериный нрав, убивали друг друга, браков не бывало, похищали девиц у воды; радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу как звери, ели все нечистое, срамословили, браков не было, устраивали игрища. Это позволяет заключить о зарождении в период русского средневековья этнопсихологических воззрений.

В «Повести временных лет» отражены индивидуально-психологические особенности князей, княгини Ольги, мотивы их поступков, идея личностного развития, духовного совершенствования. Например, описывая похороны князя Изяслава, автор «Повести временных лет» дает психологический портрет: «был он красивый видом и телом велик, незлоблив нравом, ложь ненавидел, любя правду. Хитрости не было в нем, ни обмана, но был он простодушен, не воздавал злом за зло» [260, с. 132]. В качестве основного механизма духовного совершенствования человека выступает любовь: любовь превыше всего,

пребывающий в любви – в Боге пребывает, а Бог в нем пребывает. В любви все совершается, в любви грехи исчезают [там же, с.133].

«Поучение» Владимира Мономаха (1117 г.) – пример морального наставления, созданного не богословом, а государственным деятелем. Это произведение нравственного характера. В своем сочинении Вл. Мономах использует материал «Шестоднева», что свидетельствует о его эрудиции. Вл. Мономах осознает человеческую «худость» перед божественным совершенствованием. В основе этого произведения находится «исповедь-самоотчет», – отмечал М.М. Бахтин [30, с.121]. Автор «Поучения» высказывает идею о личностном совершенствовании, нравственном и духовном самоопределении, призывая князей жить в мире, подчиняться старейшему, не притеснять младших, избегать ненужного кровопролития, быть радушным хозяином, не предаваться лени, не увлекаться властью, не полагаться на других, во все вникать самому. В своем произведении Мономах поднимает тему милости – немилости: милости Бога и немилости человека грешного. Грешный человек характеризуется ненавистью, мстительностью (мы люди грешные и смертные можем и зло сотворить, и кровь пролить). Обращаясь к детям как наставник, Вл. Мономах задает вопрос «Что есть человек?», пытается ответить на него, указывая, что человек должен жить по Священному Преданию, готовиться к смерти, поскольку каждый предстанет перед Страшным Судом («страх Божий имейте выше всего»).

В «Поучении» отражена ключевая, на наш взгляд, идея самоактуализации: «Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, “очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела”» [255, с. 397]. Обращаясь к юношам, он призывал: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседа, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не

хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты» [там же, с. 395–397].

Обратимся к еще одному произведению, содержащему психологические идеи – *«Послание, написанное Климентом, митрополитом русским, Фоме прозвитеру, истолковано Афанасием мнихом»* (1147 г.) **Климента Смолятича**, второго (после Илариона) митрополита на Руси. «Послание» – это единственное его произведение дошедшее до нас. Через него Климент учит, как подобает быть духовно возвышенным, духовно чистым: как животные, жующие жвачку, отрыгают пищу, так и людям подобает избавляться от грехов, помышляя о Божьих заповедях; подобно птицам, вознесенным к небу, человек должен возвышаться благими и разумными деяниями, а не оставаться приземленным. Птицы учат человека воздерживаться от лихоимства, не ходить во тьме – «не во тьме, но в свете», что значит – в правде. В «Послании» говорится и о иерархии мотивов, о внутренней борьбе добра и зла, о развитии в «плоти» целомудрия, а в душе – смирения. В сочинении образно описываются психические явления: самарянка – это душа, пять ее мужей – пять чувств, шестой ее муж – ум, колодец Иакова – запинатель по Иакове, сыновья Иакова – добрые деяния, стада же – благие помыслы [240, с. 103 – 126].

Таким образом, в сочинении Климента Смолятича отчетливо прослеживается идея о главенстве разума над эмоциональной, страстной стороной психики человека, идея о связи интеллекта с чувственным познанием и формированием личности.

В сочинении *«Притча о человеческой душе и о теле»* **Кирилла Туровского** (до 1182 г.), сюжет которого он позаимствовал из сборника кратких «житий святых», представлено дуалистическое понимание человеческой природы. Тело и душа взаимозависимы: тело, подобно «хромцу», само по себе бездеятельно, так как источником его деятельности является душа. Душа подобна «слепоу» нуждается в теле «хромце», дающем душе способность

ориентироваться в мире. Ум – порождение, свойство души. Ум может быть в неведении, тогда это погибель для души. Ум необходимо развивать путем чтения и овладения знаниями [252, с. 292–309].

«Слово о полку Игореве» – центральный памятник в изучении древнерусского периода (ни один памятник не был так подробно и всесторонне изучен). Этот памятник древнерусской литературы был найден в 1795 г. В 1812 г. единственная его рукопись сгорела во время московского пожара 1812 г.

«Слово о полку Игореве» – это памятник русской поэтической литературы XII в., созданный неизвестным автором, современником событий 1185 г. Это произведение, которое вышло из среды не духовно-религиозной и поэтому очень существенно отличается от других древнерусских произведений, так как в нем отражены языческие народные верования, представлены образцы устно-народной поэзии почти в неизменном виде: природные явления предупреждают русских воинов об опасности (солнечное затмение, кровавые зори, вой волков, лай лисиц, клекот орлов, земля гудит, реки мутно текут). Можно предположить, что в произведении отражена идея об интуиции как способности понимать происходящее вне сознательного контроля.

В «Слове о полку Игореве» отражены индивидуально-типологические особенности, детерминация поведения князей (Святослав – идеал мудрого, могучего правителя, призывающего к объединению русских князей; Игорь, с одной стороны, молодой тщеславный безрассудный князь, одолеваемый гордыней, стремящийся в одиночку осилить врага, с другой стороны – храбрый, благородный, мужественный воин; буй-тур Всеволод символизирует мужество, силу, надежность). В произведении высказывается идея о силе единства и взаимопомощи (один в поле не воин, поэтому необходимо забыть о распрях, прекратить усобицы), описаны эмоциональные переживания тревоги, тоски, горя, радости, нежности (раскаяние Игоря, плач Ярославны, радость народа по поводу возвращения Игоря), гендерные особенности (описаны характерные черты русского воина; изображен героический характер русских женщин,

олицетворяющих идею мира, домашнего очага, добра, любви, нежности, сострадания).

На психологизм произведения указывал еще Д.С. Лихачев, подчеркивая, что в «Слове о полку Игореве» соединяются «идеи-эмоции», «идеи-чувства», «идеи-образы».

Необходимо обратить внимание на произведение середины XVI в. – **«Домострой» царского духовника Сильвестра**. Сильвестр переработал изначальный текст в духе реформ Ивана Грозного и добавил назидательное поучение в форме обращения к своему сыну Анфиму. «Домострой» Сильвестра состоит из трех глав, которые представляют собой своеобразную классификацию основных проблем бытия человека. Это главы, включающие «духовное строение», то есть о почитании веры (главы 1–15), главы о «мирском строении», то есть об устройстве семейной жизни (главы 16–29), о «домовом строении», то есть о ведении хозяйства (главы 30–36). Автор «Домостроя» не только апеллирует к житейской мудрости, но и ссылается на такие известные книги, как «Измарагд» и «Златоуст». В «Домострой» Сильвестра включены русские, византийские, польские рекомендации делового и хозяйственного характера, сочинения, обучающие благопристойному поведению в государстве, обществе, семье, воспитанию и образованию членов семьи.

«Домострой» – своеобразная энциклопедия семейного воспитания. В первой главе этого произведения «Наказания отца сыну» перечисляются основные характеристики христианина. Отец должен научить сына базовым принципам благочиния, выстроенные в иерархическом порядке: вера в Бога => преклонение перед правителем => уважение детей к родителям и старшим. Отдельная статья посвящена отношению к «отцам духовным», подчеркивается значимость духовника в жизни общества, как «учителя и наставника». В произведении прописаны наставления, посвященные чинному поведению жен. Муж должен выступать наставителем своей жены, которая «вопрошает у него о

«всяком благочинии», а он, соразмерно, вразумляет ее любовью и «благоразсудным» наказанием [105, с. 105].

Подчеркивалась сильная власть отца и нравственный авторитет матери. Служение отцу и матери уподоблялось служению Богу; оскорбить их, значит оскорбить самого Бога. В главах 15, 16, 17 («Како детей своих воспитати во всяком наказании, и в страхе Божий», «Како чад воспитати, с неделком замуж выдати», «Како дети учити и страхом спасати») сосредоточены советы, как воспитывать детей. Детей, по «Домострою», нужно воспитывать в страхе Божьем и в «благоразумном учении всякому разуму и вежеству и промыслу и рукоделию» [там же, с. 96]. Причем обучение «вежеству и вякому благочинию – и по времени и детям смотря и по возрасту» [там же], то есть с учетом возрастных особенностей детей, а также их задатков и способностей.

В XVI в. подобных руководств, как вести себя в обществе и семье, было несколько. Например, *«Повесть о горе и злочастии»* – произведение, которое возникло на стыке фольклорных и книжных традиций. В повести родители наставляют свое чадо, просят, чтобы помнил родительские заветы, умные и мудрые пословицы, чтобы опасался льстивых людей, называющих себя «надежным другом», «названным братом».

Но герой повести отверг судьбу родовую и выбрал судьбу индивидуальную, совершая грехи («преступление вином», предательство невесты). В повести подчеркивается, что молодец сам избрал свою судьбу – злую долю, которая предстает в образе Гора. Горе-Злочастие – это внутренний двойник молодца, искуститель. Герой повести не имеет над ним власти, наоборот, находится под его воздействием: «...а Злочастие над молодцем насмеялось: быть тебе, травонка, посеченной, лежать тебе, травонка, посеченной». В повести изложена психология нравственно бесшабашных людей. Однако герой повести – человек раздвоенный, часто страдающий от собственного падения. Единственный выход из сложившейся ситуации – это

уход молодца в монастырь, «...а горе у святых ворот остается, к молодцу впредь не привяжетца!», – восклицает автор произведения [107, с. 327–340].

Ключевая мысль этого произведения в том, что жизненный путь человека определяется не только промыслом Божиим, но и свободной волей самого человека, который должен стремиться к духовно-нравственному росту.

К началу XVI в. на Руси появляется внебогослужебная лирика – так называемые «Стихи покаянные, слезны и умиленны, чтоб душа пришла к покаянию» [141, с. 309]. Это свидетельствует о стремлении русского человека к борьбе со своими страстями, к внутреннему изменению, связанному с самосовершенствованием.

Особо отметим автобиографичное нерелигиозное произведение **Афанасия Никитина** *«Хождение за три моря»*. Это произведение в форме путевых записей, сделанных купцом из Твери в Индийское государство (он посетил Кавказ, Персию, Индию, Крым), оказалось в Москве у правительственного чиновника Василия Мамырева в 1475 г. В произведении, передавая свои душевные переживания, раскрывая свой внутренний мир, автор затрагивает проблемы социально-психологического характера: взаимоотношения между людьми, проявление своеобразных местных обычаев, психологию других народов («а разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся»; «а чужестранцев во дворец не пускают»), что позволяет говорить о зачатках этнопсихологической области психологического познания.

Основные психологические воззрения, отраженные в произведениях русских писателей средневекового периода, схематично представлены на рисунке 22.

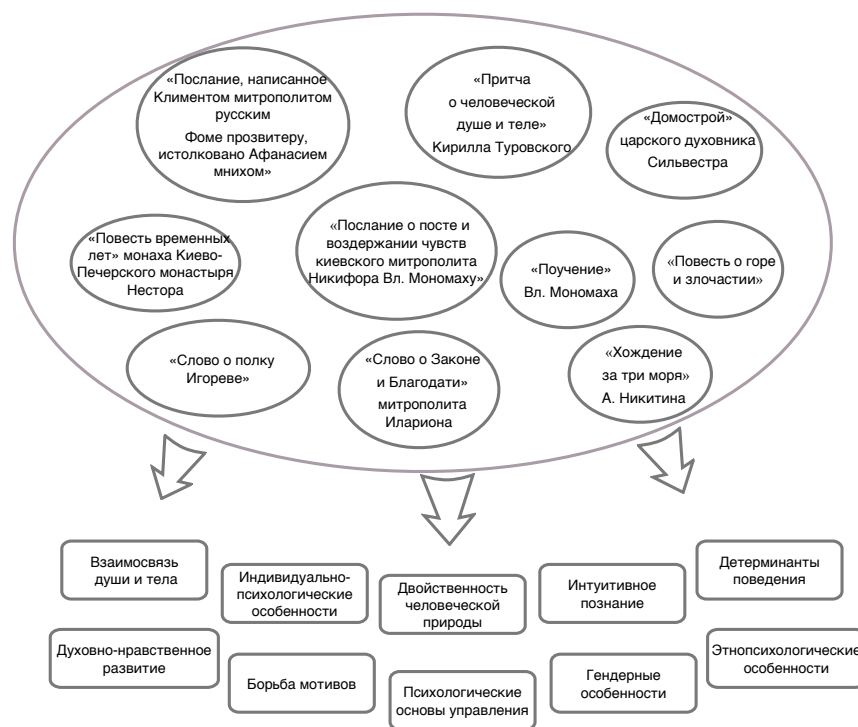

Рис. 22. Отражение психологических воззрений в произведениях русских писателей средневековья

В XVII в. появляются сочинения для психологических курсов в духовных семинариях И. Гизеля, И. Горбацкого, И. Поповского, братьев Лихудов. Краткий анализ этих произведений дан в § 4.4.

Рассмотрение вышеизложенных позиций позволяет сделать вывод о том, что средневековая Русь, активно знакомясь с произведениями византийской и европейской культуры, формировала неповторимую самобытную культуру, в которой уже в X – XIII вв. зародилась отечественная психологическая мысль, получившая свое развитие в XIV – XVII вв. Первоначально психологические представления носили богословский, умозрительный, а в некоторой степени и фантастический характер. Постепенно стали появляться суждения, не совпадавшие с официальной религиозной трактовкой души, активно развивалась идея о роли жизненного опыта в формировании человеческой психики. В это время проводятся исследования анатомии и физиологии

человеческого тела, которое стало пониматься не просто как «темница души», но как объект, заслуживающий тщательного изучения.

Следует отметить, что русские средневековые писатели достигли не только высокого литературного совершенствования, свободно владели приемами, использовавшими классиками византийской культуры, но и свободно размышляли о природе психической сферы человека, постепенно создавая специальную терминологию, позволяющую толковать психические явления.

Подводя итог изложенному в данном параграфе, отметим, что в памятниках литературы периода русского средневековья мы находим огромный пласт психологических идей, многие из которых репрезентированы в древнерусской иконописи.

§ 4.2. Психологический контекст древнерусской иконописи

Материал, изложенный в параграфе, лег в основу статьи автора данной диссертации «Психологический контекст древнерусской иконописи» (О. В. Клыпа, 2013) [164, с. 52–58].

Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, В.А. Кольцова, А.А. Потебня, Б.М. Теплов и др. подчеркивали возможность и целесообразность раскрытия психологического содержания в продуктах творческой деятельности, ценность которых определяется не их материальной составляющей, а отражением замысла автора, его идей и представлений.

В средневековый период среди изобразительных искусств икона на Руси занимала первое место и была основным способом выражения религиозной и психологической мысли и чувств народа. Особо следует отметить, что в Византии христианство постигалось в основном через книгу, на Руси – через икону.

Обратимся к феномену древнерусской иконописи с целью обоснования следующей позиции: древнерусская икона психологически ориентирована и по своим жанровым характеристикам, и по способам и приемам раскрытия изображаемого объекта. К сожалению, психологическая значимость древнерусской иконы до сих пор до конца не изучена. Современная психологическая наука, в частности история отечественной психологии, не располагает монографическими исследованиями по данной проблеме.

Вместе с тем следует подчеркнуть давний интерес философов к феномену русской иконы (И. Волоцкий, М. Грек, Е. Чудовский, С. Ушаков).

С середины XIX в. особенности русской иконописи широко исследуются с исторической, богословской, символической, художественно-эстетической точек зрения. Для ученых представляют интерес такие вопросы, как время создания и особенности функционирования разных иконописных школ, их взаимовлияние, отнесение иконы к определенному виду изобразительного искусства или предмету культа, выявление в древней иконе религиозно-философского смысла.

В своем исследовании мы поставили задачу обосновать психологическое содержание древнерусской иконописи, аргументированно показать, что в древнерусской иконе, отражены основные психологические воззрения о человеке, его личности, внутреннем состоянии, мотивации и др.

Суждение о духовной сущности русской иконы, ее духовно-религиозных смыслов, знаково-символических формах нашло отражение в работах таких ученых, как С. Булгаков, Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков, П.П. Муратов, В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, П.А. Федоров, П.А. Флоренский и др.

Ф.И. Буслаев в своей работе, критикуя древнерусскую иконопись за примитивность позиции с художественного анализа, признавал за ней стремление к выражению великих целей [44].

Е.Н. Трубецкой подчеркивал, что древнерусские иконописцы «не в словах, а в красках и образах» отражали идеи о смысле жизни, о сущности человеческого бытия [376].

П.А. Флоренский подробно обосновал художественно-изобразительные средства в иконописи с позиции композиционного построения, цветописи, пространственного изображения. Большое внимание уделил вопросу об иконе как символу [388].

Е.Н. Трубецкой и П.А.Флоренский с целью философского анализа иконописного произведения использовали метод реконструкции духовно-культурного содержания, что дало им возможность обнаружить в иконе и через икону значимые черты менталитета русского народа.

С.Н. Булгаков видел в иконописи соединение искусства и церковной мудрости, совершение «теургического акта соединения земного и небесного». Особое значение С.Н. Булгаков придавал названию (надписанию, имени) иконы, именно название вместе с освящением делают изобразительный образ (рисунок) подлинной иконой, в которой осуществляется божественная связь с первообразом [42].

С середины XX в. проблема феномена древнерусской иконописи обсуждается в работах С.С. Аверинцева, М.В. Алпатова, В.В. Бычкова, В.Н. Лазарева, В.В. Лепихина, Ф.Ф. Лосева, Л.А. Успенского и др.

А.Ф. Лосев рассматривал икону как символ, в котором отражено субстанциональное тождество между иконой и святым. Икона есть особый символ, побуждающий действовать [207].

Л.А. Успенский в работе «Богословие иконы Православной Церкви» высказывал идею о том, что древнерусская икона содержит в себе «откровение непреходящего смысла жизни» [379, с. 336].

В.В. Бычков, рассуждая о феномене русской иконы, писал: «...поверхностно зная кое-что из своего наследия, по существу мы не знаем и, главное, не понимаем его», но именно в нем заключена «истинная философия,

истинная духовность, истинная культура», добавим от себя: в нем отражены основные психологические идеи. Ученый характеризует древнерусскую икону как духовно-художественный символ Руси, так как «именно на Руси икона достигла своего высшего художественно-эстетического расцвета и предстала во всей полноте в качестве сакрального феномена, таинственного носителя духовной энергии, божественной мудрости – Софии» [47, с. 8].

Следует отметить и такие фундаментальные труды, как 10-томная «Историю русского искусства» (М., 1953–1969), 2-томная «История культуры Древней Руси» (М., 1991, Т.1).

В настоящее время исследователи по-прежнему обращаются к вопросу осмысления универсума древнерусской классической иконы (А.И. Арнольдов, В.Н. Колесник, А.Н. Маркова, Н.Н. Третьяков, В.П. Яковлев и др.), однако, как было отмечено выше, до настоящего времени фундаментальные исследования по изучению психологического феномена древнерусской иконописи не проводились. В рамках данного параграфа мы сосредоточили свое внимание на древнерусской иконе как феномене психологического знания в средневековой Руси. Древнерусская иконопись – это богатейшее национальное духовное наследие, которое требует осмысления с позиции истории отечественной психологии.

Символический характер древнерусской иконы

Термин «икона» (от греческого «эйкон») обозначает «образ», «изображение» божества и святых. Икона является культовым объектом религиозного поклонения, имеющий глубинный психологический смысл.

Феномен русской иконы определился в период русского средневековья, в период, когда на Руси философия еще не оформилась как система. По выражению Е.Н. Трубецкого, наши предки были в меньшей степени философами, и в большей – «духовидцами», выражавшими свои взгляды, убеждения не в словах, а в красках. В форме, цвете, линии, композиции икон

воплощались трудно поддающиеся словесному описанию законы мироздания, внутренние духовно-психологические особенности того или иного образа, его переживания. Вполне логично, что русские религиозные философы XX в., глубоко почувствовав духовную силу древнерусских иконописных произведений, метко определили их как «умозрение в красках» (Е.Н. Трубецкой), «философствование красками» (П.А. Флоренский), «иконографическое богословие» (С.Н. Булгаков), «теология в образах» (Л.А. Успенский). Они считали, что древнерусские иконописцы были способны выражать с помощью самобытной системы художественных средств основополагающие духовно-нравственные ценности. Так, Е.Н. Трубецкой определял икону как художественное воплощение идеального, глубоко осмысленного бытия. Образный язык иконы позволял объяснить то, что сложно было для того времени передать смысловыми понятиями и определениями, например психологические знания.

М.В. Алпатов подчеркивал, что «в мире древнерусской иконописи в отчетливую, зримую форму облечено то, чего не могла в себя вместить письменность, догадки о последних тайнах мироздания, о сущности и судьбе человека, то постижение мира, которое на Руси никем не систематизировалось, так как у нас не было схоластики, но непосредственно изливалось в дерзких чертежах, уверенно и безошибочно расцвеченных красками... Для современного человека Древняя Русь отчетливее всего сказала о себе языком красок и линий. Через иконы мы заглядываем в ее самые заветные недра» [11, с. 11–12].

«Икона непосредственно обращена к духу и сердцу человека и дает ему ту пищу духовную, которую он не в состоянии получить никакими иными путями. И несет ее икона в своей художественной форме (в цвете, линии, композиции, символизме, зримых формах)» [там же, с. 9].

Н.Н. Третьяков, известный искусствовед, подчеркивал, что «русская живопись всегда была искусством изображения слова, и можно сказать, –

искусством изображенного слова... Связь слова и изображения... была очень непосредственной и осязаемой... Древнерусский мастер исходил из того, что слово при переводе в изображение получает новые качества: обогащается красками, обретает полноту плоти. Зримый образ открывает то, что заложено в глубинах слова» [373, с. 18].

Итак, древнерусская икона имела свой условный (художественно-символический) язык, благодаря которому сохранен богатый духовно-нравственный опыт поколений русского средневековья. В силу этого мы имеем возможность постичь психологический аспект древнерусской иконописи.

В Древней Руси иконописцев на равных правах с книжниками считали мудрецами, не только в книгах, но и в иконах видели проявление премудрости. «Книжная мудрость» в средневековой Руси доступна была незначительному количеству людей, в то время как «премудрость иконная» была доступна каждому человеку (дома, в храме), и оказывала практически постоянное влияние на него как на сознательном, так и на подсознательном уровнях.

В период всего русского средневековья иконы в гораздо большей степени, чем в европейских странах, осуществляли функцию «книги для неграмотных», поскольку наглядность, живописность икон вносили в душу и разум людей значительно больше, чем непостижимые, требующие комментариев, библейские тексты [47; 49; 199 и др.].

В древнерусской иконе символическое мышление проявилось в абсолютной форме: лаконизм, скупость в средствах выражения, сведение к минимуму деталей при максимуме выразительности. Древнерусская икона являлась отражением самосознания, осмыслением исконных вопросов не только бытия, но психологии человека.

В средневековый период понятия «слово», «смысл» и «образ» отождествлялись. Русская православная церковь видела в иконе не просто схему, а прежде всего текст, поэтому ее художественному оформлению придавалось такое же особое значение, как и ее идейному содержанию. Икона

рассматривалась церковью как символ, необъяснимо связанный с божественными силами. В этой связи П.А. Флоренский писал: «Образы искусства – суть формулы жизнепонимания, параллельные таковым же формулам науки и философии» [387, с. 272].

В связи с этим следует отметить, что еще на Седьмом Вселенском Соборе Церкви (VIII в.) было принято, что иконописание совсем не живописцами выдуманно. Живописцу отводится только техническая сторона дела, так как иконописание считается изобретением и преданием святых отцов, а не живописца. Богослов Василий Великий сравнивал «молчаливую живопись» со словом. Святитель Григорий Великий писал, что неграмотные должны читать на стенах то, чего они не могут читать в книгах. Преподобный Иоанн Дамаскин считал, что икона передает невидимое и труднодостижимое посредством видимого и доступного, «ради слабости понимания нашего». Он указывал, что к иконе нужно относиться с почитанием (по-читанием, то есть читать ее), а не с поклонением. Икона раскрывает догматическое учение церкви, поэтому И. Дамаскин назвал ее «школой для неграмотных».

Итак, христианство устанавливает свой особый жизненный принцип, свое особое мировоззрение, что естественно предполагало создание своего особого образно-символического языка. Посредством иконописи христиане стремились передать не только то, что видимо, но и то, что невидимо – духовный контент изображаемого. Церковь обращалась на языке более приемлемом, более понятным для человека. По выражению святого Апостола Павла, икона – это жидкая пища, свойственная детскому возрасту. С другой стороны, этот символизм необходим был, по мнению Л.А. Успенского, для выражения средствами искусства истин, которые не подлежат прямому изображению [379].

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о психологических аспектах древнерусской иконописи, отметим тот факт, что на Руси иконописцы, как правило, не подписывали свои произведения, что подтверждает мысль о приоритете онтологического значения иконописи над эстетическим. Миссия

иконы, иконописи заключалась не в отражении действительности, а в ее осмыслении. Православная церковь в средневековый период никогда не допускала писание икон по воображению художника или с живой модели, так как это обозначало бы сознательный и полный отрыв от основной идеи. Икона говорила с человеком на своем условном языке. Ее целевое назначение заключалось не только в разъяснении и научении доктринам христианской веры, но в формировании внутреннего мира человека. «Иконопись развивалась в основном по пути создания отнюдь не иллюзионистических иллюстраций к Писанию, но сложных многозначных символических образов, требующих глубинного проникновения в их сокровенный смысл», – отмечает В. В. Бычков [49, с. 29].

Феномен иконы можно рассматривать как подлинное духовное, психологическое руководство. «Цель иконы – не в том, чтобы возбудить и усилить в нас то или иное естественное человеческое чувство. Икона не трогательна, не чувствительна. Цель ее – направить все наши чувства, так же как и ум, и всю нашу человеческую природу, к ее истинной цели – на путь преображения, очищая нас от всякой экзальтации, которая может быть только нездоровой», – подчеркивает Л.А. Успенский [379, с. 135]. «Открытие иконы дает нам возможность глубоко заглянуть в душу русского народа, подслушать ее исповедь, выразившуюся в дивных произведениях искусства. В этих произведениях выявилось все жизнепонимание и все мирочувствие русского человека с XII по XVII век. Из них мы узнаем, как он мыслил и что он любил, как судила его совесть, и как она разрешала ту глубокую жизненную драму, которую он переживал», – писал Е.Н. Трубецкой [375, с. 40].

Психологические аспекты древнерусской иконописи

Заявленная нами проблема требует нахождения ответов на следующие вопросы: Каковы важнейшие психологические особенности иконописи, как особого, ни на какой другой не похожего жанра? Какая психологическая информация отражена в древнерусской иконописи? Какие идеи, непосредственно связанные с психологией человека, передавались из поколения к поколению посредством иконописного искусства?

Анализ изученной литературы позволяет заключить, что произведения древнерусской иконописи являются ценным источником для исследования проблемы генезиса психологической мысли в период русского средневековья, поскольку в этих произведениях отражены психологические представления о человеке и его психике с помощью таких художественных символов, как образы (лики), цвет, сюжет, конструирование, надписи (названия). Рассмотрим основные психологические идеи, представленные в древнерусских иконах.

а) Отражение общепсихологических воззрений

Идея проблемы души и тела

Проблема взаимоотношения души и тела была одной из основных проблем в средневековой Руси. В иконах мир делится на мир видимый (земной) и мир невидимый (небесный, идеальный): «Троица», «Успение Божией Матери», «Сошествие во ад» др. Человек в иконописи был представлен как некая духовная субстанция. Иконы отражали идею о том, что душа бессмертна, она дает жизнь, смерть означает лишь отход души из тела.

Проблема познания (ум, разум, мудрость, премудрость)

Считалось, что процесс познания есть свойство человеческой души, которая способна как к внешнему, так и внутреннему познанию. Иконы способствовали развитию внутреннего познания – самопознания. В таких

иконах, как: «Премудрость создала себе дом»; «София Премудрость Божия»; «Спас в силах»; «Господь Вседержитель»; «Господь на престоле»; «Святые равноапостольные Мефодий и Кирилл, учителя словенские» отражена идея о значении познания, о роли знаний в жизни человека.

Знание законов зрительного восприятия изображения

Русские иконописцы средневековья применяли в своем творчестве методы, которые, с позиции современной психологии, основаны на знании принципов гештальта, например: взаимообусловленность во взаимодействии фигуры и фона, пространственное изображение, цветовое решение и др.

Все лики, как правило, выделялись на золотом фоне, главная персона писалась во всю высоту иконного поля, а второстепенные, рядом с ней стоящие, изображались по размеру меньшими и т. д. В.Н. Лазарев отмечал: «Голова как средоточие духовной выразительности становится доминантой фигуры, подчиняющей себе все остальные части. Тело совершенно отступает на второй план, превращаясь почти в невесомую величину, скрывающуюся за тончайшими складками одеяния ... Пристально устремленные на зрителя глаза выделяются своими преувеличенно большими размерами, тонкие, как бы бесплотные губы лишены чувствительности, нос вырисовывается в виде незаметной вертикальной, либо слегка изогнутой линии, лоб делают подчеркнуто высоким, причем он подавляет своей величиной все остальные части лица» [192, с. 34–35].

Исследователи древнерусской иконописи подчеркивают, что иконописный лик святого – это лик, с которым молящийся встречается глазами и вступает в молчаливый разговор. Соответственно глаза, непосредственно выражающие энергию души, играют в изображениях значимую роль: огромные, расширенные зрачки изображаются так, что зритель с любой точки зрения видит их направленными прямо на себя. В изображении фигуры почти всегда доминирует лицо, но над лицом доминирует взгляд. «Тело, закрытое

тяжелыми одеждами и включенное в ритм ритуальных движений, демонстрируется так, чтобы не мешать “неречивому” повествованию этого взгляда», – отмечает Г.К. Вагнер [50, с. 223–224].

Исключительное значение в иконописи придавалось изображению пространства: использовалась обратная перспектива, которую П.А. Флоренский называл «обращенной» (то есть обращенной к зрителю). Для этого использовался особый прием: иконописец соединял точку зрения сверху и с высоты человеческого роста. Данный прием помогал иконописцу создать особое восприятие изображения: человек (зритель) оказывался в оптическом сверхчувственном мире иконы, так как пространство в иконе особым образом приближалось к нему, а не уходило от него, не сужалось. «Изображенное пространство включается в пространство реальное, между ними нет разрыва. Изображенное ограничивается одним передним планом. Лица, изображенные на иконе, и лица, предстоящие ей, объединяются в одном пространстве. Поскольку откровение обращено к человеку, к нему же обращен и образ», – писал Л.А. Успенский, отмечая именно такой способ пространственного построения иконы [379, с. 422–423]. Благодаря этому икона не только обращена к человеку, но и ориентирована на него.

Цвет в иконописи также использовался в соответствии с законами восприятия, выполняя важное назначение. О значимости православной символике цветов писали В.В. Бычков, П.А. Флоренский и др.

Цвет особым образом выражал духовные сущности. Именно в древнерусской иконописи были разработаны значения цветов в определении их духовных смыслов. Поэтому цвет в иконе – это не художественное оформление, а система передачи психологической информации с хорошо продуманными предписаниями, цвет имеет четкую иерархию. В связи с этим В.В. Бычков [47 – 49] отмечает, что взаимодействие цветов в иконе осуществляется на семантическом уровне, следовательно, декодирование

семантики иконы помогает понять глубинное содержание древнерусской иконописи.

Древняя иконопись применяла несколько основных цветов без полутонов, используя контрастные сочетания. Следует отметить, что символизм цвета не являлся жестко заданным параметром. Огромное значение имеет их сочетание. Для понимания цветового символа иконы следует, как писал Максим Исповедник, смотреть духом (духовно), а не только «телесными очами».

Рассмотрим наиболее принятое в древнерусской иконописи семантическое содержание цветов в иконах.

Белый цвет – уподобляется свету, нравственной чистоте, невинности, святости, духовному совершенству и занимает в иконописной иерархии высшую ступень. Белый цвет – это цвет изображения святых (лик Божий, Спаситель облачен в белые одежды, душа Девы Марии, души праведников и ангелов). Белый цвет, как и золотые лучи, символизирует нетварный божественный свет, духовный мир.

Золотой цвет – олицетворяет духовность, возвышенность, очищение. Золотой фон, золотое сияние, золотые нимбы – символ выражения Вечных идей, духовных истин (идеи любви, добра).

Белый и золотой цвета по значимости близки друг другу. Они трансцендентны.

Голубой и синий цвета (цвет неба) являются символами трансцендентного мира, мира-рая, где человеческая душа может найти себе приют. Синий цвет олицетворяет божественное начало, непостижимость тайны, глубину откровения.

Красный цвет является символом человеческой природы, передает идею мученичества и страдания.

Пурпурный цвет символизирует императорское достоинство.

Темно-вишневый цвет означает символ любви и добра.

Зеленый цвет – символ растительности, юности, вечного обновления и возрождения, надежды, означает победу жизни над смертью.

Коричневый (земля) – означает смирение.

Черный цвет символизирует зло, смерть, ад, максимальную удаленность от Бога, это символ конца. С позиции живописи в черном цвете нет света, с позиции философского осмысления черный цвет – это отражение бездуховности, безнравственности. В иконописи в основном глубины пещеры – символа могилы, ада – закрашивались черной краской. В монашеской эстетике аскетизма он понимался как цвет покаяния – отсюда черные облачения монахов.

Серый цвет (смешения черного и белого, зла и добра) – несет ощущение неопределенности и пустоты, символизирует скорбь либо смирение, смерть тела и бессмертие души.

В.В. Бычков указывает, что «цвет не только способствовал буквальному и аллегорическому прочтению текста иконы, но и помогал моральному и анагогическому² усвоению ее содержания» [49, с. 118–119]. Цвет в иконе всегда связан со светом, поэтому на иконе отсутствуют тени (икона изображает особую иную реальность).

Итак, еще раз акцентируем внимание на том, что семантика цвета древнерусской иконописи имеет принципиальное значение в понимании условного языка иконы и служит способом отображения внутреннего мира человека.

Сюжеты и названия икон также были существенны для понимания духовных ценностей, психологических категорий: «Икону делает иконой не живописное качество рисунка или портретное сходство, ... но наименование, которое внешне делается в виде надписи» [42, с. 183].

Итак, иконы имеют обязательно названия: именные, сюжетные. Название иконы (имя) выполняет онтологическую функцию, оно психологически

² Анагогический, то есть символический

подготавливает человека к адекватному восприятию, пониманию изображенного, например: «Спаситель», «Милостивый», «Душеспаситель», «Человеколюбец» и др.

Можно выделить иконы, которые отражают идею развития духовно-нравственных качеств человека: «Сошествие во ад»; «Преображение Господне»; «Лествица»; «Николай Чудотворец»; «Зосима и Савватий», «Борис и Глеб» и др. Идея сущности человека и смысла его жизни отражена в таких иконах, как «Спас»; «Успение Богородицы»; «Притча о слепце и хромце»; «Страшный суд» и др.

Чувства, эмоции, состояния человека также находили отражение в русской средневековой иконописи. Это духовные, высшие чувства, благодатные состояния: радость, благоговение, вдохновение, воодушевление, внутреннее просветление, преданность, почитание, смирение, любовь, уверенность, умиление, печаль, грусть. Не отражены в иконах чувства зависти, безысходности, ненависти и т. п. Идея Любви как необходимого условия жизни, духовной красоты и самосовершенствования человека представлена в иконах «Рождество Христово», «Богоматерь», «Распятие», «Положение во гроб», «Покров», «Успение Богородицы» и др.

Таким образом, в иконах подчеркивалось то, что умиротворяло и укрепляло душу, а не то, что утрашало и отталкивало. Она оказывала своеобразное психологическое воздействие на зрителя (вчувствование, сопричастность, сопереживание, эмоциональный настрой и т. д.), несмотря на то, что на иконах (ликах, образах) не отражались, не передавались сильные эмоции, переживания (отсутствуют жесты, движения). Лики на иконах спокойные, сдержанные, преображенные, выражающие глубокий внутренний мир.

Воля. Воля определяется в психологии как сознательная регуляция поведения. В иконах отражена идея о том, что человеку дана свобода воли,

свобода выбора. Сюжеты и образы древнерусской иконописи подготавливали человека к христианским подвигам, жертвенным поступкам, страстотерпческим мукам, к борьбе со злом и т. д. Икона «рассказывала» человеку о святом, который обессмертил свое имя благородными, высоконравственными поступками, проявляя доброту, честность, справедливость, самообладание и выносливость в борьбе за веру, готовность к самопожертвованию, непротивление насилию и т. д.

Следует отметить, что прочитать жизнеописание святых мог не каждый человек. Икона типа минеи и житийная икона помогала познать людям, не умеющим читать, о деяниях святого. Так, в центре (среднике) иконы изображался святой, а в клеймах – самые значимые эпизоды из его жизни. Клейма рисовались вокруг центрального главного образа, имея самостоятельный сюжет, и дополняли его наиболее значимыми сведениями (использование законов восприятия и запоминания).

Таким образом, мы определяем икону как символ ценностных ориентиров человека, содействующих формированию «внутреннего человека». В иконах отражались мысли о том, что человек сам «творит» свою жизнь; свобода человеческого духа проявляется в его господстве над своим телом; свобода воли – это не вседозволенность и произвол, а осознанный выбор человека по критериям добра и зла.

*б) Отражение социально-психологических
и индивидуально-психологических воззрений*

На иконах изображение образа указывало на пол, возраст, социальное положение. По одежде легко узнать воинов, царей, мучеников, пророков, святителей и т. д. («Сергий Радонежский»; «Никита воин»; «Георгий Победоносец»; «Чудо Дмитрия Солунского»; «Борис и Глеб на конях»; «Битва новгородцев с суздальцами» и др.).

Человеческая фигура выступала носителем основных психологических идей. Понятие «личность» созвучно со словом «лик», а «человек» – со словом «чело» (верхняя часть лица, приближающая человека к Творцу). Лики святых всегда сосредоточены и возвышены. В ликах святых персонажей просматриваются определенные внутренние, психические состояния. Через аскетические, на первый взгляд иссохшиеся, безжизненные лики, отражается духовная жизнь. Как было отмечено выше, особое значение придается выражению глаз святого («глаза – зеркало души»), что составляет высшее средоточие человеческого лица («Спас нерукотворный» (Новгород, XII в.), «Ангел Златые Власы» (Новгород, XII в.). Лики в иконах, как правило, смотрят на зрителя, повернуты к человеку, который обращается к иконе. Создается впечатление, что образ святого не просто присутствует где-то в пространстве, а находится перед смотрящим человеком: человек встречается с ним лицом к лицу. То есть лик – это семантически важнейший элемент в фигуре изображаемого, поэтому он всегда обращен к молящемуся человеку, хотя тела при этом могут быть изображены фронтально. Таким образом, икона была всецело ориентирована на человека и писалась она так, чтобы человек обращался к ней и делал свой нравственный и духовный выбор [11; 365; 375 и др.].

Наиболее значимые в духовном отношении фигуры композиции (Христос, Богородица, святые) изображались обычно, как было отмечено выше, во фронтальном положении со взглядами, устремленными на молящихся. Подчеркнутая статика показывала их внутреннюю духовную концентрацию, сакральную значимость и возвышенность; их принадлежность не только и не столько к земному миру, сколько к миру вневременного бытия, которому предстояли, в контакт с которым стремились войти верующие в ходе церковного богослужения или индивидуальной молитвы. В профиль изображались, как правило, отрицательные образы (Иуда, сатана, грешники), а изредка – второстепенные персонажи и животные.

Интересна, на наш взгляд, интерпретация Е.Н. Трубецким иконы «Страшный Суд» (новгородское письмо XV и XVI вв.): «В нижней части изображения есть пограничный столб, отделяющий в иконе десницу от шуйцы, – райской стороны от адской. К столбу привязана человеческая фигура. Можно много гадать, что она изображает. Есть ли этот тип “славного малого”, который не годится в рай, потому что на земле он ни в чем себе не отказывал, но не годится и в ад, потому что был добр и милостив? Или, быть может, это – тип человека, не горячего и не холодного, а тепловатого, житейски праведного, корректного, но не любившего по-евангельски! Все догадки в этом роде в большей или меньшей степени правдоподобны, но достоверно лишь одно. Эта фигура олицетворяет тот преобладающий в человечестве средний, пограничный тип, которому одинаково чужда и небесная глубина и сатанинская бездна. Не зная, что с ним делать и как его рассудить, иконописец так и оставил его прикованным посредине к пограничному столбу. А направо и налево от него души определяются каждая к подобающей ее облику сфере» [376, с. 63].

«В пограничной фигуре выражается духовное мещанство. Угасание жизни духовной коренится в победе мещанства, которая обуславливается возрастанием житейского благополучия. Чем больше этого благополучия и комфорта в земной обстановке человека, тем меньше он ощущает влечения к запредельному. И тем больше он склонен к спокойному, удобному нейтралитету между добром и злом» [там же, с. 67].

«Мещанство совсем не так нейтрально, как это кажется с первого взгляда; из недр его рождаются кровавые преступления и войны. Из-за него народы хватают друг друга за горло. Комфорт родит предателей» [там же, с. 69].

То есть в иконах были отражены разные в нравственном, духовном плане персонажи, разные типы личности. Человеку представлялась возможность через восприятие иконы всматриваться в самого себя и других и делать свой выбор.

Идея межличностных отношений отражена в иконах: «Тайная вечеря»; «Поцелуй Иуды»; «Христос перед Каиафой и Анной»; «Отречение Петра».

в) Отражение психолого-педагогических воззрений

Иконы были зримым воплощением ценностных жизненных ориентиров. Они привлекали верующих гораздо больше, чем книги, поскольку «умеют молча говорить». «Жизнь, как она есть, вернее как она преломляется в сознании художника, не изображалась. Тем более это далеко не было “искусством для искусства”; в нем не царил произвол – оно было искусством педагогическим, выражавшим государственные идеалы и воспитывавшим граждан в определенном направлении» [379, с. 59]. С выбором православной веры Русь унаследовала от Византии ценностные ориентиры формирования и воспитания «внутреннего человека». В качестве осознанного высшего идеала выступал образ Бога, в нем аккумулированы все духовно-нравственные качества человека. Икона являлась метафизическим, психологическим ориентиром человека по направлению пути к «горнему» миру, к идеалу, к истине, духовному росту и спасению [11; 376; 387].

Иконы выполняли дидактическую функцию, обучая верующих и соответствующим образом настраивая их души. Иконы благоприятствовали осмыслению человеком понятия души, ее природы, функционирования, бессмертия, перехода в «рай» или «ад», что, безусловно, во многом детерминировало его поведение.

Можно сказать, что иконы как внешние атрибуты выполняли функцию социального контроля, формулировали систему общественных идеалов и норм, задавали ориентиры в развитии человека, помогали обрести смысл жизни, понять такие категории, как добро и зло, истина и заблуждение, любовь, совесть, чувство долга и т. п.

Икону созерцали молча, так как самосовершенствование личности, считали монахи, не может осуществляться формально, торопливо, суетно.

Молчаливое восприятие иконы, постижение ее смысла, значения – это особая индивидуальная программа «духовного делания человека», это познание Божественного начала в себе. Исихасты учили, что всю важность, существенность, ценность, глубину Божьего слова можно осмыслить в полном молчании. Поскольку икона – это воплощенное слово, следовательно, осознать самого себя можно только отказавшись от многословия, в безмолвии [11; 49].

г) Отражение психотерапевтических воззрений

Миссия иконописи заключалась в способности влиять на душу человека, помогать ему в духовном очищении, росте, самосовершенствовании. Именно поэтому в древнерусских иконах изображалось то, что успокаивало, а не то, что устрашало, внушало страх, отталкивало. Важно было, чтобы человек покидал храм не угнетенный образами икон, а наполненный любовью к себе, людям, жизни. В средневековой Руси люди чувствовали величие иконописи, понимали ее принципиальную непостижимость разумом и неопиcуемость словами, усматривали в этом ее глубокий смысл, выводящий человека на более высокие духовные уровни [44].

Официальная религия средневековой Руси выполняла функции, соответствующие современной практической психологии: помощь людям в их личностном выборе, различение добра и зла, рассуждения и разъяснения о единственности и неповторимости каждой жизни, об ответственности человека за каждый ее миг, и в этом, безусловно, большую роль играла иконопись. Икона выполняла роль утешителя, наставника, умиротворяла, помогала человеку очиститься от дурных помыслов, то есть выполняла функцию катарсиса. Люди верили в чудодейственность икон (идея психологической установки).

В средневековой Руси иконы писались на все случаи жизни: люди обращались к изображенным святым за помощью, благословлением, просили мудрости, прозрения, исцеления, изгнания бесов, при покаянии, в скорби, отчаянии и т. д.

Например, к иконам Параскевы Пятницы, великомученицы Евдокии обращались желающие родить детей, к иконам святым Петру и Февронии, мученикам Гурию, Симону и Авиву обращались с просьбой гармонизировать супружеский союз; о покровительстве вдов, сирот, бедных обращались к Николаю Чудотворцу, Максиму Греку; о помощи в учении – к Сергию Радонежскому и т. д.

В царских семьях были популярны мерные иконы, которые писались с учетом снятой мерки после рождения ребенка. При крещении ребенка называли именем святого и дарили икону с изображением этого святого. Считалось, что икона с соименным младенцу святым покровительствует человеку всю его жизнь.

В средневековой Руси иконы были в каждой избе. Ей отводилось самое почетное место – красный угол. Считали, что икона в доме способствовала очищению, являлась зримым воплощением духовно-нравственных ценностей, духовной реликвией, обязательно передаваясь из поколения в поколение, способствовала сохранению традиций.

Завершая анализ древнерусской иконописи с позиции психологического подхода, необходимо кратко коснуться вопроса о значении, смысле канона.

Иконописный канон древнерусской живописи – это грандиозная система ликов, основа художественно-психологического мышления восточных славян. Каноническая схема возбуждала в психике средневекового человека устойчивый комплекс традиционной содержательной информации. В сознании верующего, увидевшего знакомое изображение, воспроизводилась в основных элементах вся система образцов.

Канон по сути своей представлял как бы азбуку иконописного языка, как бы потенцию, из которой является собственно сам текст иконы. Каноническая икона несет одну и ту же информацию, основанную на метафизическом опыте, тщательно сохраняет ее. Поэтому икона сообщает духовный опыт многих поколений [49].

Совершенно естественно, что икона обладала и до сих пор обладает особой техникой изображения, «особым языком». Каноничность в иконописи (обратная перспектива, язык красок) связана с целью реализовать специфические задачи иконы как текста культуры в материальных формах фиксирующей информацию надматериального характера [там же].

Древнерусская иконопись XI – XVI вв. в основном безымянна. В соответствии с церковной версией причина этого в том, что православие восприняло отношение древней неразделенной Церкви к церковному искусству не как к средству выявления и утверждения художником своей индивидуальности, а как к служению, заключающемуся в передаче из поколения в поколение церковного Предания, раскрытию его в духовном опыте художника [53].

По церковным суждениям, в обязанности иконописца входила лишь техника исполнения, то есть художнику отводилась почти вспомогательная роль копировальщика. Все, что не соответствовало или противоречило церковному канону, осуждалось. Не случайно П.А. Флоренский уже в XX в. давал негативную оценку изображениям Богоматери в произведениях таких выдающихся русских мастеров, как М.А. Врубель, В.М. Васнецов, М.В. Нестеров. В их работах, по мнению П.А. Флоренского, изображена не Приснодева, а «некоторая женщина», вполне земная, что ведет к смешению уставной истины с «собственным самочинием» [386].

Особые требования предъявлялись и к личности иконописца. В постановлениях Стоглавого собора (1551 г.) говорилось о том, что иконописцу надлежит быть «смирну, кротку, благоговейну, не празднослову, не смехотворцу, не сварливу, не завистнику, не грабежнику, не убийцу» [11, с. 25]. Абсолютно заслуженно средневековых русских иконописцев считали людьми высокого нравственного идеала. При этом строго осуждались те мастера, которые рассматривали свое занятие как средство пропитания. «Стоглав» особое внимание уделял мастерству и таланту живописцев, их обучению. В

XVI в. в Руси появилось много ремесленников-самоучек, занимавшихся производством дешевых икон низкого качества. Собор запрещал писать иконы этим «иконникам-неучам», которые «по се время писали, не учася, самовольством и самоловкою, и не по образу» и продавали свои поделки «простым людем поселяном невежам». Иконному искусству надобно учиться у «добрых мастеров», и при этом не все могут выучиться, ведь иконописание – дар Божий. Поэтому Собор позволял писать только тому икону, «которому даст Бог» [49, с. 212] и он «учнет писати по образу и по подобию» [там же], а «не обретший онога дара не должен своим недостойным письмом хулить имя Божие» [там же]. Такому следует заняться другим ремеслом – «не всем человеком иконником бытии, многа бо различная рукоделия дарована от Бога, ими же питатися человеком и живым бытии и кроме иконного письма; а Божия бы образа в поношение не давати», – отмечается в работе В.В. Бычкова [там же].

Одаренность и мастерство должны быть, по мнению участников «Стоглава», главными критериями оценки живописца. Но если первое – от Бога, то второе – от учителя, поэтому Собор уделял большое внимание обучению живописцев. Лучшим он предписывал «принимати ученик и ...учити их всякому благочестию и чистоте». Хорошо зная обычаи в средневековых ремесленных мастерских, где профессиональные навыки и секреты передавались только близким родственникам, даже бездарным, и скрывались от посторонних, участники «Стоглава» стремились нарушить эту традицию. Церковным властям предписывалось следить за тем, чтобы мастера не продвигали своих бездарных родственников, выдавая за их работу иконы других мастеров, и, напротив, чтобы не хулили и не притесняли талантливых учеников «по зависти, дабы не приял чести, якоже и он прия». Собор предписывал царю и архиепископам талантливых живописцев «бречи и почитати их паче простых человек; а вельможам и всем человекам тех

живописцев почитать же во всем и честных имети за то честное и чистое иконное воображение» [там же, с. 212–213].

Все это позволяет сделать вывод о том, что в русский средневековой период иконопись имела принципиальное значение в культуре русского народа, что иконы оказывали существенное влияние на мировоззрение людей, их психологическое познание. Современной наукой доказано, что при восприятии картины включаются в работу практически все психические функции, возникают разнообразные эмоционально-чувственные состояния, проявляются многие стороны личности человека. Нужно отдать должное нашим мудрым предкам, тончайшим психологами, знавшим эти особенности и грамотно использовавшим в своем творчестве. Они осознавали, что символическая нагрузка зависит не от реалистических приемов изображения, а от идейного осмысления: человек получая цветовую, сюжетную информацию анализировал ее, задумывался о духовных, ценностных ориентирах, которые выступали путеводными звездами в обретении человеком самого себя, обретении своей истинной сущности.

Икона помогала человеку в определении смысла жизни, поскольку в иконе передается нравственное начало человека то, что отличает его от любого животного, то есть такие достоинства личности, как благородство, доброта, честность, мужество и т. д. Иконные образы святых являлись высшим образцом, ориентировавшим людей к духовно-нравственному совершенствованию. Например, иконы Богородицы («Нечаянная радость», «Собор Пресвятой Богородицы», «Утоли моя печали», «Взыскание погибших», «Державная», «Благодатное небо», «Споручница грешных», «Знамение», «Живоносный источник», «Умягчение злых сердец», «Боголюбская», «Семистрельная», «Неопалимая купина», «Умиление», «Всех скорбящих радость», «Скоропослушница» и др.) демонстрируют безграничную любовь к людям, стремление защитить ближнего. На одной из самых древних и почитаемых икон на Руси «Успение Пресвятой Богородицы» описан сюжет –

смерть Божией Матери. На иконе изображена усопшая Божия Мать в окружении апостолов, а над ней склоняется сошедший с небес Спаситель Иисус Христос. В руках Спаситель держит ее душу в образе младенца. На наш взгляд, в этой иконе отражена одна из важнейших психологических идей – о духовных, возвышенных, эталонных детско-родительских отношениях.

Итак, для средневекового человека иконы не были произведениями искусства, это была своеобразная форма (средство) познания человеческой души (как чужой, так и своей собственной, поскольку, как правило, неудовлетворенность собой порождает стремление к идеалу). Через иконы человек постигал психическую жизнь не понятиями, а через образы-символы на интуитивном уровне.

«Икона обращена не просто к зрителю – она обращена к молящемуся... XIV в. был временем распространения исихазма с его учением о безмолвии. Изображения как бы замкнуты в себе, святые погружены в задумчивость и требуют от молящегося безмолвной созерцательности, уединенной молитвы. Такова в первую очередь икона «Троицы», написанная в похвалу Сергию Радонежскому. Ангелы, символизирующие собой три лица Троицы, погружены в грустную задумчивость, и молящийся вступает в общение с иконой путем «умной» (мысленной) молитвы. Ангелы слегка обращены друг к другу, не мешая друг другу и не разлучаясь. Они находятся в триединстве, основанном на любви. Тихая гармония Троицы вовлекает молящегося в свой особый мир», – подчеркивал Д.С. Лихачев [204, с. 95–96].

Нельзя не согласиться с позицией Н.К. Гаврюшина: «Вопрос об отношении к иконе – это вопрос самоопределения человека ... Если в ней видится только искусство, умение, техника – она, по существу, остается непонятой. Иное дело, если она осмысливается как выражение достоверного знания о духовной реальности, об идеальном человеке, или о человеке в его “идее”» [383, с. 7]. Икона являет человеку, каким он может быть, а поэтому она инициирует онтологическое движение.

Основные психологические идеи, отраженные в русской средневековой иконописи, схематично представлены на рисунке 23.

Рис. 23. Икона как художественная форма репрезентации психологических воззрений

§ 4.3. Православные формы познания человеческой души и приемы психотерапевтического воздействия

Материал, изложенный в параграфе, лег в основу статьи автора данной диссертации «Православные формы познания человеческой души в период русского средневековья» (О.В. Клыпа, 2016) [162, с. 66–64].

К числу основополагающих процедур средневековой церковной практики, обеспечивающих необходимый контроль и регламентацию сознания верующих, относятся исповедь и покаяние.

В работах архим. Иерофея Влахоса, Р.М. Грановской, С.М. Зарина, П.Ю. Нешитова, Б.В. Ничипорова, Л.Ф. Шеховцовой и др. указано на то, что познание души человека и ее исцеление теснейшим образом связано с покаянием и исповедью.

В святоотеческой литературе выделяют два вида исповеди: 1) мысленная, которую человек совершает самостоятельно, молясь Богу; 2) исповедь духовнику. Внешнее проявление покаяния – это исповедание собственного проступка [135].

Исповедь, покаяние создавали прецедент внедрения во внутреннюю жизнь человека, давали возможность для исследования его мыслей, состояний. При этом следует подчеркнуть, что, открывая свой внутренний мир перед священником, человек постигал способы навыки самоанализа, глубины собственного «Я».

Можно сделать вывод, что в рамках данных процедур разворачивался сложный и многозначный процесс интериоризации нравственного сознания: человек учился противодействовать греху, контролировать себя.

Ценность исповеди засвидетельствована многими современными психиатрами. «Таинство исповеди – это духовная “хирургическая операция”... Откровение помыслов удаляет из души всю нечистоту» [там же, с. 282–283].

Покаяние в переводе с греческого означает «перемена». Покаяние связано с признанием человека в своем проступке.

Для получения разрешения грехов от исповедующегося требовалась подготовка – примирение со своими близкими, осознание своих ошибок (грехов), устное исповедание, уверенное желание изменить свою жизнь, вера в Бога и надежда на Его милосердие.

Покаяние предполагает не отстраненное осознание неправильности содеянных поступков, а глубокое, сильное переживание их несоответствия с христианскими идеалами, духовными ценностями. Человек находится в

состоянии самоосуждения за свои грехи и готовности бороться со своими страстями.

Психологию покаяния С.М. Зарин определяет как «нравственный переворот»: после самоосуждения (сильные отрицательные эмоции) возникает чувство облегчения, уверенности в себе, стремление к изменению (положительные эмоции). Исповедь – форма утешения, совета, духовной разрядки [128, с. 632].

Цель исповеди – помочь человеку осознать свои грехи и «тем самым преодолеть чувство отчуждения, глубинной разобщенности своей личности и, спланировав свое самосовершенствование, достичь воссоединения с самим собой, обрести внутреннюю гармонию и духовное равновесие ... Эффект исповеди достигается путем повторного переживания греховности совершенных поступков и осознания пути для совершения поступков праведных. Регулируя состояние психического равновесия, исповедь выступает как способ сделать человека добрее, чище и счастливее», – подчеркивает Р.М. Грановская [77, с. 297].

В средневековой Руси существовала литературная исповедь, которая представляет собой открытое письмо, адресованное Творцу. Прочитать ее мог любой человек. Литературная исповедь в форме рассказа или лирического монолога имела своей целью направить читателя на путь самопознания. Примером литературной исповеди является памятник древнерусской литературы «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Аввакум – священник, просит читателя рассудить, насколько тяжок его грех. Главная цель этого произведения заключается в привлечении читателя к анализу собственного поведения, осознания своих проступков. Автор ломает христианский канон исповеди перед Богом и призывает научиться исповедоваться перед людьми. Аввакум проповедует необходимость регулярной исповеди: «А в чем погрешится, и ты кайся перед Богом»; «милостив Господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни

душ наших и телес...» (цит. по: [234, с. 69]). Боярыня Евдокея Кирилловна кается перед Аввакумом: «...покаяние матери колику силу сотвори: душу свою извращевала и сына исцелила» [там же, с. 79].

Исповедь Аввакума – это автобиографический прожитый опыт, в первую очередь – духовный. Протопоп делится собственными духовными знаниями и опытом, одновременно проповедуя необходимость искреннего покаяния.

В христианстве стремление к состоянию очищения (катарсису) было «делом всей жизни человека», оно должно было проявляться в любом поступке, любой мысли. По выражению Б.В. Ничипорова, покаяние регенерирует внутреннее состояние личности. Психотерапевтический эффект покаяния состоит в «растождествлении» с негативными энергетическими комплексами. Во время таинства происходит коррекция мировоззренческой картины и проясняются смысложизненные вопросы [242].

Как было отмечено выше, в уже славянском язычестве существовало особое предупредительное отношение к слову. И.И. Срезневский писал, что славяне обращались к богам не только с просьбой, но и с молитвой славословия и благодарности. В просительных молитвах они вверяли себя своим богам, чтобы те управляли ими, направляли их, помогали. В благодарственных молитвах славяне выражали свою признательность богам за их благодеяния и помощь во всех делах [355, с. 63–65].

Молитва (от лат. *mollire* – «умягчать, смягчать») – это просьба человека о чем-нибудь для него значимом, это изливание души, внутренних чувств. В период русского средневековья сочинение молитв было общераспространенным событием, их содержание имело глубоко личный характер: изливая сою душу, они просили помощи и покровительства в конкретных делах, начинаниях, болезнях, несчастьях. Так, в «Изборнике 1076 г.» молитва именуется «духовной пищей», а исповедь – «лекарством души» [136].

Психотерапевтическое значение молитвы огромно. Как считают богословы, постоянная молитва защищает человека от внешнего мира, придает уверенность в собственных силах, способна возвести душу человека к надприродному источнику. Молитву следовало читать постоянно (питать ею душу), иначе душа ослабевает, угасает подобно плоти без пищи: «молитвы же душевные пища не отлагаи, яко же бо тужить тело и отнемагаеть пишта лишаемо, тако душа молитвныя сладовти лишаема, на расслабление и умъртвие умное приближаеть ся» [там же, с. 249].

Молитвы служили средством развития душевного настроения, развитие ума осуществлялось в процессе исповеди, где актуализировались способности самоанализа. Пост помогал обуздать плоть, выработать волю.

Святые отцы призывали найти индивидуальные молитвы, связанные с такими категориями как милосердие, любовь, успокоение души, усмирение гордости и тщеславия. При этом акцент делался не на развитие ума, а на формирование души.

Исповеди, покаяния, молитвы осуществлялись в храмах. В символике храма собрана духовная и душевная культура народа: живопись, музыка, архитектура, оказывавшие психотерапевтический эффект, связанный с разрядкой отрицательных аффектов, с катарсисом. Как отмечал П.А. Флоренский, «ритм и интонация есть древнейшая и существеннейшая часть богослужения <...> и если ритм, темп и интонация соблюдены, то чтение, пение, молитва производят свое очищающее действие на души людей, хотя бы содержание всего воспринималось на подсознательном уровне» (цит. по: [281, с. 370]).

Особо следует отметить деятельность монахов, оказывавших людям бесценную психологическую помощь. В монастырях (они функционировали практически в каждом древнерусском городе) действовали богадельни – первые древнерусские больницы, основанные по примеру христианских монастырей Византийской империи, в которых наряду с медицинской помощью

осуществляли психологическую поддержку. В своей деятельности монахи активно использовали молитвы, покаяния, проповеди, то есть средства психотерапевтической помощи. Беседы с людьми позволяли выявлять причины психологических проблем, симптомы психологических расстройств. Этот опыт накапливался и передавался последующим поколениям.

Таким образом, исповеди, покаяния, молитвы можно назвать великой школой мастерства психологического анализа, методами и формами психологического познания и психологического воздействия, благодаря которым человек учился разбираться в своей внутренней жизни: в мыслях, чувствах, желаниях, побуждениях. Стремясь к глубинному пониманию человека, русские подвижники обращались к молитве, находили выход в монашестве, уединении и личном самосовершенствовании. Именно в монастырях отрабатывались православные способы познания психической деятельности человека и оказания психотерапевтической помощи.

Несмотря на то, что средневековая Русь обращалась к различным византийским источникам, переводила и использовала в оригинальной литературе образцы различных направлений византийской мысли, необходимо отметить, что ни одно из них не оказало такого воздействия, как исихазм, соединяющий в себе мистицизм и социально-психолого-педагогические проблемы. Такие русские мыслители средневекового периода, как Сергей Радонежский, Стефан Пермской, Кирилл Белозерский, Иосиф Волоцкий и другие, занимавшиеся переводами и переписыванием византийских произведений, основывали русские монастыри, в которых активно изучалась теория и практика мистицизма.

«Мистика – это осознание факта соприкосновения человека с Иным, “запредельным”, “таинственным”, раскрыть содержание которого в материальном мире вербальными средствами до конца невозможно. Мистицизм же более широкое понятие: 1) специфический вид мировоззрения или ментальности, основанный на мистике и сосредоточенный на процессе поиска

путей постижения Иного, формируется в результате мистического делания и обретения мистического опыта; 2) комплекс идей, представлений, концепций, теорий или законченное учение, построенное на практике мистики; 3) историко-культурное или духовно-социальное движение, возникшее на основе того или иного мистического учения», – подчеркивает в своих работах О.Б. Ионайтис [138, с. 181].

В основе мистицизма лежит понятие мистического опыта, которое характеризуется рядом признаков:

- неизреченность (постижение того, что принципиально не вербализуемо, так как не переводимо в сферу земного опыта);
- интуитивность как главный способ постижения неизреченного;
- кратковременность;
- определенная трансформация мировосприятия и мироотношения.

На Руси термином «исихазм» не пользовались, но в своем учении и методах русские монахи держались исихастских принципов: пустынножительства и безмолвничества, предпринятых ради поиска смысла человеческого существования.

Слово «исихия» означает «покой», «безмолвие», указывает на идеал индивидуального отшельничества. Жизнь монаха-исихаста определялась внутренней молитвой, «умным деланием», стремлением к личному «обожению» как началу преображения других людей.

Способ познания сути, смысла человеческого существования заключался в отвлечении от мирской суеты, в аскетическом умолкании, в онтологическом очищении, то есть в «собираании души», «вхождении в самого себя», «отвлечении от всякого познания», «познание в покое незнания» [139]. Именно к такому уровню состояния стремились исихасты, погружаясь в глубь своей психики в поисках подлинного «Я», своей самости, порождающее ощущение, что божество трансформировалось в собеседника.

Сторонники исихазма призывали бороться с падением человеческих нравов, стяжательством, другими пороками, развивая при этом боголюбие, человеколюбие и любовь к себе.

Ведущее положение исихазма – духовное саморазвитие, самосовершенствование через «растворение человека в Боге», дающее субъективное ощущение пассивности, созерцательности, зависимости от высших сил. Человек в таком состоянии приобретает знание, которое не может быть выражено в словах. Именно ощущения, чувства и интуиция, а не мышление являются психологической базой исихазма. В соответствии с этой позицией, опыт исихазма может являться эмпирическим доказательством существования сознания без мышления. С позиции исихастов только мистические техники способствуют достижению высоких уровней сознания: от разума, подчиненного логике (который дробит истину на части в целях познания), к высшему разуму (разум философов и мыслителей), от него к озаренному разуму (присущ мистикам и поэтам), далее к интуитивному разуму, плоды которого непостижимы для обыденного сознания, через него к глобальному разуму (разум пророков) и, наконец, к суперразуму – наивысшему уровню, позволяющему познать Бога.

В учении исихастов заложены основы психотерапии. С точки зрения психотерапии мистика всегда оптимистична, потому что ориентирована на «сверхсознание» и дает человеку возможности для духовного роста. Она дает положительный заряд энергии и эмоции воссоединения с божеством, что важно для психического здоровья человека.

Важной составляющей исихазма является аскетический образ жизни. Уже в «Изборнике 1076 г.» представлена идеология аскетизма: жесткая аскеза, призывы к покаянию, рекомендации, направленные на усмирение плоти, апология монашества как путь спасения. Позже трудновыполнимые требования жесткой аскезы были заменены понятными общечеловеческими нравственными принципами. Верующего человека призывали к чистоте помыслов,

совестливости, сочувствию, умеренности, нищелюбию, а также требовали избегать таких грехов, как хула, клевета, зависть, татьба (воровство), злободейство, пьянство, объедение [224, с. 70].

В другом произведении – *«Послание о посте и о воздержании чувств»* (XII в.) митрополита Никифора, адресованного Владимиру Мономаху – мы находим описание внутреннего состояния, связанного с борьбой мотивов, и способа самовоздействия, способствовавшего самосовершенствованию. Рассмотрим этот процесс подробнее. Никифор указывает на двойственную природу человека: одновременно бесплотная (бестелесная, духовная) и телесная (плотская), разумная (рассудительная, мудрая) и неразумная (бестолковая, малоумная). Разумное и бесплотное есть Божественное, а неразумное и телесное – сочетание плотских, чувственных страстей. Двойственная природа человека лежит в основе его противоречивых мыслей, чувств, поведения, основанных на постоянной борьбе между духом и плотью. И только пост как «лекарство для душевного здоровья» способен прекратить эту борьбу, помочь духу одержать верх над плотью, обуздать ее. Именно так происходит покорение низшего высшему (тела – душе), только тогда душа получает покой. Считалось, что особенно высоким подвигом духа является лишение пищи и сна. Способные выдержать внутреннюю борьбу противоречий, совершить духовный подвиг достойны почтения [276].

Исследователи религиозно-философской проблематики русского средневекового периода отмечают, что на Руси активно читали переводные труды Максима Исповедника, который являлся образцом достижений византийского богословия. Он был признан святым. В центре учения Максима Исповедника – тема человека и его высокого предназначения. Рассуждая о человеке, Максим Исповедник формулирует «идею человека» как образ Бога. Он призывал человека к самосовершенствованию через развитие в себе добродетелей, которые постепенно вытесняют страсти. Борьба со страстями, отмечал он, совершается в обратной последовательности развитию страсти.

Начинается противоборство страстям с более легкого для человека решения и поведения, то есть с подавления внешних проявлений зла, исходящего от плоти, и завершается более сложным актом: внутренней борьбой помыслов. Параллельно с противоборством страстям человек должен развивать в себе добродетели. Самосовершенствование, то есть развитие добродетели происходит в аналогичной последовательности: вначале осознается ее внешняя сторона, способы воплощения в повседневной жизни, осуществляется «внешний подвиг», только после этого осознается внутренняя сущность, ценность добродетели. В итоге деятельность человека становится сознательной, одухотворенной, благородной. Как видим, описан механизм формирования любого психологического качества: переход внешнего действия во внутреннее свойство и состояние (процесс интериоризации).

В его учении подробно описан процесс интериоризации на примере нравственного развития личности человека, его борьбы со страстями. Так подчеркивается, что человеку приходится бороться с множеством чувственных страстей, это закаляет волю и желание совершенства. Первоначально основой борьбы со страстями (центральный мотив) является страх перед Божьим наказанием. Именно он является главной причиной в начале пути совершенствования человека, его нравственного развития (особенно на первой практической стадии). В итоге в результате борьбы со страстями на основе веры и духовной любви возникает благоговейный страх перед Божьим всевеличием, осуществляется последовательное развитие таких добродетелей, как воздержание => терпение => бесстрашие => любовь, приводящие к духовно-нравственному совершенствованию человека. Таким образом, умерщвление плоти (внешнее борьба) исподволь, шаг за шагом перемещается во внутреннюю сферу (внутренняя борьба), направленную на укрощение «страстных сил души». Максим Исповедник обозначает различные способы борьбы с низшими страстями («вольными страстями») такими, как пища, слава, деньги. Например, нестяжательство помогает бороться с сребролюбием,

смирение – с тщеславием и гордыней и т. д. Добродетели приумножаются, формируя духовный стержень человека, при этом каждая высшая добродетель, содержащая в себе низшие, определяет развитие более сложной. Как правило, за низшими страстями следуют страдания («невольные срасти»). Страданиями в человеке вызывается страсть печали, которая преодолевается через подвиг терпения. Человек учится переносить невольные страдания, воспринимая их как благое врачевание. Происходит осознание их духовно-очистительного значения за прегрешения. Победа над вольными и невольными страстями способствует формированию умения справляться со страстями «раздражительной способности» (гнев, озлобленность, алчность, ненависть, злопамятство, зависть, гордыня и т. п.). Борьба с этими страстями чрезвычайно сложна. Максим Исповедник предлагает метод («лекарство») излечения от них – кротость. С победой над этими страстями достигается важнейший результат на пути самосовершенствования человека, позволяющий ему перейти на следующий более сложный этап. На этом этапе человек учится купировать, отсекал первые проявления страстей в чувствах и помыслах: важно не задерживать помыслы в душе, не допустить их переход от простых к страстным, от страстных к греховным. Человеку необходимо научиться переводить страстные помыслы в бесстрастные и таким образом положить конец страсти еще в ее начале. Богослов объясняет способы, помогающие в этой борьбе: 1) помыслы можно «отгонять», не допуская развития страсти, благочестивыми упражнениями (например, пением псалмов и т. п.) – изменить господствующую доминанту; 2) страсти можно «отсекать», приводя их к умалению или полному уничтожению [276].

Данное учение можно рассматривать, с одной стороны, как теоретическое исследование механизмов личностного развития, с другой – как практическое руководство по саморазвитию, самосовершенствованию человека. «Русский аскетизм восходил не к отвержению мира, не к презрению плоти, а к тому яркому видению небесной правды и красоты, которое своим сиянием делает

неотразимо ясной неправду, царящую в этом мире. Тем самым он зовет к освобождению от плена мира. И, следовательно, в основе русского аскетизма лежит позитивный момент: он есть средство и путь к улучшению и освящению этого мира», – отмечает О.Б. Ионайтис [138, с. 81].

Для большинства русских мыслителей средневекового периода центром нравственной, внутренней жизни человека считалось сердце. В их представлении в сердце воссоединяются все сферы эмоционального, душевного и духовного развития человека. Познать «всем сердцем» означает понять и почувствовать насквозь, в полной мере, глубоко и лично. В период русского средневековья были распространены такие выражения, характеризующие психологические состояния и свойства, как «тяжкосердие», «темные сердцем», «высокомудрые сердцем» и т. п. Считалось, что именно через сердце Бог говорит с человеком; истины, прошедшие через сердце, становятся неопровержимыми, бесспорными. Но сердечное познание возможно только через силу любви, так как только любовь способна очистить душу от зла, заградить вход греху.

Лейтмотивом исихазма является, во-первых, борьба со страстями на самых ранних этапах: «пока проступок еще мал и не созрел, истреби его, прежде нежели распространится и созреет. Если же человек пренебрежет недостатком, то впоследствии найдет в нем “бесчеловечного властелина”... А кто вначале противоборствует страсти, тот вскоре возгосподствует над нею... Иное дело вырвать маленькую былинку, и иное – искоренить большое дерево». Во-вторых, учение об изживании причин и поводов ко греху. Для этого необходима сложная внутренняя психологическая работа над собой, поскольку человеку, в силу своей природы, трудно управлять собой, совершенствовать себя, очиститься от страстей, стать истинно добродетельным [135, с. 288–289].

Самая яркая личность, стоящая у основ распространения идей исихазма на Руси – Сергей Радонежский (1314 или 1322–1392 гг.), основатель Троице-

Сергиева монастыря, вокруг которого собирается целое направление молчальников.

Сергий Радонежский – образ русского исихазма. Г.П. Федотов так оценивает деятельность старца: «Для нас все это новое аскетическое движение покрывается именем Святого Сергия. Большинство из его современников были его “собеседниками”, испытывали на себе его духовное влияние... Духовная генеалогия русских подвижников XV в. почти неизбежно приводит к преподобному Сергию как общему отцу и наставнику» [382, с. 306–307]. Сергий Радонежский обладал таинственными видениями, что свидетельствует о скрытой духовной жизни. Русские богословы считают Сергия Радонежского первым отечественным мистиком, который оказал значительное влияние на развитие исихазма в средневековой Руси.

Если Сергий Радонежский был первым, кто подошел к практике исихазма и ее основанию, то Нил Сорский (в миру Николай Федорович Майков) (1433–1508 гг.) – основатель скитского жительства на Руси – не только продолжал на Руси традиции исихазма, но и отразил их в своих сочинениях. Он передал свое собственное увлечение идеями исихазма всему направлению, им основанному – нестяжательству. Нил Сорский, приняв постриг в Кирилло-Белозерском монастыре, осуществил подвиг длительного паломничества в Палестину, Константинополь, на Афон. Довольно продолжительное время он прожил на Афоне, детально ознакомившись с учением исихазма, и приняв идеи Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита. По возвращении он организовал монастырь на реке Соре, который, наряду с Троице-Сергиевой лаврой, стал центром распространения исихазма. Согласно учению исихазма Нил Сорский во главу своих исследований ставил вопросы внутреннего развития человека – «умное делание». Для этого «он внимательно изучал и опытом проходил наставления богомудрых древних отцов: Антония Великого, Ефрема и Исаака Сирина, Варсонофия, Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея, Максима Исповедника, Исихия, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина,

Григория, Нила и Филофея Синайских», – пишет О.Б. Ионайтис [138, с. 207], что свидетельствует о богословско-философско-психологических интересах Нила Сорского. Основываясь на идеях Симеона Нового Богослова и Григория Синаита о «делании сердечном и мысленном блюдении, и умном хранении различными словами» [284, с. 84], он формулирует свою главную идею – «от сердца исходят помышления зла и оскверняет человека» [там же, с. 88] и, следовательно, борьба со злом должна начинаться с очищения собственного сознания – «внутреннее сосуда очищать» [там же]. Невидимая «мысленная брань» поражает душу человека, дестабилизирует его – «выворачивает наизнанку». Нил Сорский призывал хранить ум как «око душевное», постоянно пребывать в «мудровании» и «рассуждении духовном». Он подчеркивал, что внешние поступки («телесное делание») есть лишь «лист точию», а внутренние свершения («умное делание») подлинно плодоносно – «плод есть» [там же].

Анализ Молитвы Нила Сорского позволяет заключить о его стремлении осмыслить содержание своего внутреннего мира, действий и поступков – проявление личностной рефлексии. Так, он осуждает себя за гордыню, высокомерие, ложь, немилосердие, несострадание, осуждение, зависть, ярость, гнев, самолюбие, обиды, мщение, злопамятство, гнев, дерзость, лукавство, лесть, лицемерие, жестокосердие, многословие, леность и др. Далее он подчеркивает, что чужие мельчайшие грехи заметны, а собственные великие грехи всегда оправдываются. Он задается вопросом: «Как смогу помочь себе не погибнуть?». Ответ на этот вопрос мы находим в его труде «Наставление о душе и страстях».

В *«Наставлении о душе и страстях»* Нил Сорский дает психологический анализ развития страстей в душе человека, выделив основные стадии их формирования. Так, причиной человеческих страстей является внешний мир, предметы и явления действительности. С помощью чувств они «объявляются» уму и преобразуются в простые идеи («помысел прост»). Эта есть первая ступень развития страсти – «прилог». Если ум не проникается им,

не приемлет его, то сам по себе «прилог» безразличен, «безгрешен». Если же ум принимает помысел («прилог»), тогда человек переходит на вторую ступень – «сочетание», то есть соединение возникшей идеи с «произволением» человека, его волей. На этой ступени человеку важно понять, что богоугодна только такая мысль, которая может быть направлена в сторону благих деяний. Любая другая мысль должна быть устранена целиком без колебаний, чтобы не возникло «сложение», то есть согласия души с тем, что «глаголет вражеский промысел». Иначе наступает «пленение», и в конечном итоге утверждается «страсть». При этом уточняется, что страсть наступает в тот момент, когда «пленение» из случайного, иррегулярного становится стойким, регулярным, всепоглощающим, характеризующим личность человека. То есть страсть начинает управлять человеком, указывать как себя вести и что делать: «Долгое время в душе гнездясь и будучи затем ее обычаем, переведена как бы в нрав, сама потом к человеку как усвоенная самопроизвольно приходит, обуревая постоянно страстными помыслами, от врага влагаемыми, утвердившись от сочетания и частого собеседования и став обычной от многого помышления и мечтания» [284, с. 93–98].

Основные этапы развития страстей мы отразили в рисунке 24.

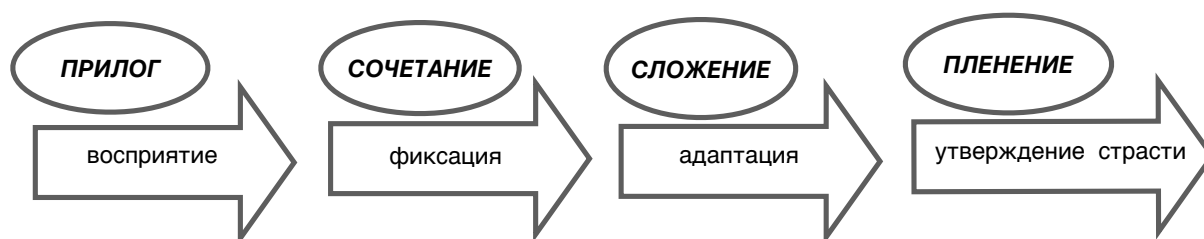

Рис. 24. Основные этапы развития страстей (по Нилу Сорскому)

Далее Нил Сорский отмечает: чтобы избежать пленения, любое дело необходимо начинать с «мудрования», с рассуждения, чтобы не поработилась

душа ощущениями, а ум был очищен от «лукавых помыслов». Разумение есть раскрытие богооткровенной тайны, благоразумие – умолчание о ней, признание ее непостижимой, слишком высокой и глобальной для человека. Благоразумие уравнивает ум, освобождая и очищая его от словесных форм. От того оно равнозначно молчальничеству, исихии.

Ссылаясь на Исихия Иерусалимского, Нил Сорский в своем «Большом Уставе» в главе «О нашей борьбе с ними, и что памятью Божией и хранением сердца, то есть молитвой и безмолвием умным, должно побеждать их, и о том, как это делать» говорит, что «надо сопротивляться лукавым помыслам сколько силы у нас есть». Он группирует «противоборства» страстям: 1) «прилог блюсти», то есть отсекают негативное на начальном этапе; 2) «сердце имети глубоче, молчаше от всякого помысла, и молитися», то есть необходимо стремиться к внутренней сосредоточенности духа, не допускающей внешнего воздействия; 3) «Господа Иисуса Христа на помощь призывати», то есть повторять определенные защитные молитвы; 4) «память смертную имети», то есть размышления о быстротечности земного бытия не должны покидать познающего. К этому еще добавляет молчание [284, с. 98–115].

Таким образом, только усилием воли и изменением образа жизни человек сможет преодолевать свои страсти. В главе «О различии видов нашей борьбы и победы над восьмью первоначальными страстными помыслами и прочими» Нил Сорский указывает на восемь пороков, порождаемых страстями: чревоугодие, прелюбодеяние, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Человек должен работать над собой и в противовес порокам воспитывать в себе добродетели (пост, целомудрие, нестяжательство, милосердие, веру, терпение, скромность, смирение) [там же, с. 122–149].

По мнению Нила Сорского, целью жизни человека должно быть не умерщвление плоти, а внутреннее, нравственное самосовершенствование, которое развивается «под воздействием страха Божьего, когда подавляется влияние плотской и душевной (то есть связанной с пятью чувствами) части ума

и рождается “разум духовный”» [там же, с. 168]. Страх Божий способен вызвать у «молчащего» человека умиление, сострадание, плач, который очищает душу и просветляет ум («теплые слезы»): «хотящий избавиться от грехов, плачем избавляется от них, а хотящий не обрести их, благодаря плачу не обретает их. Это ведь и есть путь покаяния и плод его» [там же], а плач, идущий от сердца, ведет к спасению души.

Следует подчеркнуть, что категории, используемые Нилом Сорским («плетение», «страсть» «теплые слезы» и др.), помогают конкретизировать психологические особенности личности человека. В этой связи В.Г. Егоркин отмечает, что терминологическая деятельность Нила Сорского – это «закономерная ступень развития древнерусской гносеологической терминологии в русле мистико-символической тенденции, когда философское содержание текста начинает прорывать свою религиозную оболочку и актуализироваться эксплицитно, в данном случае – в форме попытки верифицированной дефиниции» [115, с. 64–67].

Нил Сорский, основываясь на практике исихазма, указывал на необходимость создавать и воспитывать свободную, мыслящую личность.

У Нила Сорского были последователи. Наиболее известные – Максим Грек, Гурий Гушин, Артемий Троицкий.

Максим Грек (1470–1556 гг.) был знаком с сочинениями исихастов и принимал активное участие в их дискуссиях по актуальным вопросам. В Москве он организовал своеобразный философский кружок, в котором обсуждались и проблемы, связанные с психологией человека.

Максим Грек сочетал идеи патристики и идеи византийского мистицизма. После осуждения своей деятельности и ссылки из Москвы Максим Грек возродил разъяснение и распространение идей исихатских мыслителей и нестяжателей, и даже организовал обсуждение их воззрений на философских беседах в Троице-Сергиевом монастыре, участие в которых принимали Иван Грозный, Андрей Курбский, настоятель Артемий и др. В таких сочинениях

Максима Грека, как *«Беседа Души и Ума»*, *«Беседа Ума к Душе своей»* излагаются его психологические воззрения, основанные на позициях Платона и неоплатоников. В произведениях Максима Грека (а это напутствия в форме притч, посланий) человек, душа, ум, чувства и др. рассматриваются через символы.

В произведениях Максима Грека представлен сложный внутренний мир человека. Он использует различные образы: душа – зеркало, которое может заржаветь от плотских страстей или, «покрывшись толстым слоем пыли, не может воспринять блеска солнечного сияния» [216, с. 5]; «душа – воск, умягчающийся от духовной теплоты; душа – земля, плодоносящая или засыхающая по вышней воле; душа – корабль, плывущий по бурным волнам житейского моря к «гавани небесного пристанища» («Как корабль, лишившись мачты, канатов, парусов и самого руля, носится ветром туда и сюда, ударяемый постоянно силою громадных волн, или же, наткнувшись на камень, разбивается волнами и погрязает в глубине, так и мы, постоянно подвергаемся нападению пагубных страстей, ибо погубили без ума прежнюю свою красоту, подчинившись льстивому обману змия») [там же, с. 36]. Страшным врагом для души Максим Грек определил самолюбие человека.

В человеке Максим Грек выделил три начала: плотское (чувственное), душевное (волевое) и духовное (разумное). Живущий по плоти уподобляется животному, человек «душевный» ориентирован на свои желания, только «духовный» человек способен к возвышенной духовной деятельности, а это и есть предназначение человека. Именно ум – «кормчий души» – должен доминировать в человеке: ум был «поставлен Создателем как бы некоторым властелином, как царь какой, владеющий укрепленным городом, или как некоторый искусный кормчий, управляющий всем телом посредством своих искуснейших умственных мановений, как наездник какой, который, будучи сброшен свирепым конем, лишается победы, а часто даже и самой жизни», – подчеркивает мыслитель [216, с. 32]. Ум помогает душе избегать «суетное

мудрствование плотоугодников» и выстраивать жизнь «держась нрава целомудренного» [там же, с. 5]. Ум «относительно навыка ничем не отличается от воска и бумаги. Как на этих, какия кто хочет, такия и начертывает слова; так и человеческий ум: к каким навыкам и обычаям приучишь его – к добрым или злым – в тех он прибывает до конца и охотно живет в них» [там же, с. 104–105]. Ум человека «самовластен», но его необходимо совершенствовать нравственно и духовно, чтобы он мог управлять душой и телом.

Характеризуя чувства человека, Максим Грек использовал образ «пятичисленных дверей», через которые в дом души проникает информация о внешнем мире (образы, звуки, запахи).

Максим Грек настоятельно указывал на необходимость устремления и сосредоточения человека на внутреннем мире, на идеях истинного христианства, поскольку именно это является смыслом существования человека. Идея евангельской любви является основной в творчестве Максима Грека. Он подчеркивал необходимость жить согласно заповедям, всеми силами стремиться к просвещению души, а государство должно обеспечить необходимые условия для развития самосознания и совершенствования любого человека. М.Н. Громов сравнивает Максима Грека с Платоном [80].

Идея исихазма отразилась и в творчестве Артемия Троицкого. Он был игуменом Троице-Сергиева монастыря и играл видную роль в церковной жизни Руси в XVI в. В 1553 г. был сослан в Соловецкий монастырь. Артемий Троицкий выступал против протестантизма и различных ересей, призывал к изучению истинного христианства, то есть внутреннему деланию, аскетическому подвигу безмолвия и собирания духа, о чем очень подробно и точно отражено в византийской литературе, которая оказала на его сильное влияние: в основном он переводил и публиковал сочинения Василия Великого, Исаака Сирина, Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина.

В человеке Артемий Троицкий как и Максим Грек выделил три компонента, три начала: плотское («преестество»), душевное («естество»), духовное («вышеестество»). Ведущим компонентом является духовное начало.

На рисунке 25 представлены составляющие души, выделенные Максимом Греком и Артемием Троицким.

Рис. 25. Три основы человеческого существа
(по Максиму Греку и Артемию Троицкому)

Большее внимание Артемий Троицкий уделял процессу познания, так как именно оно дает человеку возможность осознать себя как сотворенного по образу и подобию Творца, понять себя, совершенствовать себя. Эта сложность процесса познания делает его бесконечным. Искажённым «мудрствованием» является стремление к самоутверждению ума как самоцели познания вместо стремления к истине в очищенной и «бескорыстной» душе. Через «смиренную мудрость» человек, правильно осознавший цель познания, восходит к горней Премудрости, связанной сконцентрацией духовных сил, нравственным совершенствованием. Двигаясь по пути познания, человек приходит к осознанию «благости безмолвия» и необходимости удаления в уединение. Человек должен обратить взор в сердце свое. Только тогда, когда человек освободится от пут, его обременяющих, он сможет развивать в себе добродетели (мужество, целомудрие, надежду, любовь и др.) [138–139].

О.Б. Ионайтис отмечает, что влияние исихазма прослеживается в искусстве Московской Руси, прежде всего, в древнерусской иконописи Андрея Рублева и Феофана Грека. Исихазм был связан с уходом из мира человеческих взаимоотношений. Русские аскеты XIV в. особое значение придавали выбору местности для иноческого подвига, так как людской мир не дает возможности безмолвия, отвлекая человека от возможности сосредоточить свое внимание на внутреннем мире, мешает процессу самосовершенствования – «умном делании». Этим объясняется массовое движение монастырей на русский север [138].

Как было отмечено выше, особая роль в исихазме отводилась любви и сердцу. М.Н.Громов отмечает, что влияние исихазма сказалось на вопросах воспитания: воспитание сердцем, в первую очередь с помощью любви и милосердия. Любовь, заключенная в сердце, ждет освобождения «от плена зла», она способна изменить, духовно преобразовать практически любого человека. Он указывает: «в отечественной философии тема любви и сердца занимает особое место, ибо ее с давних пор отличает преимущественное стремление не к дискурсивно-рассудочной, но к эмоционально-взволнованной манере изложения мыслей, образов и концепций. Ее исповедальный, экзистенциальный характер также способствовал превращению философии не в узкий набор профессиональных дисциплин, но в серию страстных, сменяющих друг друга, взаимно полемизирующих смысложизненных учений, где важнейшим было вопрошание о смысле человеческого существования» [84, с. 23].

Особо значимую роль в христианском просвещении русского народа выполняли духовники, авторитет которых был очень высок. Духовные отцы выполняли функцию психолога, психотерапевта, их называли духовными лекарями. Для окружающих факт существования священника (старца), к которому можно обратиться в любое время, оказывало поддерживающее влияние. В отличие от светской психотерапии, священник даже в наше время буквально старается исполнять роль «отца».

Духовники ориентировались на религиозный опыт, который был связан со смыслом жизни личности и предназначением человека. Религиозный опыт определял принципы, которые регулировали человеческую жизнь и придавали ей смысл. Религиозная, священная жизнь не смешивалась с секулярной. Для людей одной идеи Бога было недостаточно, они нуждались в конкретно-символической форме воплощения этой идеи, в таких чувственно-наглядных представлениях, с которыми можно самому вступить во взаимодействие (икона, исповедь, покаяние, молитва, житие).

На основе вышесказанного нами выделены основные позиции, развиваемые в деятельности русских религиозных мыслителей-исихастов:

- 1) признание ценности каждой личности, что способствовало избавлению от чувства неполноценности, бессилия и беспомощности;
- 2) обеспечение психической внутренней стабильности на основе невидимой постоянной связи с Богом;
- 3) формирование устойчивых религиозных жизненных ценностей, вселяющих веру в себя, в добро, справедливость;
- 4) молитва, способствующая сосредоточенности на возвышенном, являющаяся источником душевного самочувствия;
- 5) исповедь и отпущение грехов, снимающие напряженность, беспокойство, чувство вины, ведущие к благотворному для психики расслаблению и душевному равновесию, психологическому здоровью;
- 6) строгая регламентация поведения, способствующая личностному самосовершенствованию.

Итак, в данном параграфе нами обозначено, что в период русского средневековья существовало понимание значения молитвы, покаяния, исихазма для психического здоровья человека. Психологическое познание и помощь были органической частью религиозной практики. Русские мыслители внесли огромный вклад в познание человеческой души, ее состояний, методов

духовного исцеления, оказание психологической поддержки и помощи, используя разные приемы воздействия на разные сферы психики: познавательную, эмоциональную, поведенческую. Можно сказать, что в период русского средневековья были заложены основы святоотеческой психотерапии, было разработано полное, целостное, систематизированное и действенное учение о врачевании и спасении души и тела человека.

§ 4.4. Психологические знания как предмет преподавания в духовных семинариях

Психологическое познание в средневековой Руси развивалось в рамках богословия и имело свою специфику. В XVIII в. русский богослов Феофилакт Лопатинский писал: «Древнерусское любомудрие не питало особых пристрастий к системности, поскольку содержание тогда, по существу, превалировало над формой. На Руси издавна прижился духовно-практический способ освоения мира, причем философия понималась как мудрость, добродетельная жизнь, одно из средств успешного продвижения к горнему. Древнерусская мысль, не доверяя человеческому рассудку, тяготела к логосу – категории, которая включала в себя и слово, и мышление, и пластические образы. Поэтому древнерусское образование предполагало вдумчивое чтение назидательной литературы, ее правильное истолкование (начетничество), размышления о прочитанных книгах, любование прекрасными предметами, добродетельный образ жизни» [206, с. 3].

В XVI – XVII вв. русская психологическая мысль выходит на новый виток своего развития. Возникают учебные учреждения, духовные школы, коллегии для получения высокого уровня православного образования, в которых психологические знания становятся предметом преподавания.

В 1576 г. на средства князя Константина Острожского была открыта Острожская академия. Ее называли в то время «украинскими Афинами», так как это учреждение имело самый высокий образовательный уровень среди всех восточнославянских учебных заведений.

Острожская типография под руководством Ивана Федорова, открытая при академии годом позже, сделала ее основным центром культуры, образования и книгопечатания в Восточной Европе.

Константин Острожский привлекал к работе ученых со всей Европы, синтезируя в стенах академии тенденции и особенности как византийского, так и западноевропейского мышления. При Острожской высшей школе был открыт научно-литературный кружок. Первым ректором академии стал писатель и педагог Герасим Смотрицкий. В академии преподавали грамматику, диалектику, риторику, арифметику, геометрию, музыку, астрономию, философию (в том числе раздел психологии), богословие и медицину.

Просуществовала Острожская академия всего 60 лет, выпустив более 500 учеников.

Попытки создания академии как высшего образовательного учреждения, в котором помимо прочих предметов преподавалась бы и философия, были предприняты еще Борисом Годуновым, стремившимся пригласить в Россию немецких ученых. От этой идеи он вынужден был отказаться из-за активной оппозиции духовенства.

Знаменательными моментами в становлении русской академической философии явились: учреждение греко-латинской школы при Патриаршем дворе, более известной в истории под названием Ртищевской (время деятельности 1648–1673 гг.), открытие Спасской школы (с 1665 по 1667 гг.), организация Типографской и Богоявленской школ (с 1682 по 1685 гг.). В этих заведениях научные дисциплины не излагались систематически, ученики получали отрывочные, поверхностные знания, поэтому, как отмечал Ф.

Лопатинский, с открытием Московской славяно-греко-латинской академии деятельность училищ постепенно сворачивалась [206].

Как отмечает В.Н. Белов [32], в конце XVII в. в России складывается профессиональная философская мысль: философия стала выступать в виде целостной системы теоретического знания, обозначилась как самостоятельная научная дисциплина.

Профессиональное философско-психологическое образование в России берет свое начало с лекций, читавшихся в стенах Киево-Могилянской (позднее преобразованной в Киевскую академию) и Московской славяно-греко-латинской академий. В XVII в. психология становится предметом преподавания в рамках курса физики как одного из разделов философии.

Киево-Могилянская коллегия (академия) –1632 – 1812 гг.

Под покровительством архимандрита Елисея Плетенецкого при типографии Киево-Печерского монастыря первоначально был создан кружок Киевского Богоявленского братства, переросший в школу (1615 г.). В 1632 г. было организовано новое учебное заведение – Киево-Братская коллегия, впоследствии Киево-Могилянская академия – высшая школа, основанная архимандритом Киево-Печерской лавры, митрополитом Киевским и Галицким Петром Могилой. Она не была специфически церковным учреждением, ее можно отнести к светскому учебному учреждению, хотя преподавание осуществляли в основном представители духовенства. Гордостью академии была уникальная библиотека, собирать которую начали при Петре Могиле.

В коллегии принимали детей всех сословий: духовенства, горожан, казаков, крестьян. При ней имелся Сиротский дом. Возрастных ограничений для поступления не существовало. Значительную часть воспитанников академии составляли иностранные студенты: поляки, сербы, греки, черногорцы, румыны и др.

Киево-Могилянская академия имела 8 классов, делившихся на младшие, средние и старшие. Продолжительность обучения в академии доходила до 12 лет. Возрастного ограничения для обучения не было.

К преподавателю академии предъявлялись очень высокие требования. Среди ее преподавателей были Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович, Епифаний Славинецкий, Стефан Яворский. Воспитанниками академии были писатели, просветители и церковные деятели: М. Бантыш-Каменский, Г. Сковорода, несколько иерархов, причисленных Церковью к лику святых: Феодосий Черниговский, Дмитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский. Выпускники академии открывали учебные заведения по киевскому образцу в Москве, Санкт-Петербурге, Архангельске, Астрахани, Вятке, Казани, Костроме, Могилеве, Новгороде, Смоленске, Суздале, Твери. Фактически выходцы из Киево-Могилянской академии заложили основы системы образования в Российской империи. Значительная группа преподавателей пополнила состав Московской Славяно-греко-латинской академии.

Среди профессоров академии, чьи рукописные курсы дошли до нашего времени, наиболее известны Иннокентий Гизель, Иосиф Горбацкий, Иоасаф Кроковский, Стефан Яворский, Иннокентий Поповский, Феофан Прокопович, Христофор Чарнуцкий, Георгий Конисский. Изначально преподавание велось на латинском языке. Содержание психологических курсов известны нам благодаря трудам П.М. Пелеха [259], М.В. Соколова [347–349]. П.М. Пелех подробно исследовал латинские рукописи курсов психологии, читавшихся в Киево-Могилянской коллегии XVII в., хранящиеся в Государственной библиотеке Украины. Сохранились следующие рукописи: «Учебник логики» профессора философии Иосифа Горбацкого (1639 г.); «Трактат о душе» профессора философии Иннокентия Гизеля (1645–1647 гг.); «Трактат о душе» неизвестного автора, предположительно – Иосифа Кроковского (1687 г.); «Психология, или трактат о душе», предположительно – профессора Стефана

Яворского (1693 г.) и «Психология, или трактат о душе», по некоторым предположениям – профессора Иннокентия Поповского (1702 г.).

В период русского средневековья психологией называли науку о «жизненных операциях живых тел» – растений, животных и человека. Под «операциями» подразумевали такие функции, как рост, питание, размножение, передвижение, ощущение, мышление, хотение и др. Русские философы стремились от наблюдения и описания отдельных операций переходить к обобщенному постижению их сущности.

В целом, они были убеждены в превосходстве веры над разумом. Однако, как подчеркивает М.В. Соколов, будучи апологетами церкви, в некоторых вопросах они рассуждали на языке материализма. Подход к объяснению психических явлений был аристотелевским. Так, предмет психологии распространялся на область компетенции современных нам физиологии и биологии. Они признавали наличие психической деятельности у животных, указывая на существенное отличие психики человека от психики животных: только человеку свойственен интеллект и разумная воля. Сущность души истолковывалась по Аристотелю. «Душа, – говорится в одном из курсов психологии, – это первый акт физического органического тела, имеющего способность жизни. Первым, или потенциальным, актом душа именовалась потому, что в ней видели источник вторичных актов, или операций. Иначе говоря, отношение души как “первого акта” (*actus primus*) к психическим операциям как “вторичным актам” (*actus secundus*) – это отношение сущности к явлениям, возможности к действительности. Субстратом души как первого акта и операций как вторичных актов является “определенным образом организованная материя”. Тело относится к душе, как материя к форме. Поэтому душа определяется еще как “форма физического органического тела, способного к жизни”» [347, с. 256].

В курсах, освещавших психологические воззрения, отмечалось, что не только растительные функции (питание, рост, размножение) выводятся из

материи, но и такие психические процессы, как ощущения, восприятие, память, воображение и образное мышление. Отсюда следует, что природа чувственной человеческой души – материальна, так как она «выведена» из материи. Также они пытались объяснить спецификацию органов чувств, связывая ее с разнообразием внешних объектов, действующий на человеческий организм.

В курсах психологии XVII в. давалось подробное анатомическое описание органов чувств и головного мозга. Выделяли головной мозг как центральный орган психических функций. Органы чувств связаны посредством нервов с мозгом. И. Кроковский подчеркивал, что органы чувств – это «выдвинутые вовне органы мозга, который воспринимает через них внешние предметы» [259, с. 20].

И. Кроковским была предпринята попытка подробно объяснить процесс чувственного познания. Отмечалось, что чувственное познание возможно благодаря контакту между познающим субъектом и познаваемым объектом. Выделяли неосознанный «след» в мозгу (это еще не ощущение) и собственно ощущение как результат воздействия предмета на органы чувств. Осознанным ощущением (*sensation*), или «выраженным видом» (*species expressae*), этот мозговой след становится при двух условиях: если он обладает достаточной интенсивностью и если на него направлено внимание (так, можно смотреть на предмет и не видеть его, если человек обращает внимание не на этот предмет, а на что-либо иное). «Выраженные виды» – это образы познанных объектов. «Виды», полученные от отдельных органов чувств, синтезируются мозгом в «общий» образ предмета. Эта функция получила название «общее чувство». Посредством общего чувства воспринимаются не только внешние предметы, но и самые акты восприятия (рефлексия). Как отмечал И. Кроковский, человек видит дерево и вместе с тем знает, что он его видит. Рефлексия свойственна только людям.

В психологических курсах отмечалось, что интеллектуальное познание строится на чувственном познании, что образы чувственного познания

составляют необходимое условие возникновения понятий. По этому поводу П.М. Пелех замечает, что этот тезис, приоритет выдвижения которого приписывается Локку (1690 г.), высказал почти на полвека раньше Иннокентий Гизель в 1645 г. [259, с. 25]. Уточнялось, что область интеллектуального познания составляет общее, универсальное в вещах, в то время как область чувственного познания – отдельное, особое.

И. Горбацкий попытался объяснить механизм формирования понятия как формы мышления. Он считал, что общее, существующее в единичных внешних вещах, не является абсолютно единым в них, а чем-то в известном отношении сходным в каждой из них. Интеллект абстрагирует сходное от несходного и, образуя общее понятие для отображения сходного как единого, закрепляет это единство в термине. Следовательно, формирование понятий объяснялось следующим образом: внешние предметы отражаются как образы в чувственном познании. Интеллект сравнивает эти образы предметов и находит в них сходные признаки, абстрагируя их от несходных. Такое абстрагирование возможно только благодаря вниманию, то есть активности самого познающего субъекта. Но сходные признаки, на которые интеллект направляет внимание, могут быть существенными и несущественными (случайными). Существенные признаки чаще повторяются; они сливаются в общий образ, в общее понятие, которое объединяет в себе сходное, существующее во многих вещах. Эти первые понятия определяются И. Горбацким как «диффузные», «нечеткие» понятия, так как в них существенное сходное еще не отдифференцировано от несущественного. В дальнейшем процессе интеллектуального познания происходит дифференциация существенного от несущественного, необходимого от случайного, вследствие чего понятия становятся четкими и ясными. При этом начальные (первичные) понятия он рассматривал как незавершенные, на которых нельзя строить систему знаний, пригодную для того, чтобы передать ее другим людям. Они должны быть зафиксированы при помощи терминов.

В курсах по психологии также отражена проблема понимания. Понимание рассматривалось как постижение интеллектом сущности предмета в адекватных терминах. Если человек знает существенные, необходимые связи конкретного предмета с другими, без которых он существовать не может, то понимает, почему он такой, а не иной. Понимание имеет разные ступени ясности и четкости. Можно просто воспринимать какие-либо явления и совсем не понимать их существенных связей. Можно понимать их туманно, неполно и диффузно, смешивая необходимые и случайные связи. Можно понимать их полно, ясно и четко, выделяя все существенные связи и отличая их от несущественных. Понимание будет завершено, когда субъект сможет словами развернуто объяснить другому суть данных явлений со всеми их существенными связями.

В курсе психологии рассматривались вопросы памяти. Различали память чувственную (*memoria sensitiva*) и интеллектуальную (*memoria intellectualis*). Чувственная память – воспоминание ранее воспринятых предметов и представление их такими, какими они были восприняты. Также рассматривались вопросы, связанные с воображением (*immaginatio*) и фантазией (*phantasia*). Если возникшие представления сходны с прежними образами восприятия, то это – фантазия. Если же они скомбинированы из прежних образов восприятия и не сходны с тем, что было воспринято когда-то, то это – воображение.

В курсе по психологии значительное место отводилось вопросу о сне и сновидениях. По определению И. Гизеля, сон – это «связывание» внешних органов чувств и произвольных движений для здоровья и отдыха организма. Это «связывание» состоит в том, что вследствие утомления организма нервы, соединяющие органы чувств с мозгом, загрязняются разными «парами» и «животные духи» не могут передавать в мозг образы внешних предметов, следовательно, человек ничего не воспринимает. При неглубоком сне нервные пути не «связаны». Запечатленные в мозгу образы оживают, разнообразно

соединяются и дают образы воображения, то есть сновидения. Чаще всего в сновидениях отражается то, что человек делал, чего желал, о чем думал в бодрствующем состоянии.

В курсе психологии на основе гуморального подхода объяснялись вопросы, связанные с индивидуальными особенностями человека. Говорилось о «праосновной жидкости» (chylus) животных и человека, которая частично являлась врожденной, а частично зависела от питания в течение жизни. Из нее в печени вырабатываются четыре жидкости организма (кровь, желчь, черная желчь и слизь), которые, перерабатываясь в сердце под влиянием его жара, продуцируют очень нежное вещество – «жизненные духи» (spiritus vitals). Это вещество разносится кровью по всему организму и является основой для всех жизненных функций. Считали, что от темперамента зависит характер сновидений. Так, меланхоликам свойственно видеть печальные и страшные сны – смерть, похороны и т. п.; холерикам обычно снятся споры, борьба; сангвиникам – веселые любовные приключения, огонь, полеты в воздухе; флегматикам – вода, дождь, реки, плавание в воде.

В психологическом курсе использовался термин «деятельность», обозначающий целенаправленную активность, свойственную только человеку. В качестве основы активности человека выделяли потребности, вызывающие стремления к какому-нибудь предмету для удовлетворения потребности. Стремление возникает лишь при наличии в голове образа соответствующего предмета. Человек, в отличие от животного, при помощи интеллекта оценивает, полезен или вреден для него тот предмет, образ которого возник у него в голове. При этом он еще обдумывает, нет ли других, лучших предметов для удовлетворения его потребности. Перед ним встает вопрос о том, может ли он овладеть предметом и каким способом это необходимо сделать. Когда он взвесил все возможности, то предмет, который он выбрал, становится целью его деятельности. При этих условиях деятельность человека разумна и свободна. Один из преподавателей психологического курса Кононович-

Горбацкий определяет волю как способность человека ставить себе цели и находить способы их реализации. Он приводит пример: архитектор хочет построить здание, он вызывает в своей голове идею здания в соответствии с правилами архитектурного искусства, создает идеальную форму этого здания, представляет себе необходимые средства для постройки здания (камень, дерево и пр.) и потом материально воплощает эту идею.

Уточнялось, что воля человека разумна, если она полностью подчинена интеллекту. Если же она действует вопреки советам разума, то она неразумна, легкомысленна. Таким образом, разум и воля – это две разные, хотя и родственные, потенции. Для успеха действий необходимо их единство. Но разум – только советник воли, которого она может слушаться, а может и не слушаться. В связи с этим рассматривалась проблема свободы воли. Русские средневековые ученые считали, что говорить о свободе воли можно только тогда, когда человек имеет возможность выбирать как среди объектов хотения, так и среди способов овладения тем или иным объектом. Где нет выбора, там нет и свободы воли. Возможность выбора дает интеллект. Только опираясь на интеллект (его рекомендации), человек может со знанием дела выбирать, хотеть что-либо или не хотеть. Если интеллект предлагает воле только один предмет, а не несколько, и если не указывает в этом предмете никаких вредных сторон, то воля человека в таком случае не будет свободной, он будет хотеть этот предмет с необходимостью. На курсах приводился следующий пример: «Петр имеет знание, которое склоняет его к любви только к данному объекту без всякого выбора. Но вот интеллект указывает Петру на те или иные недостатки в объекте его любви. Воля Петра имеет теперь возможность выбора. Если он взвесит все положительные и отрицательные стороны объекта и решит все же любить его, то его акт воли станет свободным, потому что осуществляется на основе выбора» [347, с. 269].

Отмечалось, что волевые акты детей, пьяных, психически больных не могут быть актами свободной воли, так как они не обусловлены интеллектом.

В курсах по психологии имело место объяснение волевых актов в их связи с потребностями и условиями жизни человека, в их отношении к внешним материальным предметам и в познании этих предметов. Внешний предмет сам по себе не есть побудитель к деятельности. Он должен быть идеально представлен в голове как полезный или вредный, и только при этом условии он становится целью деятельности.

И. Гизель предлагал различать три вида стремлений (*appetitus*): природное; чувственное; волевое (или разумное).

От понятия чувственного стремления делался переход к понятию эмоций (*passiones*). Эмоции рассматривались как формы проявления чувственного стремления. Механизм такого стремления связан с возбуждением «животных духов» – носителей образов тех предметов, которые становятся объектами стремлений. Если внешний предмет, отражаясь в нежном веществе мозга, оценивается человеком как полезный для него, причем никаких трудностей для овладения им не возникает, то стремление к предмету окрашивается эмоциями любви, желания и радости. Если же предмет оценивается как вредный, и при этом его беспрепятственно можно избежать, то волевые акты сопровождаются эмоциями ненависти и печали. При наличии же препятствий для овладения предметом или для устранения от него возникают эмоции надежды, отчаяния, страха, смелости и гнева.

По мнению И. Гизеля, особыми «аффектами разумной души» являются смех и плач. Проявляются эти противоположные эмоции по-разному. От плача сердце сжимается, глазные мышцы сокращаются и выжимают из глаз слезы. Но сами слезы еще не плач. И. Гизель образно уточняет: проливают слезы и крокодилы, но это не означает, что у них имеется эмоция плача; признаки смеха можно наблюдать и у обезьян, но это не есть настоящая эмоция человеческой радости. Эмоции смеха и плача зависят от индивидуального темперамента. Сангвиники и холерики по своей природе склонны к смеху, потому что в них больше жара и жизненного духа, а также потому, что они веселее. Напротив,

меланхолики и флегматики склонны к плачу, потому что жара и жизненного духа в них меньше и им свойственна печаль.

Видным представителем психологической мысли являлся митрополит Муромский и Рязанский Стефан Яворский (1658–1722 гг.), ученик Иоасафа Кроковского. Он прослушал лекции в коллегиях Львова, Люблина, Познани, Вильно. Возвратившись в Киев, С. Яворский со временем стал префектом Киевско-Могилянской академии.

С. Яворский разработал курс психологии: «Психология, или трактат о душе». Он определял мозг и органы чувств как инструменты психической деятельности человека. Сущность человека понимал как способность познания, именно рациональное мышление расценивал в качестве фактора, определяющего качественное отличие человека от животных. Обращал внимание на активную (деятельную) жизненную позицию, подчеркивал роль труда в формировании нравственности. Смысл жизни он видел в деятельной борьбе с безнравственностью, личностным несовершенством. Он осуждал общественное неравенство и порождаемые им пороки: чрезмерная роскошь, лень, распущенность, нищета.

Таким образом, в Киево-Могилянской академии начали зарождаться научные представления о психических процессах и состояниях человека.

Не меньшего внимания заслуживает исследование деятельности *Славяно-греко-латинская академии* (1682–1814 гг., в 1814 г. преобразована в Московскую духовную академию). Киево-Могилянская академия в значительной мере повлияла на становление профессионального философского образования в России. Опыт Киево-Могилянской академии использовался при организации Славяно-греко-латинской академии, основанной в 1682 г. Идея создания в Москве высшего учебного заведения принадлежала знаменитому богослову, педагогу, переводчику Симеону Полоцкому.

История академии разделяется на три этапа:

1 этап – 1685–1700 гг. – соотносится с деятельностью братьев Лихудов;

2 этап – 1700–1755 гг. – связан с латинским влиянием;

3 этап – с 1775 г. – характеризуется усилением воздействия православной церкви, в результате чего Московская академия стала сугубо духовным учебным заведением, деятельность которого тесно связана с именем митрополита Платона (Левшина).

Как было отмечено выше, основная роль в создании и развитии Академии на первом этапе принадлежала двум братьям – греческим богословам Иоанникию и Софронию Лихудам (светские имена – Иоанн и Спиридон), отличавшихся глубокими энциклопедическими знаниями и трудолюбием.

Братья Лихуды прибыли в Москву по рекомендации Восточных патриархов для оказания помощи в создании на Руси высшего учебного заведения. По своей сути академия была подобна западноевропейским университетам, которые готовили наряду с богословами и специалистов для государственной службы, переводчиков, медиков, преподавателей. Программа академического курса была рассчитана на 12–15 лет. В Академии учились дети разных сословий. Преподавателей приглашали из Киева и Львова, так как они были знакомы с практикой западноевропейского образования.

Образованность братьев позволяла им самим составлять учебники по основным предметам, используя в качестве образцов учебные книги европейских университетов, при этом не калькируя слепо западную систему образования и критически переосмысливая учебный материал с позиций православного учения. Так, Лихуды в своих сочинениях «Акос», «Показание истины», «Мечен духовный» полемизировали с латинским направлением. Этим и отличалась Славяно-греко-латинская академия от западных университетов: она была православной школой, ее характер определялся не западно-христианской схоластикой или умозрительным рационализмом, а учением святых отцов.

В курсе натурфилософии (написан в 1689 г., начал читаться в 1691 г.) Иоанникий Лихуд подробно излагал вопросы психологии, связанные с деятельностью человеческой души.

Изучение философии в академии велось в третьем, старшем классе, где преподавалось усвоение естественной (физики), нравственной (этики), умозрительной (метафизики) мудрости. Братья успели составить сохранившиеся в рукописях учебники «Риторика», «Логика», «Психология», «Физика», построенные в духе поздней схоластики на трудах Аристотеля и его комментаторов с привлечением сведений из современной западной философии. Хотя они не успели прочесть свои курсы (братьев перевели в Великий Новгород, где они основали вторую высшую школу, которая впоследствии была оценена как образцовая: выпускники Новгородской школы открывали учебные заведения в Переславле, Коломне, Туле, Орле и других городах России), их следует признать основателями профессионального преподавания психологии в России, создателями фонда учебной философско-психологической литературы. Психологическое наследие этих ученых пока до конца не исследовано.

Следует отметить, что среди выпускников Славяно-греко-латинской академии был М.В. Ломоносов, который внес значительный вклад в развитие научных психологических знаний в России в XVIII в.

Таким образом, XVI – XVII вв. – период, когда психологические знания становятся предметом преподавания в средневековой Руси (рисунок 26). Преподаватели психологических курсов были знакомы с передовой европейской наукой, они не только распространяли психологические знания, но и активно развивали научные идеи в области психологии.

Рис. 26. Психология как предмет преподавания

Выводы

Изначальная способность русской философской мысли к освоению, постижению и переосмыслению знания и византийского опыта отразилась на генезисе отечественной психологической мысли как системе воззрений, отражающих представления о разнообразных психических явлениях. Именно открытость русского мировоззрения позволила погрузиться во все многообразие философско-психологических исканий, с которыми познакомилась Русь в связи с принятием православия. Но Русь не безотчетно, не механически воспринимала опыт Византии, которая в свою очередь являлась проводником религиозно-философского наследия не только для Руси, но и для других европейских стран, славянского мира. Русские мыслители самостоятельно отбирали из всего религиозно-философско-психологического многообразия то, что для них было наиболее значимым и актуальным.

Уже в период раннего средневековья русский человек мог не только узнать об органах чувств и их функциях, о связи с головным мозгом и пр., но и познакомиться с разными мнениями по вопросу о сущности психического и отношении его к физиологическому.

Художественной формой отражения психологической мысли являлись произведения искусства. Искусство предшествует в своем развитии появлению науки и является одной из основ ее становления. Психологические знания оформлялись в доступные для восприятия и понимания формы, не требующие специальных логических теорий, тем самым способствовали их введению и распространению в народе. Психологический контекст мы обнаруживаем не только в литературных произведениях, но и в древнерусской иконописи. В ней, с одной стороны, аккумулированы психологические воззрения, с другой – она способствовала постижению людьми этих знаний. Вместе с тем иконы выполняли психотерапевтическую функцию, поскольку были призваны успокаивать, освобождать от напряжения, побуждать человека к поступку, придавать уверенность в собственных силах и т. д.

Представители духовенства были наиболее просвещенными людьми своего времени, хорошо осведомленными в вопросах философии и психологии, и ставили своей задачей передать психологические знания другим. Это способствовало созданию специальных образовательных учреждений, в которых преподавался психологический курс, оформлялись первые учебники по психологии.

Русские мыслители внесли значительный вклад в развитие отечественной психологической мысли, они сделали первые шаги в систематической разработке вопросов психологии, ими был выдвинут ряд важных положений и интересных мыслей.

ГЛАВА 5

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ КАК СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

§ 5.1. Особенности психологического познания периода русского средневековья

Материал диссертации позволяет сделать вывод, что психологическую мысль русского средневековья можно рассматривать как систему формирования воззрений о психических явлениях с собственным способом кодирования психологической информации. Эта система содержит несколько взаимосвязанных подсистем, отличающихся интегративностью, иерархичностью, процессуальностью, самобытностью.

Психологическая мысль русского средневековья, с одной стороны, выступает как подсистема русской психологической мысли, являясь аспектом сущности и одним из необходимых условий ее существования.

Научное психологическое знание следует рассматривать как «знание, системно организованное в рамках самостоятельной науки и базирующееся на всей предшествующей истории развития психологического познания» [176, с. 23].

Русская средневековая психологическая мысль является начальным этапом развития отечественной психологии, – этапом, как его определял Б.М. Теплов, накопления «положительных психологических знаний».

На рисунке 27 выделены основные периоды генезиса русской психологической мысли, в качестве начального периода выступают

психологические воззрения, зародившиеся и получившие свое развитие в период русского средневековья.

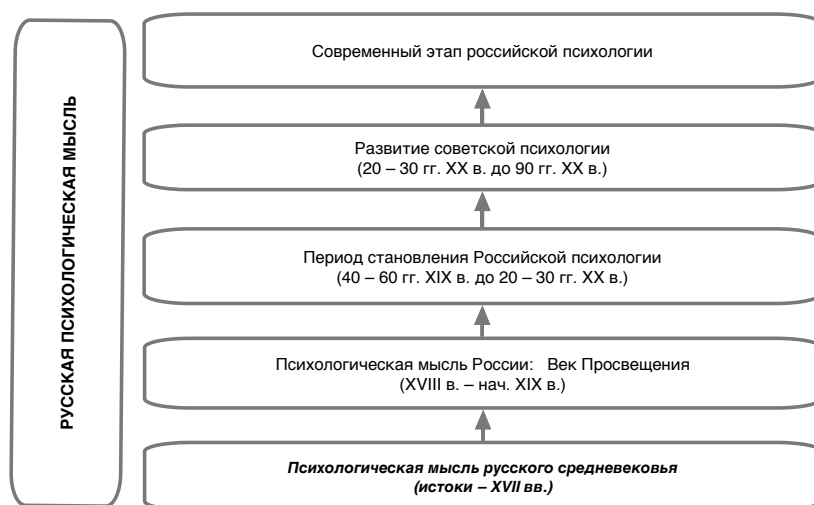

Рис. 27. Периоды развития русской психологической мысли

С другой стороны, психологическая мысль русского средневековья сама может быть представлена как система формирования психологического познания на определенном этапе развития русского общества, характеризующаяся самобытностью. Именно исторические, культурно-социальные, религиозные факторы определили самобытность развития психологической мысли в период русского средневековья. В этот период психологическая мысль трансформировалась в связи с изменениями в сфере общественного бытия и сознания.

На рисунке 28 представлена психологическая мысль русского средневековья как система формирования психологического познания.

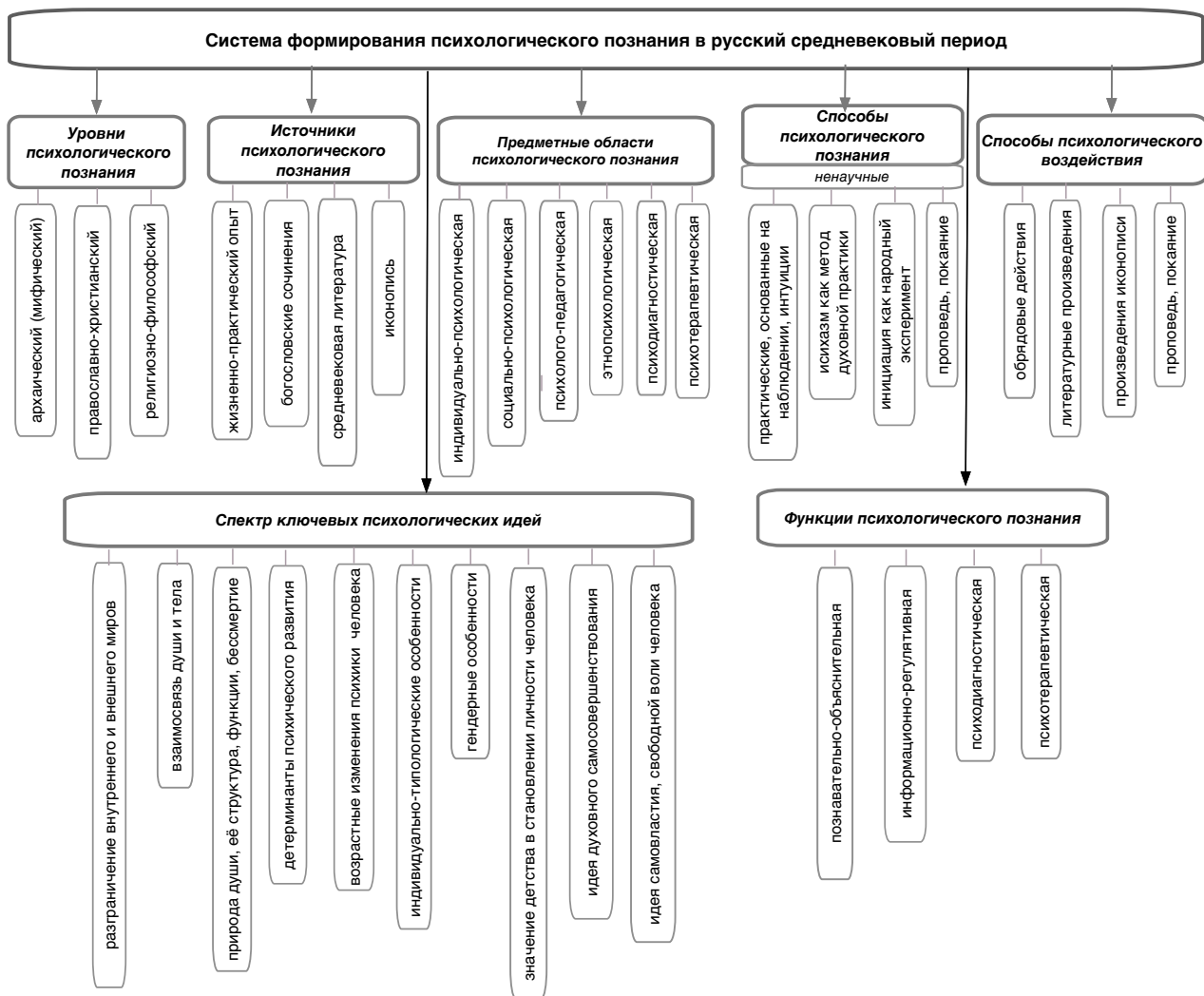

Рис. 28. Психологическая мысль русского средневековья как система формирования психологического познания

Русская психологическая мысль средневековья представлена нами как сложное, динамическое, самобытное явление.

В период русского средневековья активно осуществлялось психологическое познание через различные формы предметно-практической, познавательной и творческой деятельности человека. Существенное влияние на психологическое познание оказывали мировоззренческие установки, определявшие основные формы отражения психологического познания.

Как отмечал В.И. Вернадский, «источники наиболее важных сторон научного мировоззрения возникали вне области научного мышления, вошли в

мировоззрение из других областей человеческого духа; они зародились и развивались под влиянием идей и представлений, чуждых научной мысли», почерпнутых «человеком иным путем», исключая «научные методы искания». С его точки зрения, невозможно «отмежевание» научного мировоззрения от «одновременно или ранее происходившей деятельности человека», поскольку «проявления человеческой жизни тесно сплетены между собой, и могут быть разделены только в воображении» [53, с. 48–49, 51].

На протяжении всего средневекового периода происходила трансформация в психологическом познании. Первоначально психологическая мысль русского средневековья была неразрывно связана с жизнью. Психологические воззрения, формирующиеся в общественном сознании, находили отражение в разнообразных формах: народных ритуалах, произведениях устного народного творчества.

Позже развитие психологических воззрений, анализ психологических идей мы находим в переводных произведениях. Однако, как подчеркивал Д.С. Лихачев, переводная литература имела «самостоятельную жизнь в новых условиях и иногда в новых формах, подобно тому как пересаженное растение начинает жить и расти в новой обстановке» [202, с. 15]. О.В. Творогов обращает внимание: «...то, что Древняя Русь начинала читать чужое несколько раньше, чем писать свое, ни в коей мере не свидетельствует о вторичности русской национальной культуры: речь идет лишь об одной области художественного творчества и лишь об одной сфере искусства слова, а именно о литературе, то есть о создании письменных текстов. Причем заметим, что на первых порах среди памятников письменности было весьма много текстов с современной точки зрения нелитературных – это была в лучшем случае специальная литература: труды по богословию, этике, истории и т. д. Если же говорить о словесном искусстве, то основную массу его памятников составляли в то время, разумеется, незаписываемые фольклорные произведения» [367, с.

13]. Об этом соотношении литературы и фольклора в духовной жизни русского средневекового общества забывать нельзя.

Позже развитие психологических воззрений, анализ психологических идей мы находим в трудах русских богословов. При этом, как отмечает О.Б. Ионайтис, древнерусские книжники «не стремились изобретать уже изобретенное, и когда их взгляды совпадали с хорошо известными концепциями византийцев, они использовали их формулировки как свои собственные. Поэтому некоторые произведения были принципиально анонимны, а некоторые принципиально «получали» авторитетное авторство, которое должно было удостоверить значимость истин, излагаемых в сочинении» [138, с. 20]. Так, сочинения русских богословов Илариона, Климента Смолятича, Кирилла Туровского были значительно шире богословия, что позволяет определить их как философско-психологические произведения. Из этого следует, что самобытность русской средневековой психологической мысли заключается в креативном развитии идей византийских богословов, с которыми она детально ознакомилась, проработала, переосмыслила, что обнаружилось как в переводной литературе, так и в оригинальных сочинениях русских авторов. Анализ и обобщение изученных нами источников позволяет заключить, что русской психологической мысли изначально было несвойственно стремление к теоретичной, академичной репрезентации взглядов. Средневековая литература (жития, поучения, богословские тексты, сборники и т. п.), народное творчество, искусство заменяли средневековому человеку научную психологию.

Русских мыслителей в большей степени волновали проблемы человека, вопросы смысла и пределов человеческой деятельности, жизни.

Проблема психологического познания русскими средневековыми мыслителями рассматривалась с позиции нравственности: знание, поведение, как часто ими утверждалось, должно существовать в рамках нравственных категорий. Так, в психологических воззрениях русских средневековых

мыслителей проблема воли была связана с вопросом о добре и зле. Каждый человек самостоятельно определяет свое поведение, траекторию своей жизни исходя из того, что воля человека свободна. Зло и добро часто сложно отделить, зло может быть смешано с добродетелями. Для того чтобы понять, откуда происходит добро и зло, предлагалось обратиться к рассмотрению души, то есть искать истинные мотивы поступка.

В древнерусской литературе находятся истоки отечественной психологической мысли, основные психологические идеи средневековья получили дальнейшее развитие в произведениях мыслителей XVIII – XXI вв.

Следует подчеркнуть и тот факт, что русская психологическая мысль развивалась в традициях исихазма, старчества. Вокруг старцев собирались собеседники и «совопросники», которые обсуждали проблемы человекознания, духовности, смысла существования. Исихазм как духовная практика, составляла основу православного аскетизма, исследовала проблему человека, поиска смысла его бытия и путей самосовершенствования. Русских средневековых мыслителей волновали вопросы психологического состояния человека, они на практике пытались проанализировать изменения собственного внутреннего мира. Таким образом, период русского средневековья – это период самоуглубления, самоанализа, глубинного исследования человеческой души, напряженной аскезы, целостного взгляда на человека. Даже в произведениях светского характера поднимаются христианско-аскетические темы. Кроме того, важные психологические проблемы выражались в чувственно-наглядных образах («умозрение в красках» – иконопись).

С течением времени менялись способы психологического познания и психологического воздействия на человека, осуществлялся переход от познания психических явлений к познанию их сущностей. При этом на каждом новом этапе (уровне) развития психологического познания сохранялись формы и методы постижения психических явлений и психологического воздействия на человека предыдущих этапов. Основным способом психологического познания

в период русского средневековья являлась интуиция, а следовательно, подход к объяснению психических явлений носил иррационально-мистический характер.

К концу русского средневекового периода (в XVII в.) создается система психологического образования: школы, академии. Психология становится предметом изучения в духовных семинариях. Составляются учебники по психологии, которые использовались в последующее столетие и сыграли значительную роль в дальнейшем развитии отечественной психологии.

Можно говорить о зарождении психологических категорий (особого языка психологической науки), отличительной особенностью которых является соответствие внешней формы слова и сущности, то есть о языке, который не смешивался с обыденными словами и понятиями (душа, ум, эмоции, воля, фантазия, память, возраст, совесть, сознание, нравственность, сознательность, лень, святость, личность, тварь, личина и др.).

Итак, подчеркнем еще раз: в период русского средневековья происходило постепенное усложнение психологической мысли. Для дохристианского (языческого) этапа психологическая мысль в большей степени характеризуется такими особенностями, как мистицизм, иррационализм, проявляющиеся, прежде всего, в формах отражения и способах психологического познания. Постепенно, трансформируясь на основе меняющихся мировоззренческих установок, происходит переход психологического познания на другой уровень (виток), на котором формы и способы психологического познания качественно меняются. Появляется специальная литература, содержащая материал психологического характера. Психологические проблемы, которые анализировались в письменных источниках (детерминанты психического развития, активность человека как фактор развития, эмоционально-волевая сторона личности, выделение в человеке трех начал; проблема духовных потребностей и самосовершенствования и др.) осмысливаются, оформляются на основе глубокого анализа и обобщения. Психологическая мысль в XV в.

значительно продвинулась в познании человека, который стал рассматриваться холистически. На этом этапе наметились две тенденции во взглядах на душу человека: натурфилософский и философско-религиозный, которые получили свое развитие на последующих этапах развития отечественной психологии. В XVII в. происходит зарождение философско-научных психологических воззрений, представленных в учебных курсах по психологии. Намечается переход от сакрального психологического знания к секулярному.

Эволюционные изменения психологической мысли русского средневековья показаны в таблице 3.

Таблица 3

Эволюция психологической мысли периода русского средневековья

<i>Критерии, характеризующие психологическую мысль русского средневековья</i>	<i>Дохристианский период</i>	<i>Христианский период</i>	
	<i>Догосударственный период до X в.</i>	<i>Древнерусское государство Киевская Русь (X – XIII вв.)</i>	<i>Российское государство Московская Русь (XIV – XVII вв.)</i>
<i>Мировоззрение</i>	<i>Языческое</i>	<i>Православное</i>	<i>Философско-религиозное</i>
<i>Уровни психологического познания</i>	<i>Вненаучный (знания эмпирически и теоретически не обоснованы, носят символический характер)</i>		
	<i>Архаический Бытовой (познание психических явлений)</i>	<i>Православно-христианский</i>	<i>Религиозно-философский</i>
<i>(стремление познать сущность психических явлений)</i>			
<i>Способы психологического познания</i>	<i>Описательно-интуитивные</i>	<i>Религиозные</i>	<i>Религиозно-рациональные</i>
<i>Способы психотерапевтического воздействия</i>	<i>Иератические (священныe, жреческие)</i>	<i>Религиозно-православные</i>	
<i>Формы репрезентации психологического познания</i>	<i>Вненаучные</i>	<i>Богословско-религиозные</i>	<i>Зарождение философско-психологических воззрений</i>
	<i>Неформальные</i>	<i>Неформальные –Формальные</i>	<i>Формальные (сохраняются неформальные)</i>

	<i>Коллективные</i>	<i>Имперсональные и персональные (представлены в деятельности богословов)</i>	<i>Авторские психологические курсы</i>
Спектр ключевых психологических идей	<i>Разграничение внутреннего и внешнего миров; взаимосвязь души и тела; природа души, ее структура, функции, бессмертие; детерминанты психического развития; возрастные изменения психики человека; индивидуально-типологические особенности; гендерные особенности; значение детства в становлении личности человека; идея духовного самосовершенствования; идея самовластия, свободной воли человека; способы познания души человека и воздействия на нее</i>		
Предметные области психологического познания	<i>Индивидуально-психологическая, Социально-психологическая, психолого-педагогическая, этнопсихологическая, психодиагностическая, психотерапевтическая</i>		
Функции психологического познания	<i>Познавательно-объяснительная, информативно-регулятивная, психодиагностическая, психотерапевтическая, аксиологическая, экзистенциальная</i>		

Как видим, в период русского средневековья происходило постепенное усложнение психологической мысли. Несмотря на качественные изменения в развитии психологической мысли русского средневековья мы выделяем общие особенности психологического познания, проявляющиеся на всех уровнях (этапах) генеза: спектр ключевых психологических идей, функции и предметные области.

Основными функциями психологического познания русского средневековья выступают: познавательно-объяснительная, информационно-регулятивная, психотерапевтическая, аксиологическая, экзистенциальная.

Познавательно-объяснительная функция связана со сложным мыслительным процессом накопления и систематизации знаний о психических явлениях, методах психологического познания и воздействия. Психологическое познание в период русского средневековья осуществлялось через жизненно-практический опыт, богословские сочинения, религиозные практики. Первоначально психологические знания находили отражение в чувственно-наглядных образах, воззрениях, суждениях, а позднее – в психологических понятиях, концепциях.

Информативно-регулятивная функция психологического познания заключается в том, что знания о психических явлениях, переданные в разных формах (обряд, былина, сказка, поговорка, богословское произведение, иконопись), формировали потребностно-мотивационную сферу психики человека, его убеждения, привычки, способствовали развитию самопознания, познания внутреннего мира другого человека, принятию самостоятельных осознанных решений.

Психотерапевтическая функция связана с воздействием на человека психологическими средствами с целью оказания помощи в разрешении психологических проблем (снятие депрессивных состояний, внутри-и-межличностных конфликтов и т. д.), удовлетворении потребности человека в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите, в формировании позитивного отношения к себе, принятии себя.

Аксиологическая функция означает, что психологическое познание в период русского средневековья способствовало формированию у человека духовных потребностей, задающих направленность активности человека, мотивирующих его поступки, ответственность за совершаемые выборы, преодоление через обретение смысла жизненных трудностей.

Экзистенциальная функция касается проблемы существования человека, проблемы жизни и смерти, его уникальности, способности осознавать себя, быть самим собой и нести ответственность за себя, быть свободным в принятии решения, способным к трансцендированию.

В период русского средневековья наметились основные предметные области психологического познания: индивидуально-психологическая, социально-психологическая, психолого-педагогическая, этнопсихологическая, психотерапевтическая:

– *индивидуально-психологическое познание* связано с пониманием индивидуальных особенностей человека, указанием на прирожденные тенденции в развитии, а также на активность самого человека, способного

самостоятельно делать выбор, творить настоящее, произвольно выбирать будущее. Интерес к внутреннему миру человека мы находим в фольклорных произведениях, обрядах, русской средневековой литературе, иконописи. Ключевой идеей многих произведений является признание того, что важную роль в процессе развития играет интеллект и осознание человеком собственных ценностей и идеалов («Источник знаний», «Шестоднев», «Толковая Палея», «Диоптра», «Послание, написанное Климентом, митрополитом русским, Фоме прозвитеру, истолковано Афанасием мнихом», «Притча о человеческой душе и о теле» и др.).

– *социально-психологическое познание* связано с пониманием влияния среды на развитие человека. Достаточно отчетливо и выразительно формулировалась идея о том, что личность социальна и не может формироваться вне общества. Разрабатывались символические способы влияния как на отдельного человека, так и на группу людей (обряды, фольклор, литературные произведения), способствующие наиболее оптимальной социальной адаптации и формированию традиций, морали, нравов («Изборники» Святослава, «Пчела», «Послание о посте и воздержании чувств», «Слово о Законе и Благодати», «Домострой» и др.).

– *психолого-педагогическое познание* связано с выявлением возрастных особенностей человека, с учетом этих особенностей в воспитании и обучении ребенка, во взаимодействии людей. Оттачивались воспитательные приемы. Воспитание осуществлялось через межличностное общение людей и было направлено на развитие мировоззрения, морали, мотивации личности, формирование черт личности и нравственных поступков. В фольклорном материале, агиографической литературе, посланиях, повестях выделяются положительные и отрицательные качества человека: главными человеческими добродетелями выступают мужество, справедливость, любовь, помощь ближнему, терпение, смирение, доброта, умеренность, целомудрие, усердие, а пороками – тщеславие, честолюбие, гордыня, нетерпимость, зависть, алчность,

праздность («Житие Феодосия Печерского», «Жития Бориса и Глеба», «Поучение», «Домострой», «Повесть о горе и злочастии», «Повесть о Марфе и Марии» и др.).

– *этнопсихологические идеи* мы находим в сказках, былинах, пословицах, в которых представлены взгляды, идеи, социальные ценности русского народа. В литературных произведениях (летописание, повести, агиография) также отражены особенности национального самосознания, национального характера, национальные специфические потребности, интересы, ценностные ориентации. Так, в «Повести временных лет» Нестер обстоятельно рассказывает о древних славянах и племенах, проживавших на территории Руси, характеризуя их как «кротких и тихих обычаем», однако способных постоять за себя, свои интересы. В ней описаны черты государственных деятелей: Олег, Святослав (храбрые воины, неприхотливые в быту), Владимир (равноумен, равнохристоролюбец, щедрый), Ярослав (книголюб). «Поучение» Мономаха – автобиографическое произведение, содержащее информацию о жизни князя. Во многих произведениях средневековой Руси подчеркивались человеческие, духовные, государственные достоинства, храбрость и беспредельное мужество русских людей. В средневековых произведениях представлены и краткие характеристики других народов («Повесть о разорении Рязани Батыем», «Сказание об Индийском государстве», «Хождение за три моря» и др.).

– *психотерапевтическое познание* основано на оказании помощи человеку в разрешении проблем, нахождении методов, способствующих совершенствованию личности и межличностных отношений. В материалах диссертации подробно показаны методы психологического познания и воздействия на примерах из древнерусских обрядов, русского исихазма (Сергий Радонежский, Нил Сорский). Психотерапевтическое воздействие оказывали фольклорные произведения: сказки, пословицы и поговорки.

Завершая анализ аспектов проблемы самобытности русской средневековой психологической мысли, считаем целесообразным

процитировать слова А.Ф. Лосева, характеризовавшего русскую философию, которые абсолютно соответствуют оценке психологической мысли русского средневековья: «Она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям и определениям, а только в символе, в образе посредством воображения и внутренней жизненной подвижности» [210, с. 71].

На рисунке 27 показаны основные характерные черты психологической мысли в период русского средневековья, рассмотренные в данной диссертации.

Характерные черты русской средневековой психологической мысли

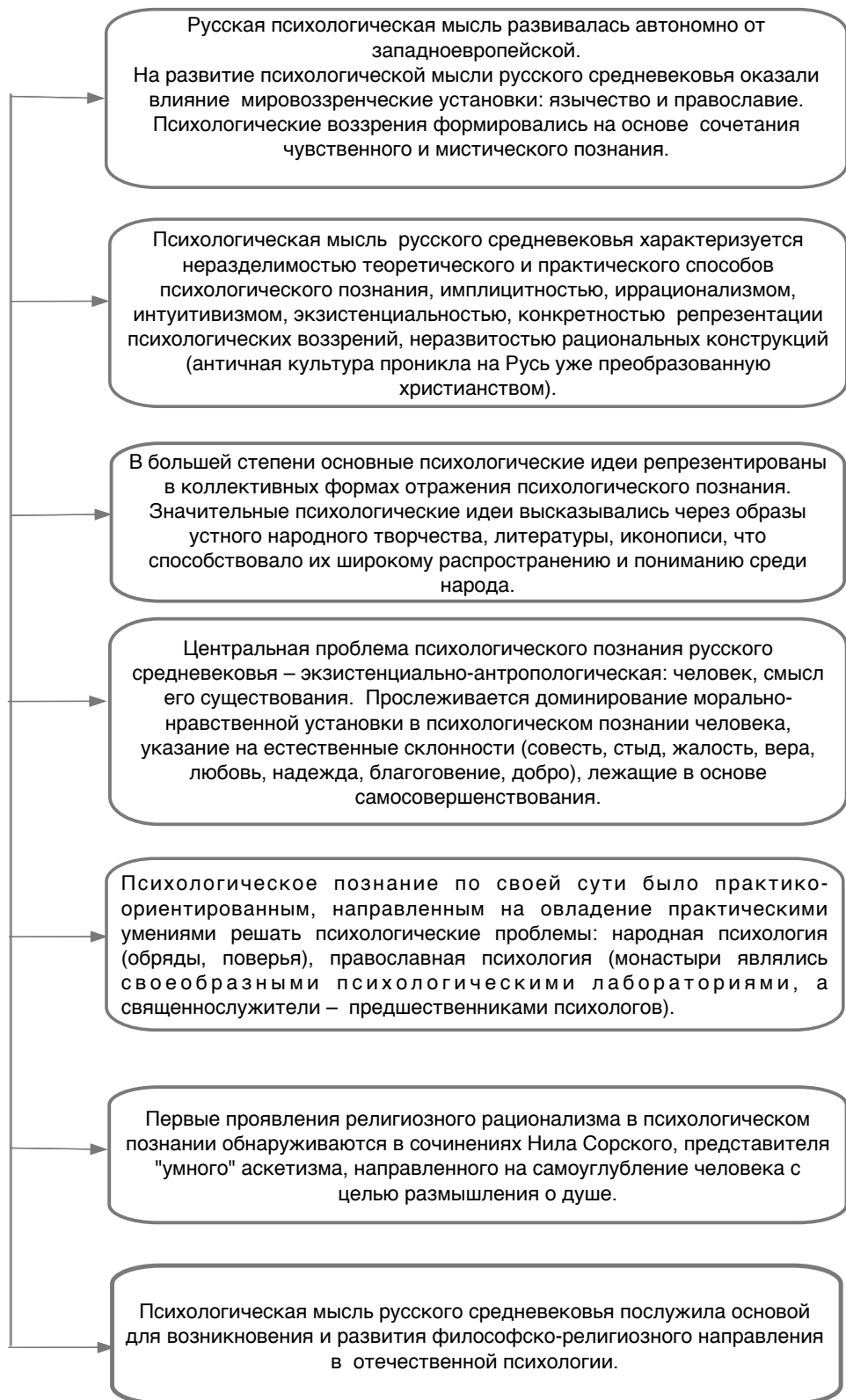

Рис. 27. Основные характерные черты психологической мысли русского средневековья

Основные психологические направления и идеи, зародившиеся в период русского средневековья, сыграли свою историческую роль в дальнейшем развитии психологической мысли в нашей стране.

§ 5.2. Филиация психологических идей в русской психологии

Историко-психологическая преемственность является закономерной связью поколений, возникающей на основе сохранения и творческой переработки наследия прошлого. Преемственность развития психологических идей связана с трансформацией средневековых воззрений в психологические категории на последующих культурно-исторических этапах при сохранении их сути.

Филиацию психологических идей в русской психологии можно определить как особый механизм общественной памяти, который осуществляет накопление и хранение психологической информации прошлого и способствует дальнейшему развитию этих идей.

Поскольку любая культура самобытна, так как возникает и развивается в процессе накопления уникального культурно-исторического опыта народа, постольку можно говорить о передаче и усвоении самобытных форм и методов психологического познания от поколения к поколению, а психологическую мысль русского средневекового периода можно определить как фундамент для возникновения и развития отечественных оригинальных психологических концепций в последующие столетия.

Как было отмечено в предыдущем параграфе, своеобразие русской психологической мысли средневекового периода проявляется в том, что в ней в большей степени рассматривалась социально-антропологическая и духовно-нравственная проблематика как в дохристианский период, так и в период православной Руси. Именно проблема человека как целостного существа

оказалась центральной в отечественной психологической традиции XVIII–начала XX вв.

Известно, что преемственность может быть непрерывной, когда культурные ценности прошлого постоянно функционируют в жизни общества, и прерывной, когда какие-либо ценности на время исчезают из культурного обихода. Поэтому, анализируя филиацию психологических идей периода русского средневековья, мы сознательно не касаемся советского периода в развитии отечественной психологии, так как в этот культурно-исторический период была прервана преемственность анализируемых нами психологических идей, основанных на православном понимании (во всяком случае в официальной психологии). Вновь преемственность этих идей мы обнаруживаем в современной отечественной психологии. Вместе с тем следует отметить, что преемственность народных языческих форм и методов психологического познания практически никогда не прерывалась.

Итак, от воззрений летописцев, Илариона, Климента Смолятича, Феодосия Печерского, Владимира Мономаха, Кирилла Туровского, Нила Сорского, Максима Грека, Андрея Рублева, Феофана Грека, Дионисия и др. можно провести линию преемственности (сохранение традиций в психологическом познании) к психологическим концепциям русских мыслителей. Обобщение психологических знаний в средневековой Руси составляло содержание «преднаучной стадии» (термин В.А. Кольцовой) развития знания.

XVIII в. в России – век Просвещения, век науки: открывается Академия наук в Санкт-Петербурге, Российская академия наук в Москве, Московский университет; в русский лексикон прочно входит слово «ученый». Развитие науки сопровождалось поиском и обобщением знаний, накопленных в жизненной практике людей, сохранением и культивированием духовного наследия народа. Осуществлялся сбор материалов об обычаях, быте, нравах, семейном укладе русского народа. На основе складывающихся веками

воззрений на природу души формировались достаточно целостные психологические представления. основополагающие психологические идеи русского средневековья мы находим в философско-психологических трудах XVIII в. – Я.П. Козельского, М.В. Ломоносова, Н.И. Новикова, Н.Н. Поповского, А.Н. Радищева, Г.С. Сковороды, В.Н. Татищева и др. Предметом их размышлений стали природа и сущность человека, движущие силы, управляющие его поведением, способы связи и взаимодействия с окружающим миром.

В.Н. Татищев считал, что необходимо развивать науку, которая бы раскрыла перед человеком свойства его собственной души, научила бы руководить собой, подавлять низменные страсти. Он отмечал, что поведение человека наряду с физическими потребностями определяется мотивами нравственного порядка. Эти мотивы развиваются вместе с совершенствованием разума и зависят как от возраста, так и от воспитания человека. Большое значение В.Н. Татищев придавал проблеме страстей, рассматривая ее с позиции православной веры.

М.В. Ломоносов изучал быт, нравы, обычаи русского народа. Большое значение М.В. Ломоносов придавал символу, символическому изображению различных понятий. Он говорил о том, что важно найти верный символический образ для разъяснения той или иной идеи. В своих работах М.В. Ломоносов осветил практически все стороны психики человека – психические процессы, состояния и свойства; указал причины их возникновения, формы проявления, определил их место и роль в жизнедеятельности человека.

В психологическом наследии Г.С. Сковороды освещены вопросы природы человека: единства тела и души; способностей человека, его индивидуальности. В его произведениях часто встречается церковная тематика, различные библейские аллегории (Библию называет своей «возлюбленной»). Он предлагает религиозно-идеалистическое понимание души. Метафизическое объяснение «природы человека» является для Г.С. Сковороды исходным

понятием для решения морально-психологических вопросов. Он призывает к разумному самопознанию, направленному на глубокое проникновение человека в свою собственную природу, для того, чтобы найти себя и свое место в жизни, стать тем, чем он должен быть по своей природе.

Я.П. Козельский душу определял как особое существо, одаренное волей и разумом. Рассматривал вопросы воображения, памяти, разума, чувств.

Н.И. Новиков отстаивал национальные основы культуры, выступал против преклонения перед иностранщиной. Рассматривал вопросы развития психических способностей ребенка, выделил стадии детского развития, отметил роль деятельности в развитии личности ребенка, развивал идею религиозно-нравственного самосовершенствования, рекомендовал наставникам воспитывать в детях деятельную любовь к людям.

А.Н. Радищев стремился ответить на вопрос, что по своей природе есть душа и возможно ли ее предсуществование и бессмертие. Он выделил эволюционные ступени психического развития, предложил возрастную периодизацию, охватывающую весь жизненный путь человека (от внутриутробного существования до смерти). Говорил о свободе выбора человека как отличительной способности самостоятельно определять свой путь к добродетели и пороку, о способности к самосовершенствованию. Отмечал индивидуальные различия в психическом развитии, усматривал связь психической деятельности с внешними воздействиями.

Философско-психологическая мысль этих ученых характеризовалась переходом от церковно-мистического объяснения мира к рационалистическому. Вместе с тем следует отметить, что эмпирические наблюдения, рационалистические суждения философов XVIII в. сочетались с религиозными суждениями. Тема бессмертия души являлась одной из центральных, а попытки психологического понимания человека предварили концепции русских мыслителей XIX – XXI вв.

В первой половине XIX века в трудах Д.М. Велланского, А.И. Галича, П. Любовского и др. человек и его качества рассматривались в антропологическом плане в связи с явлениями физического мира, а сама душа описывается в единстве всех ее душевных начал – представлений, страстей, воли и др. Большое место в их работах занимают метафизические размышления. В духовных академиях в курсах по догматическому и нравственному богословию много внимания уделялось психологии. Психологией были пронизаны антропологические и богословские труды: «О человеке», «Нравственная антропология» (автор архиепископ Иннокентий), «Записки по нравственной философии» (автор И.М. Скворцов). Христианский взгляд на психологические вопросы отражен в произведениях В.Н. Карпова («Вступительная лекция в психологию»), О.М. Новицкого («Руководство к опытной психологии»).

Во второй половине XIX в. психология оформляется в самостоятельную науку. Этот процесс в России происходил в сложных условиях. А.Н. Ждан отмечает: «Переживаемый Россией кризис крепостничества, завершившийся отменой крепостного права и утверждением капитализма, получил отражение в столкновениях и спорах между различными направлениями общественно-исторической мысли, в различных течениях в философии, а также в художественной литературе, которая в России всегда была источником философско-этических и психологических знаний. В рамках этих споров осмысливались проблемы своеобразия России, ее культуры и философии в сопоставлении с западноевропейской мыслью и философией» [307, с. 7].

В конце XIX – начале XX вв. работы А.И. Введенского, Н.Я. Грота, Л.М. Лопатина, Н.О. Лосского, В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого, С.Л. Франка послужили основанием к признанию религиозно-философского знания о человеке: развиваются идеи религиозной психологии, душа понимается ими как средоточие, фокус духовной жизни человека, указывается на необходимость формирования позитивного отношения к себе, принятия себя.

П.Д. Юркевич, М.И. Владиславлев, Г. Струве, К.Д. Кавелин отстаивали мысль о наличии в человеке особого нематериального начала – души. Душа рассматривается ими как феномен человеческой субъективности, как основа личного отношения человека к миру.

Появляются и многочисленные психологические работы духовных писателей, богословов: «Основания опытной психологии» (архимандрит, впоследствии епископ, Гавриил); «Систематический свод учения святых отцов церкви о душе человеческой (протоиерей С.Н. Кашменский); «Язык физиологов и психологов», «Из науки о человеческом духе», «Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия» (П.Д. Юркевич); «Бессмертие души» (В.Д. Кудрявцев-Платонов); «Умозрительная психология» (Ф.А. Голубинский); «Учебник психологии» (А.К. Гиляревский); «Психология» (В.А. Снегирев); «Психология веры» (А.И. Введенский) [406, с. 27–28].

В начале XX в. проблема изучения души человека была поднята в трудах В.В. Зеньковского, И.А. Ильина, И.В. Киреевского, Г.Г. Шпета, С.Л. Франка, который отмечал, что все глубочайшие русские философы по сути своей – богословы. Разработку антропологической проблематики с опорой на наследие отцов Церкви мы находим в произведениях Н.А. Бердяева, Б.П. Вышеславцева, Л.П. Карсавина, Л.М. Лопатина, П.А. Флоренского и др.

Религиозно-психологические исследования освещены в трудах иеромонаха Михаила («Психология таинств»); В.Ф. Давыденко («Святоотеческое учение о душе человека»); Л. Соколова («Психология греха и добродетели по учению св. Подвижников древней церкви в связи с условиями пастырского душепопечения»); П.П. Соколова («Вера. Психологический этюд»); В.В. Платонова («Психология молитвы») [406, с. 28–29].

Таким образом, проблема человека как целостного существа традиционно является фундаментальной философско-психологической проблемой русских мыслителей. Несмотря на сильное влияние западного просвещения, русская психологическая мысль смогла сохранить самобытность в решении

центрального вопроса о природе и сущности человека. В качестве основных положений русских мыслителей выступали следующие суждения:

- внутренний, психический мир человека, его душа есть самостоятельная сущность, имеющая свои законы, не соотносимые с законами внешнего мира;
- душа есть самосознающее духовное начало человека, в ней отражается природа самого Бога;
- вера и знание как две сферы духовной жизни образуют единство, поэтому «самооткровение духа» служит источником познания внутреннего мира человека;
- познать внутренний мир человека может только сам человек, а не сторонний наблюдатель;
- свобода воли есть желание человека не делать того, что он хочет.

Т.Д. Марцинковская выделила основные характерные особенности русской психологии конца XIX – начала XX вв.: антропоморфизм, ориентация психологического знания на практику, на реальную пользу, преобладание нравственных, этических проблем, в российской науке этого этапа психологами являлись не только ученые, но и художники, писатели, которые в своих сочинениях решали те же нравственные проблемы, что и ученые в своих трудах. «Своеобразие российской науки во многом связано с тем, что для большинства отечественных психологов главным предметом исследования были явления духовной жизни в их индивидуально-психических проявлениях, то есть в отличие от зарубежной науки не всеобщий, но индивидуальный дух, индивидуальная душа стали предметом их анализа и теоретических построений», – отмечает историк отечественной психологии [219, с. 30–31].

Таким образом, можно констатировать, что развитие психологической мысли в период русского средневековья во многом определило развитие именно личностной проблематики в структуре психологического знания в России. Главное внимание уделялось раскрытию ее экзистенциально-бытийной

сферы, духовно-нравственного роста и совершенствования. Психологическая мысль не только средневековья, но и XIX – начала XX вв., характеризуется стремлением к интуитивному объяснению психических явлений, наблюдается своеобразное сочетание рационализма и мистики.

В XX в. (после Октябрьской революции) – веке естественнонаучного познания внутреннего мира человека – высшие проявления души (дух, духовность) были удалены из поля зрения психологов. К 1930-м годам дореволюционная религиозно-философская психология была практически уничтожена. Полагали, что объективными психологическими методами постичь феномен души невозможно. Как отмечает Б.С. Братусь, в XX в. психология ориентировалась на «человека физиологического», «человека рефлекторного», «человека поведенческого», «человека подсознательного» [38, с. 76].

В конце XX в., особенно в XXI в., для российских психологов человек, его душа, душевная жизнь вновь становятся одной из центральных проблем психологии (Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, Е.К. Веселова, М.И. Володинова, А.А. Гостев, М.Я. Дворецкая, В.А. Елисеев, Ю.М. Зенько, В.Х. Манеров, прот. Б. Нечипоров, В.И. Слободчиков, Л.Ф. Шеховцова, Т.А. Флоренская и др.). В работах этих ученых подчеркивается необходимость вернуть в психологию понятие «душа» взамен понятия душевных явлений, так как психология должна помочь человеку в понимании цельности своей личности и смысла своего существования, а это может только наука о душе. В этой связи Б.С. Братусь совершенно заявляет: «Психологии пристало служить, ориентироваться на полного, целостного человека, имеющего не только тело, сложность сознания, многообразие переживаний, внешнюю сторону души, но и ее внутреннюю сторону и высшие проявления (дух) ... Психическое (восприятие, память, мышление, личность и т. п.) существует, действует не себя самого ради, а как аппарат, инструмент достижения человеческой сути. Этика, философия, богословие как адекватные способы, неслучайные, выверенные опытом языки

выражения этой сути, предельных смыслов бытия составляют, таким образом, важнейшее ориентирующее, рабочее условие научных и прикладных разработок, ибо последние приобретают тогда действительный масштаб и смысл в культуре, а первые – психологическое соотнесение и почву. Еще раз: душа во втором (духовном) понимании не входит, не вмещается в психологию, равно как не растворяет психологию в себе; религиозно-философский и конкретно-психологический уровни не сводимы один к другому, не подменяемы один другим, но их взаимное признание, установление связи, соотнесение – условие и форма их адекватного понимания. Религия отражает вертикальную устремленность человека к высшему началу и в этом плане отвечает его насущной потребности поиску смысла жизни, не уничтожимого, неустранимого фактом физической смерти. Научная психология занята преимущественно горизонтальной плоскостью – человеком как конкретным деятелем во времени и пространстве. Религия дает предельные ответы на вопросы “в чем смысл?”, “ради чего?”, научная психология стремится ответить на вопросы “как?”, “для чего?”, “каковы механизмы?” Сопряжение вертикали и горизонтали (при всей его реальной сложности) здесь более чем необходимо – оно неизбежно подразумевает, изнутри требует, жаждет осознания ее смысла, а смысл подразумевает реализацию, то есть осуществленное движение в конкретном времени и пространстве» [там же, с. 76–77].

В работах по современной православной психологии с позиции христианского учения рассматриваются вопросы об интеллекте, эмоциональных явлениях, воле, внимании, памяти, воображении, нравственности, разработаны принципы духовно-ориентированного диалога в психологическом консультировании.

Л.Ф. Шеховцова и Ю.М. Зенько [406] выявили как общее, так и различное в православном учении о душе и психологического знания.

Так, интеллект, ум и в том и в другом случае понимаются как составная часть природы человека, способность человека к познанию. Развитие ума

происходит под влиянием среды. Выделяют виды познания, позволяющие человеку построить картину мира, отражающую его понимание окружающей среды, себя и мира невидимого: чувственное познание, рациональное познание и интуитивное (откровение). Особенностью святоотеческого подхода к пониманию познавательной способности является наличие онтологической координаты: если в секулярной психологии интеллект связан со способностью адаптироваться к окружающему миру, познание происходит ради познания и комфортного существования, то в православной – познание себя и Бога имеет целью преобразование мира, восстановление вселенской гармонии.

В характеристике эмоционально-потребностной сферы основное отличие заключается в том, что ведущими потребностями у человека являются не физиологические, а духовные; в этом случае душа подчиняется духу, а тело – душе. В православной психологии характерна антиномичность в описании чувств человека, когда чувства оцениваются в зависимости от направленности на объект (любовь к ближнему – положительное чувство, а любовь к земным благам – отрицательное чувство), доминирование в потребностной сфере страстей к земным (материальным) благам расценивается как грех, высшими состояниями человека признаются состояния молитвы, покаяния. Высшее чувство человека – любовь к Богу и ближним.

Особенность православного подхода к воле заключается в признании свободы выбора, основанной на спасении души, понимание развитие воли как свободного и добровольного подчинения воле Божьей.

Сравнение представлений о внимании в научной и православной психологии показывает, что в православии акцент делается на внутреннюю динамику переходов внимания, процесс самонаблюдения (опыт святых отцов-подвижников за своим духовным возрастанием – опыт умного делания).

Характеризуя память, православные психологи развивают идею совершенствования человека за счет преодоления злопамятства через прощение зла врагам и обидчикам, памяти о заповедях, грехах, о смертности человека.

Большое внимание в современной православной психологии уделяется проблеме самовоспитания как активной позиции человека – воспитание себя, своих ценностей. Если в научной психологии характер рассматривается в основном как результат воспитания ребенка в детстве, то в православной психологии человек сам воспитывает себя: детально, пошагово описаны особенности обретения человеком добродетели. «Особенность христианского понимания человека в том, что человек рассматривается в динамике совершенствования, долженствования и все части и силы души, психики видятся святыми отцами именно в аспекте подчинения этой цели», – отмечает Л.Ф. Шеховцова [406, с. 215].

В настоящее время в России активно развивается православная психотерапия (Д.А. Авдеев, П.В. Добросельский, Д.Е. Мелехов В.К. Невярович, Б.В. Ничипоров и др.). С православной точки зрения рассматриваются причины психических заболеваний, неврозов, психосоматических расстройств, обсуждаются духовные причины алкоголизма, наркомании, игромании и других зависимостей.

Д.А. Авдеев в качестве общей задачи православного психотерапевта определяет помощь человеку в поиске глубины покаяния, в восстановлении правильного духовного ощущения жизни в душе человека, правильного отношения к своему греху и к своему бессмертному человеческому достоинству [3, с. 52].

П.В. Добросельский отмечает: «Излечивая душу человека от страстей, являющихся источниками греха, или исцеляя (уничтожая) страсти, святоотеческая психотерапия предотвращает тем самым совершение новых грехов. При этом устранение (лечение) последствий ранее совершенных грехов (отпущение грехов) происходит с помощью определенных церковных таинств (например, покаяния, соборования). Следует отметить, что вообще таинства являются одним из великих лечебных средств, используемых святоотеческой психотерапией. Они освящают человека и дают ему силы для противления

греху» [103, с. 190–191]. «Подобно тому, как при лечении телесных недугов нужен (а в некоторых случаях и необходим) искусный врач, также (и даже гораздо более этого) для излечения души необходим опытный духовный наставник, играющий важнейшую роль в духовном лечении», – подчеркивает он [там же, с. 193].

В заключение следует отметить, что основы житейской (обыденной, ненаучной) психологии, зародившиеся в период русского средневековья, имеют место и на современном этапе развития общества. До сих пор в жизни человека активно используются обряды, традиции, фольклорные произведения. В XXI в. многие люди обращаются за помощью к колдунам, ведьмам, знахаркам, гадалкам, астрологам, целителям, экстрасенсам, по центральному телевидению демонстрируются передачи по эзотерике, парапсихологии. Как отмечает В.А. Мазиллов, рассуждая о психологическом кризисе XX в., наблюдается высокая конкуренция со стороны паранауки, разрыв между научной психологией и техниками, ориентированными на углубленное самопознание (от мистики и эзотерических учений до современной трансперсональной психологии). Человек, интересующийся познанием «Я», ищущий свой духовный путь, обращается не к научной психологической литературе, а к специалистам, далеким от научной психологии [213].

Вместе с тем необходимо отметить, что современные квалифицированные психологи и психотерапевты активно используют сказкотерапию, пословицы и поговорки, арттерапию, библиотерапию, куколотерапию, игротерапию и т. д., направленные на решение внутренних проблем, оздоровление, исцеление, личностный и духовный рост человека.

В работах А.А. Гостева, В.А. Елисеева, А.Г. Фомина указывается на возможность соотнесения ряда положений святоотеческих идей с современным психологическим знанием. Это соотнесение применительно к следующим предметным областям духовной науки [74]:

– проблема личности и внутренней природы человека;

- духовная составляющая человеческого общения;
- духовно-психологическое развитие личности;
- духовный аспект взаимодействия души и тела;
- православно-христианский взгляд на личностную психопатологию.

Кроме того, в святоотеческих сочинениях использовалась специальная терминология, отражающая психологические категории: вера, воля, воображение, гнев, гордость (гордыня), дух, духовность, зависть, духовная красота, кротость, личность, лицемерие, лукавство, мечтательность, мнение, мудрость, набег мыслей, навык, неменяемость, незлобие, неведение, нерадивость, открывание души, печаль, познание, помысел, прелесть, прилог, прозорливость, простота, рассудок, самоукорение, совесть, сопереживание, страдание, ум, умиление, умственное рабство, уныние, целомудрие и др.

Таким образом, святоотеческое духовное наследие содержит в себе неоценимый опыт психологического знания, который еще предстоит исследовать.

Выводы

Исследование генезиса русской психологической мысли русского средневековья важно для актуализации отечественного духовного наследия. Восполнение пробела в истории отечественной психологии предусматривает приобщение нынешнего поколения к русской культуре, целенаправленное формирование духовных ценностей, осмысление опыта формирования и развития личности, нацеленное на открытие в себе высшего «Я», понимание прошлого, вокруг которого должна формироваться национальная идентичность. В России во главу угла ставилась личность, связанная с обществом, духовность как высший принцип гармонизации отношений,

духовно-нравственное совершенствование. Исследование когнитивных, познавательных процессов в русской психологии уходило на второй план.

Суть преемственности разных этапов отечественной психологической мысли можно подчеркнуть словами В.И. Вернадского: «Не говоря уже о неизбежном и постоянно наблюдающемся питании науки идеями и понятиями, возникшими как в области религии, так и в области философии, – питании, требующем одновременной работы в этих различных областях сознания, необходимо обратить внимание еще и на обратный процесс, проходящий через всю духовную историю человечества. Рост науки неизбежно вызывает в свою очередь необычайное расширение границ философского и религиозного сознания человеческого духа; религия и философия, восприняв достигнутые научным мировоззрением данные, все дальше и дальше расширяют глубокие тайники человеческого сознания» [54, с. 213–214].

Развитие современного общества предполагает наличие возвышенной цели, идеала, осознание национальной самобытности, становление которых началось еще в средневековой Руси – в X–XVII вв. – и нашло отражение в генезисе русской психологической мысли, содержащей богатейший духовный потенциал.

Таким образом, русская духовно-нравственная психология, утверждающая существование высших трансцендентных начал и ценностей, возникла как своеобразный феномен отечественной культуры. Корни этого направления уходят в глубокие слои русской истории и культуры. Сегодня прослеживается преемственная связь психологических воззрений как в направлении житейской психологии, так и в православной. Одновременно наблюдается противопоставление научной (академической) психологии и психотехник (практической психологии), существует высокая конкуренция со стороны парapsихологии. Однако в настоящее время в современной психологии активно развивается постнеклассическая парадигма, основанная на

признании ее многопредметности и различных научных теорий, описывающих отдельные аспекты психической реальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в данной работе нами рассмотрен особый период в истории отечественной психологии – период русского средневековья, его значение в становлении и развитии русской психологической мысли.

Психологическую мысль русского средневековья мы определили как детерминированную систему формирования воззрений, отражающих представления о психических явлениях, репрезентированных в разных генетических уровнях и формах общественного сознания.

Очевидно, что описание генезиса психологической мысли русского средневековья лишь в терминах накопления научных фактов, теоретических концепций невозможно. Поэтому мы привлекли вненаучные и культурные положения, позволившие охарактеризовать особенности психологических воззрений в этот исторический период.

История отечественной психологии не может быть равнодушной к своему прошлому, имеющему более чем тысячелетнюю историю. Русская психологическая мысль средневековья является начальным этапом развития отечественной психологии. Переход психологических идей из прошлого в последующие периоды представляет собой преемственность развития, выражающую единство этого процесса и взаимосвязь его этапов. Период русского средневековья отчасти определил особенности дальнейшего развития отечественной психологии, ее самобытность.

Итоги проведенного исследования позволили сформулировать следующие **выводы**:

1. Разработанная модель генезиса русской психологической мысли средневекового периода позволила рассмотреть ее в континууме хронологических, количественно-качественных, информационно-содержательных характеристик. В качестве основных критериев анализа психологической мысли могут выступать мировоззренческие установки, разные сферы общественного сознания и практики, спектр психологических воззрений,

формы репрезентации психологического познания, способы психологического познания и воздействия на человека, предметные области и функции психологического познания, филиация в развитии психологических идей. В работе подчеркнуто, что вненаучные формы психического познания не только предшествуют возникновению научной мысли, но и служат необходимой базой для ее возникновения и развития, что формирование и систематизация психологических знаний происходили в различных сферах общественного сознания, что психологическая мысль русского средневековья атрибутивна, т. е. выражает психологические идеи и понятия с помощью определенных знаков, символов. Поэтому этнографические, фольклорные произведения, изобразительное искусство, в частности иконопись, являются мощным пластом, ценным источником, дающим материал об особенностях генезиса отечественной психологической мысли.

2. Обоснован междисциплинарный подход и используемый в работе способ историко-психологического исследования – «логико-селективный анализ информации вторичных источников», предполагающий тщательную текстологическую работу над источниками в области истории, философии, культурологии, этнологии, филологии, искусствоведения. Логико-селективный анализ информации мы рассматриваем как продуктивный способ историко-психологического исследования. Поскольку для решения поставленной цели исследования наличие и характер первоисточников сильно ограничен, нами был предложен способ накопления информации из источников, признанных в научных кругах разных областей знания, в которых содержится фактологический материал, позволивший нам на основе анализа и обобщения, абстрагирования, эксплицирования, реинтерпретации, интуиции, научного воображения и компилирования охарактеризовать особенности возникновения и развития психологической мысли в период русского средневековья. Именно широта и разнообразие использованных в исследовании источников, применение логико-селективного анализа материала позволили логически

реконструировать теоретическую картину генезиса начального периода отечественной психологической мысли.

3. Доказано наличие особого начального периода в развитии отечественной психологии, хронологически относящегося к русскому средневековью и имеющего свои характерные особенности.

Важным фактором генезиса отечественной психологической мысли является особый тип русской культуры (отличный от западного и восточного), обусловленный историческими событиями и особым геополитическим положением Руси, определивший народные традиции и обряды, духовные ценности и менталитет народа. Мироззрение русского народа формировалось на основе опыта предыдущих поколений, традиций под влиянием сначала язычества, позже – православия, способствовавших доминированию таких характерных особенностей психологической мысли русского средневековья, как имплицитность, иррационализм, интуитивизм, экзистенциальность, практицизм.

4. Русская средневековая психологическая мысль представлена как система и как процесс формирования психологического познания. Проанализированы подсистемы психологической мысли: уровни, источники, предметные области, способы, функции психологического познания, спектр психологических идей, способы психотерапевтического воздействия. Показано, что психологическая мысль русского средневековья эволюционировала количественно и качественно, становилась более высокоразвитой, более дифференцированной в структурном отношении и более специализированной в функциональном отношении.

Первоначально отражение психологических идей осуществлялось в таких символических формах, как ритуалы, обряды, поверья, устное народное творчество, заговоры, гадания, что связано с развитием языческого мироззрения. Позднее психологическая мысль получила отражение в православных символах: исповедь, покаяние, молитва, иконопись, исихазм.

Источники психологического познания со временем совершенствовались: если в дохристианский период основой психологического познания являлся жизненно-практический опыт, репрезентированный в былинах, сказках, поговорках, то в православный период приоритетными становятся святоотеческие сочинения, житийная и нравственно-назидательная литература, иконопись, исихазм как метод духовной практики, литературные произведения. Монастыри являлись своеобразными психологическими лабораториями, а священнослужители – предшественниками психологов.

В период русского средневековья совершенствовалось понимание и объяснение сущности души, детерминант психического развития, возрастной периодизации, борьбы мотивов, а центральной проблемой являлась экзистенциально-антропологическая – смысл человеческого существования, самопознание и саморазвитие; зарождались предметные области психологического познания: индивидуально-психологическая, социально-психологическая, психолого-педагогическая, этнопсихологическая, психодиагностическая, психотерапевтическая. Ключевые психологические идеи нашли отражение в трудах русских мыслителей: Илариона, Феодосия Печерского, Владимира Мономаха, Климента Смолятича, Кирилла Туровского, Нила Сорского, Гурия Тушина, Максима Грека, Артемия Троицкого.

В XVII в. русская психологическая мысль выходит на новый виток своего развития. Возникают учебные учреждения, в которых психологические знания становятся предметом преподавания (Киево-Магилянская академия, Славяно-греко-латинская академия).

5. Установлена непрерывность развития основополагающих психологических идей русского средневековья в истории отечественной психологии. Своеобразие русской психологической мысли средневекового периода проявляется в том, что в ней в большей степени рассматривалась социально-антропологическая и духовно-нравственная проблематика как в дохристианский период, так и в период православной Руси. Именно проблема

человека как целостного существа оказалась центральной в отечественной психологической традиции XVIII – начала XX вв. до Октябрьской революции, в затем в конце XX в. – по сегодняшний день. Русская психологическая мысль средневековья содержала в себе такие на сегодняшний день актуальные идеи, как идея о сущности и структуре души; о соотношении души и тела (при этом душа является наивысшей ценностью человека); идея самосовершенствования, личностного, духовного роста; идея самовластия, свободной воли человека; идея причинности поведения и др.

Эти идеи нашли отражение в работах мыслителей XVIII века (Я.П. Козельский, М.В. Ломоносов, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, Г.С. Сковорода, В.Н. Татищев и др.); конца XIX – начала XX века (Н.А. Бердяев, А.И. Введенский, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Л.М. Лопатин, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет и др.).

На сегодняшний день в отечественной психологии проблема души, душевной и духовной жизни человека становится одной из значимых. В связи с возрастающим интересом к этой проблеме активно развивается православная психология (Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, Е.К. Веселова, М.И. Воловикова, А.А. Гостев, М.Я. Дворецкая, В.А. Елисеев, Ю.М. Зенько, В.Х. Манеров, В.И. Слободчиков, Л.Ф. Шеховцова, Т.А. Флоренская и др.). В работах по современной православной психологии с позиции христианского учения рассматриваются вопросы о психических процессах, состояниях, свойствах, разработаны принципы духовно-ориентированного диалога в психологическом консультировании и т. д. Кроме того, народные формы психотерапевтического воздействия активно используются в современной практической психологии.

6. Исследование генезиса русской психологической мысли средневековья важно для актуализации отечественного духовного наследия. Восполненный пробел в истории отечественной психологии предусматривает приобщение нынешнего поколения к русской культуре, целенаправленное формирование

духовных ценностей, осмысление опыта формирования и развития личности, нацеленное на открытие в себе высшего «Я», понимание прошлого, вокруг которого должна формироваться национальная идентичность.

Заявленная научная проблема открывает широкие перспективы для дальнейших исследований. Современное состояние истории отечественной психологии требует нового осмысления исторической действительности, основанного на комплексном подходе к пониманию пути развития отечественной психологической мысли.

Следует отметить, что результаты нашей работы позволяют отказаться от категоричных установок, отрицавших значение русского средневекового периода в развитии отечественной психологической мысли. Русская средневековая психологическая мысль – явление уникальное, она должна прочно занять свое место в пространстве отечественной психологии. Некоторые проблемы, очерченные в работе, могут представлять интерес и стимулировать проведение новых научных исследований в области отечественной истории психологии. Изучение сложного и противоречивого процесса формирования и развития психологической мысли русского средневековья далеко не закончено и, безусловно, должно быть продолжено. Необходимо вернуться к своим духовным основам, попытаться понять суть изначальных идей.

Надеемся, что нам удалось заложить фундамент для будущих объективных, систематизирующих трудов. Это чрезвычайно важно, поскольку знание, понимание генезиса отечественной психологической мысли необходимо для сохранения и трансляции духовных ценностей в нашей стране, культурной преемственности. Осмысление духовно-психологических ценностей, оставленных нашими предками, особенно актуально в условиях современных тенденций, когда начинает активно заявлять о себе неонацизм, неофашизм, характеризующиеся тенденцией к преобладанию массовой безнравственной, безнациональной, бездуховной культурной основы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамов А.И. К вопросу о месте философии в средневековой письменности Киевской Руси / А.И. Абрамов // Становление философской мысли в Киевской Руси. – М. : Институт философии АН СССР, 1984. – С. 48–53.
2. Абульханова-Славская К.А. Российский менталитет : кросс-культурный и типологический подходы / К.А. Абульханова-Славская // Российский менталитет : вопросы психологической теории и практики. – М. : Ин-т психологии РАН, 1997. – С. 7–78.
3. Авдеев Д.А. Очерки православной психотерапии. В помощь страждущей душе / Д.А. Авдеев – 5-е изд., дополненное, переработанное. – М.: СофтИздат, 2012. – 464 с.: ил.
4. Авдеев С.М. Проблема нравственного идеала в русской философско-педагогической мысли : истоки, становление, эволюция : автореферат дис. ... канд. филос. наук. – СПб, 2001. – 23 с.
5. Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской / С.С. Аверинцев // Древнерусское искусство и художественная культура домонгольской Руси. – М. : Наука, 1972. – С. 25–49.
6. Адрианова-Перетц В.П. Человек в учительной литературе Древней Руси / В.П. Адрианова-Перетц// ТОДРЛ. – Л., 1972. – Т. 27. С. 25–26.
7. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. Сочинения исторические / К.С. Аксаков. – М. : Тип. П. Бахметева, 1861. – 661 с.
8. Алексеев С.В. Предания о дописьменной эпохе в истории славянской культуры XI–XV вв. : дис. ... доктора ист. наук / Алексеев Сергей Викторович. – М. : МосГУ, 2006. – 406 с.
9. Алексеенко И.С. Историографическое направление историко-психологического знания / И.С. Алексеенко // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 237–240.

10. Алпатов М.В. Андрей Рублев / М.В. Алпатов. – М. : Изобразительное искусство, 1972. – 206 с.
11. Алпатов М.В. Древнерусская иконопись / М.В. Алпатов. – М. : Искусство, 1984. – 332 с.
12. Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков / Б.Г. Ананьев. – М. : Госполитиздат, 1947. – 168 с.
13. Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков / Б.Г. Ананьев. – М., 1941 – 166 с.
14. Аникин В.П. К мудрости ступенька. О Русских песнях, сказках, пословицах, загадках, народном языке : очерки / В.П. Аникин, В.П. Бисти. – М. : Детская литература, 1988. – 176 с.
15. Аникин В.П. Русский фольклор : учеб. пособие для филол. спец. вузов / В.П. Аникин. – М. : Высшая школа, 1987. – 285 с.
16. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь / Аничков Е.В. – СПб : Типография М.М. Стасюлевича, 1914. – 386 с.
17. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. – М. : Педагогика, 1985. – 369 с.
18. Анцыферова Л.И. Методологические принципы и проблемы психологии / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1982. – № 2. – С. 3–18.
19. Анцыферова Л.И. Принцип развития в психологии / Л.И. Анцыферова. – М. : Наука, 1978. – 367 с.
20. Аншакова В.В. Проблема личности в экспериментальном, эмпирическом и духовно-нравственном направлениях отечественной психологической мысли в конце XIX – начале XX столетий: дис. ... д-ра психол. наук / Аншакова Валентина Васильевна – Астрахань, 2005. – 365 с.
21. Артемьева О.А. Социальная биография русской духовной психологии (историко-психологический анализ) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4. – 2011. – № 20. – С. 153 – 169.

22. Артемьева О.А. Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия / О.А. Артемьева. – М.: Когито-Центр, 2015. – 534 с.
23. Асов А.И. Мир славянских богов / А.И. Асов. – М. : Вече, 2002. – 526 с.
24. Астахова А.М. Народные сказки о богатырях русского эпоса / А.М. Астахова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 120 с.
25. Афанасьев А.Н. Боги – суть предки наши / А.Н. Афанасьев. – М. : Рипол Классик, 2009. – 320 с.
26. Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература / А.Н. Афанасьев. – М. : Советская Россия, 1986. – 368 с.
27. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3-х томах / А.Н. Афанасьев. – М. : Современный писатель, 1995.
28. Баловнев Д.А. Церковные приходы и приходское духовенство в XIV–XV вв. на Руси : автореферат дис. ... канд. ист. наук / Баловнев Дмитрий Анатольевич. – М, 1998. – 19 с.
29. Барская А.Д. Особенности мышления гомеровского человека / А.Д. Барская // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1997. – №2 – С. 23-32.
30. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
31. Баянова Л.Ф. Феномен культуры в истории психологии / Л.Ф. Баянова. – М. : Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 199 с.
32. Белов В.Н. Философия : зарождение русской философской мысли и ее особенности / В.Н. Белов // Труды Саратовской Православной Духовной семинарии : сб. – Выпуск 1. – Саратов : Изд-во Саратовской епархии, 2007. – С. 199–231.
33. Берегова О. Символы славян / О.Берегова. – М. ; СПб : Диля, 2008. – 425 с.

34. Блок М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
35. Богословская В.С. Психология в пословицах и поговорках с комментариями / В.С. Богословская. – М. : Содействие. – 2009. – 118 с.
36. Бондарь С.В. Философско-мировоззренческое содержание «Изборников» 1073 и 1076 годов / С.В. Бондарь. – Киев: Наукова думка, 1990. – 152 с.
37. Борисов Н.С. Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. / Н.С. Борисов. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 198 с.
38. Братусь Б.С. Двойное бытие души и возможность христианской психологии / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. – 1998. – №4. – С. 71–79.
39. Братусь Б.С. Начала христианской психологии / Б.С. Братусь [и др.]. – М : Наука, 1995. – 236 с.
40. Будилова Е.А. Категории исторического и логического в методологии истории науки / Е.А. Будилова // Категории материалистической диалектики в психологии : сб. статей. – М. : Наука, 1988. – С. 231–242.
41. Будилова Е.А. Философские проблемы в историко-психологическом исследовании / Е.А. Будилова // Материалы Всесоюзного симпозиума по проблеме / ред. Ц.Л. Фридман. – Алма-Ата : Общество психологов АПН СССР, 1973. – 348 с.
42. Булгаков С.Н. Философия имени [Электронный ресурс] / С.Н. Булгаков. – Париж, 1953. – URL : http://www.odinblago.ru/bulgakov_filosofia_imeni... (дата обращения 26.06.2012).
43. Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология / Ф.И. Буслаев. – М. : Высшая школа, 2003. – 398 с.
44. Буслаев Ф.И. Собр. соч. Т. 1. Общие понятия о русской иконописи / Ф.И. Буслаев. – СПб : Типография Императорской Академии наук, 1908. – 552 с.

45. Былины / под общей ред. В.И. Чичерова. – М. : Издательство Московского университета, 1957. – 516 с.
46. Былины / сост. Ф.М. Селиванова – М. : Изд-во «Советская Россия», 1988. – 576 с.
47. Бычков В.В. Духовно-эстетические основы русской иконы / В.В. Бычков. – М. : Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. – 366 с.
48. Бычков В.В. Своеобразие древнерусского эстетического сознания / В.В. Бычков // Традиционная культура. – 2003. – № 2. – С. 3–13.
49. Бычков В.В. Феномен иконы / В. В. Бычков. – М. : Науч.-изд. центр «Ладомир», 2009. – 638 с.
50. Вагнер Г.К. Канон и стиль в древнерусском искусстве / Г.К. Вагнер. – М. : Искусство, 1987. – 285 с.
51. Введенский А.И. Судьбы философии в России / А.И. Введенский // Очерки истории русской философии / сост. : Б.В. Емельянов, К.Н. Любутин. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 26–66.
52. Велецкая Н.Н. Символы славянского язычества / Н.Н. Велецкая. – М. : Вече, 2009. – 320 с.
53. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 1981. – 359 с.
54. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – С. 271.
55. Ветхов А.В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова / А.В. Ветхов. – Варшава : Тип. Варш. учеб. окр, 1907. – 522 с.
56. Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XI – начала XV века / Г.И. Вздорнов. – М. : Искусство, 1980. – 551 с.

57. Владимир Мономах. Поучение / Владимир Мономах // Памятники литературы Древней Руси XI – начала XII в. – М. : Художественная литература, 1980. – С. 392–413.
58. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале / М.И. Воловикова. – М.: Изд-во: Институт Психологии РАН, 2004. – 312 с.
59. Волошина Т.А. Языческая мифология славян / Т.А. Волошина, С.Н. Астапов. – Ростов-на Дону : Феникс, 1996. – 444 с.
60. Воронин Н.Н. Древнерусское искусство / Н.Н. Воронин. – М. : Изд-во Акад. художеств СССР, 1962. – 77 с.
61. Восточное славянство как культурно-этническая общность : сб. научн. статей. – Волгоград : Волгогр. гос. техн. ун-т, 2002. – 108 с.
62. Восточные славяне. Антропология и этническая история = Eastern Slavs. Anthropology and ethnic history / Т.И. Алексеева [и др.]; Отв. ред. Т.И. Алексеева. – М. : Науч. мир, 2002. – 341 с.
63. Выготский Л.С. Собрание сочинений. в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Л.С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982. – 488 с.
64. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии / Б. П. Вышеславцев // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. – М. : Республика, 1994. – С. 153–324.
65. Галактионов А.А. Русская философия XI–XIX вв. / А.А. Галактионов, П.Ф. Никандров. – Л. : Издательство Ленингр. ун-та, 1989. – 747 с.
66. Галкин А. Академия в Москве в XVII столетии / А. Галкин. – М. : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1913. – 97 с.
67. Гаязов О.А. Эволюция понимания души человека : автореферат дис. ... канд. филос. наук / Гаязов Равиль Авылкарамович. – Казань, 2004. – 21 с.
68. Георгиева Т.С. Христианство и русская культура : учеб. пособие / Т.С. Георгиева. – М. : Владос, 2001. – 239 с.

69. Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна / М. Гимбутас; [Пер. с англ. Ф.С. Капицы]. – М. : Центрполиграф, 2008. – 215 с.
70. Глухов А.Г. Ревнителі просвещения России, X–XVIII вв : учеб. пособие / А.Г. Глухов. – М. : Унив. кн., 2007. – 437 с.
71. Головань Н.А. Эволюция религиозной традиции в свете формирования древнерусской народности : X–XIII вв. : автореферат дис. ... канд. ист. наук / Головань Наталья Алексеевна. – М., 2007. – 21 с.
72. Горский В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII века / В.С. Горский. – Киев : Наук. думка, 1989. – 116 с.
73. Горшкова В.В. Преподобные мастера / В.В. Горшкова // Родина. – 1994. – № 1. – С. 101–104.
74. Гостев А.А. К проблеме концептуально терминологического перевода святоотеческих описаний психологических реалий / А.А. Гостев, В.А. Елисеев, А.Г. Фомин // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы международной конференции по психологии» IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г./Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Издательство «Институт психологии РПН», 2006. – С. 177–188.
75. Гостев А.А. К проблеме концептуально-терминологического перевода святоотеческих описаний психологических реалий / А.А. Гостев, В.А. Елисеев, А.Г. Фомин // Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи». 26–29 июня 2006. – М., 2006. – С. 177–187.
76. Гостев А.А. Святоотеческая мысль как источник историко-психологического анализа / А.А. Гостев, В.А. Елисеев, В.А. Соснин // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы международной конференции по психологии» IV московские встречи»,

- 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Издательство «Институт психологии РПН», 2006. – С. 30–67.
77. Грановская Р.М. Психология веры / Р.М. Грановская. – СПб : Речь – 2004. – 573 с.
78. Греков Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – Л. : Госполитиздат, 1953. – 567 с.
79. Громов М.Н. Идеиные течения древнерусской мысли / М.Н. Громов, В.В. Мильков. – СПб : Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001. – 260 с.
80. Г
ромов М.Н. Максим Грек / М.Н. Громов. – М. : Мысль, 1983. – 199 с.
81. Громов М.Н. Образы философов в Древней Руси / М. Н. Громов. – М. : ИФ РАН, 2010. – 287 с.
82. Громов М.Н. Русская философская мысль X–XVII веков / М.Н. Громов, Н.С. Козлов. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 285 с.
83. Громов М.Н. Славяно-греко-латинская академия / М.Н. Громов // История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. – М. : Греко-латинский кабинет, 1995. – С. 474–476.
84. Громов М.Н. Структура и типология русской средневековой философии / М.Н. Громов. – М. : ИФ, 1997. – 288 с.
85. Грушко Е.А. Словарь славянской мифологии / Е.А. Грушко, Ю. М. Медведев. – Н. Новгород : Рус. купец : Фирма «Братья славяне», 1996. – 475 с.
86. Гудзий Н.К. История древней русской литературы / Н.К. Гудзий. – М. : Просвещение, 1966. – 544 с.
87. Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры / Вильгельм фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.

88. Гуменская О.М. Очерки по истории отечественной психологии : учеб. пособие. Вып. 1. История психологической мысли на Руси (X–XVII вв.) / О.М. Гуменская. – Саратов : ООО «Научная книга», 2006. – 68 с.
89. Гумилев Л.Н. От Руси до России / Л.Н. Гумилев. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 541 с.
90. Гусева Е.П. Соколов и его исследование ранних психологических воззрений в России / Е.П. Гусева // Московская психологическая школа: История и современность. В 3 т. / Под ред. В. В. Рубцова. – Т. 1. – Кн. 2. – М. : ПИ РАО, МГППУ, 2004. – С. 387–389.
91. Дагбаева С.Б. Методологический кризис и типы научных парадигм в современной психологии/ С.Б. Дагбаева // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – 2008. – №4. – С. 56 – 61.
92. Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В.И. Даль. – СПб : Литера, 1994. – 480 с.
93. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль – СПб : Олма-Пресс , 1997. – 616 с.
94. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII века) : курс лекций / И.Н. Данилевский. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 398 с.
95. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому / Н.Я. Данилевский. – СПб : Типография брат. Пантелеевых, 1895. – 673 с.
96. Дворецкая М.Я. Развитие и становление психологического учения о человеке восточных христиан средневековья : дис. ... докт. псих. наук / Дворецкая Марианна Ярославовна. – М., 2006. – 439 с.
97. Де Бройль Л. По тропам науки / Л. Де Бройль. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – 408 с.
98. Демин В.Н. Загадки древних летописей / В.Н. Демин. – М. : Вече, 2007. – 473 с.

99. Демин В.Н. Русь летописная / В.Н. Демин. – М. : Вече, 2002. – 447 с.
100. Державин Н.С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк / Н.С. Державин. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. – 215 с.
101. Диоптра, или Духовное зеркало для познания сует мирских и необходимости их презрения. – СПб. : ОЮ-92, 1996. – 352 с.
102. Дмитриева Р.П. Повести о споре жизни и смерти / Р.П. Дмитриева – М., Л. – Наука, 1964. – 212 с.
103. Добросельский П.В. Общие аспекты психики или введение в православную психологию / П.В. Добросельский. – М. : Благовест, 2008. – 350 с.
104. Долгов В.В. Детство в контексте древнерусской культуры XI–XIII вв. : отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления / В.В. Долгов // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 5. – С. 72–83.
105. Домострой: сб. – М. : Художественная литература, 1991. – 319 с.
106. Древнерусская литература : изображение природы и человека. – М. : Наследие, 1995. – 335 с.
107. Древнерусская литература. – М. : Дрофа: Вече, 2004. – 416 с.
108. Древнерусская притча : сб. / сост. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной. – М. : Сов. Россия, 1991. – 524 с.
109. Древнерусские княжеские жития. – М. : Кругъ, 2001. – 397 с.
110. Древнерусские письменные источники X–XIII вв. – М. : Кругъ, 1991. – 79 с.
111. Древнерусские повести. – Пермь : Кн. изд-во, 1991. – 270 с.
112. Древнерусские предания XI–XVI веков. – М. : Сов. Россия, 1982. – 366 с.
113. Древнерусское и народное искусство. – М. : Наука, 1990. – 140 с.
114. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / под ред. А.А. Горелова // Полное собрание русских былин. – Т. 1. – СПб. : Тропа Троянова, 2000. – 430 с.

115. Егоркин В.Г. Наследие античной философии в восточнославянской духовности Средневековья (XI – первая треть XVII века) / В.Г. Егоркин. – Бийск: Науч.-изд. центр Бийского гос. пед. института, 1995. – 127 с.
116. Елеонская Е.Н. Некоторые замечания о роли загадки в сказке / Е.Н. Елеонская // Этногр. обозрение. – 1987. – № 4. – С. 78–90.
117. Елисеев В.А. Культурный феномен старообрядчества как объект историко-психологического исследования / В.А. Елисеев // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы международной конференции по психологии» IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Издательство «Институт психологии РПН», 2006. – С. 476–485.
118. Елисеев В.А. Православный путь к святости как процесс формирования положительных качеств личности / В.А. Елисеев // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы международной конференции по психологии» IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Издательство «Институт психологии РПН», 2006. – С. 190–197.
119. Ерёмин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы / И.П. Ерёмин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. – 326 с.
120. Ждан А.Н. История психологии на кафедре общей психологии : исследование и преподавание / А.Н. Ждан // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 1. – С. 3–12.
121. Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности / А.Н. Ждан. – М. : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. – 526 с.
122. Житие Феодосия Печерского // ПЛДР. XI – начало XII века. – М., 1978. – С. 304–391.

123. Жития Святых в древней письменности. Вып. 1 : Тексты, исследования, материалы / отв. ред. М.С. Крутова. – М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского ин-та, 2002. – 224 с.
124. Забылин М. Русский народ : его обычаи, предания, обряды и суеверия / М. Забылин. – М. : Эксмо, 2003. – 608 с.
125. Зайцева Т.И. Православная церковь в русской истории (X–XVII вв.) : материалы к спецкурсу / Т.И. Зайцева. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2003. – 39 с.
126. Замалеев А.Ф. Восточнославянские мыслители : Эпоха Средневековья / А.Ф. Замалеев. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – 265 с.
127. Замалеев А.Ф. Мыслители Киевской Руси / А.Ф. Замалеев, В.А. Зоц. – Киев : Вища школа : Изд-во при Киев. ун-те, 1981. – 159 с.
128. Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению (этико-богословское исследование) / С.М. Зарин. – М. : Паломник, 1996. – 693 с.
129. Зенько Ю.М. Основы христианской антропологии и психологии / Ю.М. Зенько. – СПб. : Речь, 2007. – 907 с.
130. Зенько Ю.М. Психология религии / Ю.М. Зенько. – СПб. : Речь, 2009. – 543 с.
131. Зеньковский В.В. История русской философии. В 4 ч. / В.В. Зеньковский. – Л. : «Эго», 1991. – 1120 с.
132. Златоструй. Древняя Русь X – XIII веков. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 302 с.
133. Иванов Г.М. Методологические проблемы исторического познания / Г.М. Иванов, А.М. Коршунов, Ю.В. Петров. – М. : Высш. школа, 1981. – 294 с.
134. Иванов В.В. Исследования в области славянских древностей : лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М. : Наука, 1974. – 342 с.

135. Иерофей (Влахос; митр., XX в.) Православная психотерапия : святоотеческий курс лечения : архим. Иерофей Влахос . – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2010. – 367 с.
136. Изборник 1076 г. /Сост. В.С. Голышенко и др. – М.: Наука, 1965. – 1093 с.
137. Илларион. Слово о Законе и Благодати / Илларион // Красноречие Древней Руси. М.: Советская Россия, 1987. С.42 - 57.
138. Ионайтис О.Б. Византия и Русь : развитие философских традиций / О.Б. Ионайтис. Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2002. – 269 с.
139. Ионайтис О.Б. Традиции византийского неоплатонизма в русской средневековой философии: Дис. ...д-ра филос. наук / Ионайтис Ольга Борисовна. – Екатеринбург, 2003. – 391 с.
140. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст 1 / отв. ред. Т.М. Николаева. – М. : Издательство «Индрик», 1994. – 270 с.
141. История русской литературы X–XVII вв. / под ред. Д.С. Лихачева. – М., 1980.
142. Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.) / В.М. Истрин. – М. : АCADEMIA, 2003. – 380 с.
143. Кавелин К.Д. Философия и наука в Европе и у нас. Наш умственный строй / К.Д. Кавелин. – М. : Правда, 1989. – 659 с.
144. Кагаров Е.Г. Религия древних славян / Е.Г. Кагаров. – М. : Книгоиздательство «Практические знания», 1918. – 84 с.
145. Калугин В.И. Герои русского эпоса : очерки о русском фольклоре / В.И. Калугин. – М. : Современник, 1983. – 351 с.
146. Кандыба В.М. История русского народа до XII в. н. э. / В. М. Кандыба. – М. : КСП, 1995. – 221 с.
147. Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справочник / Ф.С. Капица. – М. : Флинта, 2011. – 293 с.

148. Карамзин Н.М. История государства Российского : от VI века до начала XVI в. / Н.М. Карамзин. – М. : АСТ : Астрель, 2009. – 317 с.
149. Каращан В.А. Методологические проблемы истории развития отечественной военной психологии : дис. ... канд. психол. наук / Каращан Виктор Алексеевич. – М., 1974. – 198 с.
150. Карташев А.В. Очерки по истории русской Церкви / А.В. Карташев. – М. : Наука, 1991. – 685 с.
151. Кашлявик К.Ю. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» глазами француза / К.Ю. Кашлявик // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 3. – С. 147–149.
152. Киреевский П.В. Песни, собранные П.В. Киреевским / П.В. Киреевский. – М. : Общество любителей российской словесности, 1860 – .
153. Кирилло–Белозерский монастырь. Книжные центры Древней Руси. М., 2008. – 492 с.
154. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси / А. И. Клибанов. – М. : Аспект-пресс, 1996. – 366 с.
155. Климов Е.А. История психологии труда в России психологии / Е. А. Климов, О. Г. Носкова. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 220 с.
156. Климов Е.А. Метод логической реконструкции в истории психологии / Е. А. Климов, О. Г. Носкова // Современная психология : состояние и перспективы исследований. Ч. 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования : материалы юбилейной научной конференции ИП РАН. 28–29 января 2002. – М., 2002. – С. 256–274.
157. Клыпа О.В. К историко-психологическому наследию М. В. Соколова / О.В. Клыпа // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 52–57.
158. Клыпа О.В. К проблеме изучения генезиса отечественной психологической мысли / О.В. Клыпа // Вестник Ленинградского

- государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2013. – Том 5. – № 3. – С. 5–16.
159. Клыпа О.В. Концепт внутреннего мира человека в русских былинах / О.В. Клыпа // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». – 2012. – № 3. – С. 29–35.
160. Клыпа О.В. Междисциплинарный подход к исследованию генезиса психологической мысли древнерусского периода / О.В. Клыпа // Психологический журнал. – 2014. – Том 35. – № 1. – С. 80–89.
161. Клыпа О.В. Особенности генезиса русской психологической мысли / О.В. Клыпа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 171. – С. 327–332.
162. Клыпа О.В. Православные формы познания человеческой души в период русского средневековья / О.В. Клыпа // Сборник статей ЦНС «Международные научные исследования» по материалам IV международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы современной науки», Часть 1. – Москва.: «ISI_journal», 2016. – С. 64–66.
163. Клыпа О.В. Психологические идеи в языческом миропонимании древних славян / О.В. Клыпа // Психологический журнал. – 2011. – Том 32. – № 5. – С. 79–85.
164. Клыпа О.В. Психологический контекст древнерусской иконописи / О.В. Клыпа // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». – 2013. – № 1. – С. 52–58.
165. Клыпа О.В. Символический язык выражения психологических воззрений в период русского средневековья / О.В. Клыпа // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – №2 (24). – С. 218–223.
166. Клыпа О.В. О формах фиксации психологического познания в период русского средневековья / О. В. Клыпа // European Social Science Journal

- (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – Том 1. – № 2 (41). – С. 385 – 390.
167. Ключевский В.О. Древнерусские Жития Святых как исторический источник / В.О. Ключевский. – М. : Наука, 1988. – 509 с.
168. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Том I–III / В.О. Ключевский. – М. : АСТ, 2002.
169. Книга «Пчела»: речи и мысли из Евангелия и из Апостола, и из кн. святых отцов, а также мысли свет. философов / сост. Е. Галева. – М. : Рус. Раритет, 2002. – 230 с.
170. Книжные центры Древней Руси. – СПб. : Наука : С.-Петербург. отд-е, 1991. – 363 с.
171. Кобях Н.А. Славяно-русские рукописи XIV–XVII вв. / Н.А. Кобях, И.В. Подзеева. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 136 с.
172. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М. : Наука, 2003. – 485 с.
173. Козлов Н.С. Развитие общественно-политической и философской мысли в эпоху русского средневековья / Н.С. Козлов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 80 с.
174. Козлова О.В. Самобытный феномен русской средневековой философии / О.В. Козлова. – М.: Изд-во Флинта, 2012. – 304 с.
175. Колесник В.Н. Русская икона как духовная модель Православного культурного космоса: дис. ... канд. филос. наук / Колесник Валерия Николаевна. – Белгород, 2002. – 146 с.
176. Кольцова В.А. История психологии : проблемы методологии / В. А. Кольцова. – М. : Ин-т психологии РАН, 2008. – 510 с.
177. Кольцова В.А. Методолого-теоретические основы историко-психологического исследования / В.А. Кольцова. – М. : Ин-т психологии РАН, 2004. – 416 с.

178. Кольцова В.А. Процедура реконструкции психологического знания в контексте взаимодействия культур / В.А. Кольцова // Идеи системности в современной психологии. – М. : Ин-т психологии РАН, 2005. – С. 70–99.
179. Кондаков Н.П. Иконы / Н.П. Кондаков. – М. : БММ, 2011. – 256 с.
180. Коноваленко С.П. Философско-культурологический анализ феномена святости и образа русского святого в народном православии : автореферат дис. ... канд. филос. наук / Коноваленко Светлана Петровна. – Белгород, 2008. – 23 с.
181. Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / А.А. Коринфский. – М.: Моск. рабочий, 1994. – 560 с.
182. Корнилова Т.В. Методологические основы психологии / Т.В. Корнилова, Смирнов С.Д. – М. : Юрайт, 2011. – 483 с.
183. Котляревский А.А. Погребальный обычай славян / А.А. Котляревский. – М., 1968.
184. Кривошеев Ю.В. Религия восточных славян накануне крещения Руси / Ю.В. Кривошеев. – Л. : Знание, 1988. – 249 с.
185. Криничная Н.А. Домашний дух и святочные гадания. По материалам северорусских обрядов и мифологических рассказов / Н.А. Криничная. – Петрозаводск : КНЦ РАН, 1993. – 29 с.
186. Крутецкий В.Ю. Максим Грек и русская культура последней четверти XVI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Крутецкий Владимир Юрьевич. – Ярославль, 2006. – 26 с.
187. Кудрявцев В.Т. Идея историзма в психологии развития (теоретико-методологическое исследование) : дис. ... доктора психол. наук / Кудрявцев Владимир Товиевич. – М., 1997. – 336 с.
188. Кузнецова Н.И. Наука в ее истории : (Методологические проблемы) / Н.И. Кузнецова. – М. : Наука, 1982. – 127 с.

189. Кузнецова Н.И. Научный текст как источник в историко-научном исследовании / Н. И. Кузнецова, М.А. Розов // Методологические проблемы историко-научных исследований. – М. : Наука, 1982. – С. 310–319.
190. Кузнецова Н.И. Философия и методология науки / Н.И. Кузнецова. – М., 1994.
191. Кузьмин В.П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода / В.П. Кузьмин // Психологический журнал. – 1982. – Том 3. – № 3. – С. 3–15 ; № 4. – С. 3–14.
192. Лазарев В.Н. Византийская живопись : сб. статей / В.Н. Лазарев. – М. : Наука, 1971. – 406 с.
193. Лебедев В. И. Духи в зеркале психологии / В. И. Лебедев. – М. : Сов. Россия, 1987. – 222 с.
194. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика-пресс, 1994. – 602 с.
195. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс. – М. : Республика, 1994. – 382 с.
196. Левшун Л.В. О слове преображенном и слове преображающем : теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков / Л.В. Левшун. – Минск : Белорусская Православная Церковь, 2009. – 895 с.
197. Лейнер Х. Основы глубинно-психологической символики / Х. Лейнер // Журнал практического психолога. – 1996. – № 3. – С. 102–110.
198. Леман А. История магии и суеверий от древности до наших дней / А. Леман. – М. : ЭКСМО, 2002. – 762 с.
199. Лепяхин В.В. Икона в русской словесности и культуре : сб. статей/ В.В. Лепяхин [и др.]. – М. : Паломник, 2012. – 606 с.
200. Литература Руси XI – начала XIII века // Великая Русь: история и художественная культура X–XVII вв. – М. : , 1994. – С. 16–60.

201. Лихачев Д.С. Величие древней литературы / Д.С. Лихачев // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. – СПб. : Наука, 1997. – С. 7–24.
202. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XV веков. Эпохи и стили / Д.С. Лихачев – Л.: Наука, 1973. – 256 с.
203. Лихачев Д.С. Семнадцатый век в русской литературе / Д.С. Лихачев // ПЛДР. XVII век. Книга первая. – М. : Худож. лит, 1988. – С. 6 – 26.
204. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С. Лихачев. – М. : Наука, 1970. – 134 с.
205. Ломов Б.Ф. Системность в психологии / Б.Ф. Ломов. – Москва-Воронеж : «Институт практической психологии, МОДЭК», 1996. – 384 с.
206. Лопатинский Ф. Избранные философские произведения / Ф. Лопатинский. – М. : ИФ, 1997. – 217 с.
207. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
208. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М. : Мысль, 1991. – С. 21 – 186.
209. Лосев А.Ф. Знак, символ, миф / А.Ф. Лосев. – М. : Издательство Московского университета, 1982. – 480 с.
210. Лосев А.Ф. Русская философия // Очерки истории русской философии / сост. : Б.В. Емельянов, К.Н. Любутин. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 67–95.
211. Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М., 2010.
212. Мазай Н.И. Семантическое поле «род» в русском фольклоре : былины, лирические песни, паремии : автореферат дис. ... канд. филологических наук / Мазай Нина Игоревна. – Красноярск, 2008. – 23 с.
213. Мазилев В.А. Проблема предмета и метода в психологии / В.А. Мазилев // Вопросы психологии. – 2007. – №1. – С. 12-16.

214. Мазулин А.И. Краткая редакция повести о боярыне Морозовой [Электронный ресурс] / А.И. Мазурин [//http://lib.pushkinskiydom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/18_tom/Mazunin/Mazunin.pdf](http://lib.pushkinskiydom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/18_tom/Mazunin/Mazunin.pdf) (дата обращения 27.01.15).
215. Майков Л.Н. Великорусские заклинания / Л.Н. Майков. – СПб. : Изд-во Европ. Дома, 1994. – 214 с.
216. Максим Грек. Сочинения. – Т. 1. Нравоучительные сочинения. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1910. – 288 с.
217. Маноха И.П. Методологические подходы к построению и объяснению истории психологии: перспективы содержательного синтеза / И.П. Маноха // Психология и ее приложения. – Том 9. – Выпуск 2. – М., 2002. – С. 479–481.
218. Марцинковская Т.Д. История психологии : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Т.Д. Марцинковская. – М. : Академия, 2009. – 543 с.
219. Марцинковская Т.Д. Национальное самосознание и его отражение в российской психологической науке (сер. XIX – нач. XXв.): автореферат дис. ...доктора психол. наук / Марцинковская Татьяна Давыдовна. – М., 1994. – 36 с.
220. Медушевская О.М. Методология истории / О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. – 71 с.
221. Методология историко-психологического исследования : сб. научных трудов. – М. : [б. и.], 1974. – 119 с.
222. Мизун Ю.В. Святая Русь от Исхода до Крещения / Ю.В. Мизун. – М. : Вече, 2002. – 479 с.
223. Миллер О.Ф. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское / О.Ф. Миллер. – СПб. : Типография Н. Н. Михайлова, 1869. – 895 с.

224. Мильков В.В. Основные направления религиозно-философской мысли Древней Руси XI–XV вв. : дис. ... доктора философских наук в форме науч. доклада / Мильков Владимир Владимирович. – М., 2000. – 98 с.
225. Мильков В.В. Примирение духа и плоти (неоплатоническая традиция в древнерусской мысли) / В.В. Мильков // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. – М.: Наука, 2000. – 376 с.
226. Минск-Смоленск-Москва : этнография славянских народов : материалы международной научно-практической конференции, состоявшейся 21–23 сентября 1999. – Смоленск, 2000. – 559 с.
227. Минькова Е.С. Особенности становления психологии развития в России второй половины XIX – первой трети XX века // Методология и история психологии. – 2010. – № 2. – С. 40 – 48.
228. Мирончиков Л.Т. Дохристианское жречество Древней Руси : дис. ... канд. ист. наук / Л.Т. Мирончиков. – Минск, 1969.
229. Митрофанова В.В. Русские народные загадки / В.В. Митрофанова. – Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1978. – 180 с.
230. Мифы древних славян / сост. А. И. Баженовой, В. И. Вардугина. – Саратов : Надежда, 1993. – 218 с.
231. Михайлова М.В. Концепция «человек» в произведениях Максима Грека / М.В. Михайлова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: гуманитарные науки. – 2010. – № 583. – С. 22 –29.
232. Наговицын А.Е. Тайны мифологии славян / А.Е. Наговицын. – М. : Традиция : Академический Проект, 2009. – 510 с.
233. Некрасов А.И. Древнерусское изобразительное искусство / А.И. Некрасов. – М. : Изогиз, 1937. – 395 с.
234. Нешитов П.Ю. Метафизика религиозного сознания (протопоп Аввакум) : дис. ... канд. филос. наук / Нешитов Петр Юрьевич. – СПб., 2006. – 181 с.

235. Нидерле Л. Славянские древности / Л. Нидерле. – СПб. : Алетейа, 2001. – 590 с.
236. Нил Сорский. Наставление о душе и страстях / Нил Сорский. – М. : Издательство Тропа Троянова, 2007. – 192 с.
237. Никитин В.А. Основы православной культуры / В.А. Никитин. – М. : Дом надежды, 2009. – 560 с.
238. Никифоровский М.Б. Русское язычество. Опыт популярного изложения исторических сведений о язычестве / М.Б. Никифоровский. – СПб. : тип. духовного журн. «Странник», 1875. – 125 с.
239. Николаева Т.М. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст : сб. / Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики ; [Отв. ред. и авт. предисл. Т.М. Николаева]. – М. : Индрик, 1994. – 269 с.
240. Никольский Н.К. О литературных трудах Климента Смолятича, писателя XII в. / Н.К. Никольский. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1892. – 229 с.
241. Никольский Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – М. : Политиздат, 1985. – 448 с.
242. Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию : размышления священника-психолога / Б.В. Ничипоров – М. : Школа-пресс, 1994. – 188 с.
243. Новик И. Б. Гносеологические аспекты моделирования / И. Б. Новик // Природа моделей и модели природы / под ред. Д. М. Гвишиани [и др.]. – М.: Мысль, 1986. – 272 с.
244. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки / Н. В. Новиков. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 253 с.
245. Носова Г.А. Язычество в православии / Г. А. Носова. – М.: Наука, 1975. – 152 с.

246. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. редактор А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – Москва: Издательство «Институт Психологии РАН», 2012. – 413 с.
247. Ожиганова Г.В. История психологии : концептуальные подходы и методы исследования / Г.В. Ожиганова // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 3. – С. 75–85.
248. Олейник Ю.Н. История становления и развития отечественной психологии индивидуальных различий : автореферат дис. ... канд. психол. наук / Олейник Юрий Николаевич. – М., 1990. – 23 с.
249. Ольшанский Д.В. Психология масс / Д.В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2001. – 363 с.
250. Осипова О.С. Славянское языческое миропонимание (философское исследование) / О.С. Осипова. – М. : Моск. Гос. ин-т радиотехники, электроники и автоматики (техн. ун-т), 2000. – 59 с.
251. Палея толковая / Под ред. Панкратова Н.Л. — Москва: Согласие, 2002. – 648 с.
252. Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М. : Художественная литература, 1980. – 704 с.
253. Памятники литературы Древней Руси: XIII в. – М. : Художественная литература, 1981. – 616 с.
254. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI в. – М. : Художественная литература, 1984. – 768 с.
255. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII в. – М. : Художественная литература, 1978. – 494 с.
256. Памятники литературы Древней Руси. XIV – сер. XV в. – М. : Художественная литература, 1981. – 630 с.
257. Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. – Т. 2. : Период ордынского владычества / [Сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. — М. : Российская политическая энциклопедия

- (РОССПЭН), 2010. — 720 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
258. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России / А.А. Панченко. — СПб. : Алетейя, 1998. — 305 с.
259. Пелех П.М. Из истории отечественной психологии XVII в. / П.М. Пелех; под ред. Г.С. Костюка. — Киев : Просвещение, 1952.
260. Первоисточники : / Повесть временных лет. Галицко-Волынская летопись (сборник, пер. с древнерусского). — М. : АСТ, 2015. — 300 с.
261. Первые книги Святой Руси. — М. : ДАРЪ, 2005. — 560 с.
262. Перевезенцев С.В. Исторические судьбы России в трудах русских мыслителей XI–XVII вв. : автореферат дис. ... доктора истор. наук / Перевезенцев Сергей Вячеславович. — М., 1999. — 33 с.
263. Перевезенцев С.В. Русский выбор: очерки национального сознания / С.В. Перевезенцев. — М. : Русский Миръ, 2007. — 411 с.
264. Перевезенцев С.В. Смысл русской истории / С.В. Перевезенцев. — М. : Вече, 2004. — 496 с.
265. Перевезенцев С.В. Тайны русской веры. От язычества к империи / С.В. Перевезенцев. — М. : Вече, 2001. — 431 с.
266. Петровский А.В. История и теория психологии. В 2 т. Т. 1. / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. — 282 с.
267. Петровский А.В. Теоретическая психология / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. — М. : Academia, 2001. — 495 с.
268. Петрухин В.Я. Славяне / В.Я. Петрухин. — М. : Изд. дом «Росмэн», 1998. — 108 с.
269. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. В 3 т. Т. 2. / Г.В. Плеханов. — М. : Лит.-Изд. отдел Народного Комиссариата по Просвещению, 1919.

270. Подскальски Герхард. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (986–1237 гг.) / Герхард Подскальски. – СПб. : Византинороссика, 1996. – 572 с.
271. Поляков Л.В. К вопросу о типологии и специфике философской мысли в Киевской Руси / Л.В. Поляков // Становление философской мысли в Киевской Руси. – М. : ИФАН, 1984. – С. 70–83.
272. Поляков Л.В. Философские идеи в культуре Древней Руси. Историко-философский очерк / Л.В. Поляков. – М. : Знание, 1988. – 62 с.
273. Полянский С.М. Религиозно-философская проблематика в «Послании о посте» митрополита Никифора / С.М. Полянский // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. – М. : Наука, 2000. – С. 270–282.
274. Попович М.В. Мировоззрение древних славян / М.В. Попович. – Киев : Наук. думка, 1985. – 167 с.
275. Послание Климента Смолятича // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 4. – СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1997.
276. Послание Митрополита Никифора. – М.: ИФ РАН, 2000. – 125 с.
277. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потебня // Потебня А. А. Теоретическая поэтика. – М. : Высш. шк., 1990.
278. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев : Синто, 1993. – 192 с.
279. Поучение Владимира Мономаха // ПЛДР. Начало русской литературы. XI - начало XII века. М.: Художественная литература, 1978. С.393 - 413.
280. Почепцов Г.Г. Психологические войны / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук ; [Киев] : Ваклер, 2000. – 523 с.
281. Православная психотерапия // Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб. : Питер Ком, 1998.

282. Православные притчи / [сост. А.Н. Филиппов]. – М. : РИПОЛ классик, 2010. – 400 с.
283. Предания русского народа / авт.-сост. И.Н. Кузнецов. – М. : Вече, 2008. – 350 с.
284. Преподобный Нил Сорский. Устав и послания. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 240 с.
285. Прозоров Л. Времена русских богатырей : по страницам былин – в глубь времен / Л. Прозоров. – М. : Яуза : ЭКСМО, 2006. – 286 с.
286. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л. : Лениздат, 1986. – 415 с.
287. Пропп В.Я. Морфология сказки / В.Я. Пропп. – М. : Наука, 1969. – 168 с.
288. Пропп В.Я. Поэтика фольклора / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 351 с.
289. Пропп В.Я. Русский героический эпос / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1999. – 636 с.
290. Пропп В.Я. Фольклор и действительность / В.Я. Пропп. – М. : Наука, 1989. – 233 с.
291. Прохоров Г.М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен / Г.М. Прохоров. – СПб. : Издательство Олега Абышко , 2010. – с. 320 с.
292. Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков / Г.М. Прохоров. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1987. – 294 с.
293. Психологическая мысль России: век Просвещения / под ред. В.А. Кольцовой. – СПб. : Алетейя, 2001. – 374 с.
294. Пустарнаков В.Ф. Предисловие / В.Ф. Пустарнаков // Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. – М. : ИФ РАН, 1996. – С. 3–7.

295. Пустарнаков В.Ф. Философская мысль в Древней Руси / В.Ф. Пустарнаков. – М. : Кругъ, 2005. – 363 с.
296. Пустарнаков В.Ф. Философские идеи в религиозной форме общественного сознания Киевской Руси / В.Ф. Пустарнаков // Введение христианства на Руси : сб. – М. : Мысль, 1987.
297. Путилов Б.Н. Древняя Русь в лицах : Боги, герои, люди / Б.Н. Путилов. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 367 с.
298. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л.Н. Пушкарев. – М. : Наука, 1975. – 281 с.
299. Радлов Э.Л. Очерк истории русской философии / Э.Л. Радлов // Очерки истории русской философии / сост. : Б.В. Емельянов, К.Н. Любутин. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 96–216.
300. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства : автореферат дис. ... докт. ист. наук / Рапов Олег Михайлович. – М., 1989. – 34 с.
301. Рассел Б. Может ли человек быть рациональным? [Электронный ресурс] / Б. Рассел. – URL http://www.vusnet.ru/biblio/arhive/rassel_can/ (дата обращения 11.07.2011).
302. Ржепянская И.В. Русское народное творчество в становлении нравственной культуры Древней Руси / И.В. Ржепянская. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 197 с.
303. Родыгина С.Н. Религия как форма мировоззренческого познания : автореферат дис. ... канд. филос. наук / Родыгина Светлана Николаевна. – Киров, 2007. – 18 с.
304. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси / Б.А. Романов // От Корсуня до Калки. – М. : Мол. Гвардия, 1990.
305. Роменец В.А. История психологии древнего мира и средних веков / В.А. Роменец. – Киев : Вища шк., 1983. – 415 с.

306. Роменец В.А. Предмет и принципы историко-психологического исследования : автореф. дис. ... доктора психол. наук / Роменец Владимир Андреевич. – Киев, 1989. – 42 с.
307. Российская психология: Антология/Авт.-сост. А.Н. Ждан. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2009. – 1279 с. – («Summa»).
308. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000 – 712 с.
309. Руденко Л.В. Социальная миссия православного христианства в Древней Руси IX–XI вв. : автореферат дис. ... канд. ист. наук / Руденко Лада Валерьевна. – М., 2008. – 30 с.
310. Русская философская мысль X–XVII веков. – М.: МГУ, 1990. – 289 с.
311. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – М.: Амрита, 2011. – 496 с.
312. Русское колдовство, ведовство, знахарство : сб. / сост. Н. Ушаков. – СПб. : ВИАН; Литера 1994. – 464 с.
313. Русь : история и художественная культура X–XVII вв. / Д.С. Лихачев [и др.]. – М. : Искусство, 2003. – 488 с.
314. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 782 с.
315. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М. : Рус. слово, 1997. – 821 с.
316. Савина Е.А. Житейская психология в русских пословицах и поговорках / Е.А. Савина, Л.Ю. Дегтяренко // Человек. – 2001. – № 5. – С. 186–192.
317. Саенко Ю.В. Психологические аспекты изучения суеверий / Ю.В. Саенко // Вопросы психологии. – 2006. – № 6. – С. 85–96.
318. Саенко Ю.В. Психология и суеверия [Электронный ресурс] / Ю.В. Саенко. – URL : http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_doku/ (дата обращения 10.04.14).

319. Самыгин С.И. Религиоведение : социология и психология религии / С.И. Самыгин, В.И. Нечипуренко, И.Н. Полонская. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. – 672 с.
320. Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XIII вв. / Б.В. Сапунов. – М. : Наука. Ленингр. отд-е, 1978. – 231 с.
321. Сахаров И.П. Сказания русского народа. Кн. 1–2. / И.П. Сахаров. – СПб. : А.С. Суворин, 1885.
322. Свенцицкая И.С. Мифы и действительность / И.С. Свенцицкая. – М. : Знание, 1975. – 64 с.
323. Свирин А.Н. Искусство книги древней Руси XI–XVII вв. / А.Н. Свирин. – М. : Искусство, 1964. – 296 с.
324. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII веках / В.В. Седов. – М. : Наука, 1982. – 327 с.
325. Семенова М. Мы – славяне / М. Семенова. – СПб. : Азбука, 1997. – 558 с.
326. Симонов Р.Л. Древнерусская книжность / Р.Л. Симонов – М. : Изд-во МГУП, 1999. – 54 с.
327. Симонова Т.А. Взаимосвязь православия, философии и искусства в Древней Руси : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Симонова Татьяна Алексеевна. – М., 1993. – 23 с.
328. Синявский А.Д. Иван-дурак : очерк русской народной веры / А.Д. Синявский. – М. : Аграф, 2001. – 463 с.
329. Сказочная антология / сост. Н. Будур. – М. : Олма-Пресс, 2005. – 600 с.
330. Славяне : Письменность и культура: Материалы научной конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. – Смоленск : СГПУ. Фак. рус. яз. и лит. Каф. лит. и фольклора, 2002. – 289 с.
331. Славяне : Этногенез и этническая история : сб. статей. – Л. : Изд-во Ленингр. университета, 1989. – 177 с.

332. Славянская мифология. Энциклопедический словарь : А–Я. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 509 с.
333. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995–2014.
334. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 2. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 697 с.
335. Славянские чтения : духовная культура и история русского народа : материалы докл. науч.-практ. конф. / редкол. : М.П. Одинцова (отв. ред.) [и др.]. – Омск : Изд-во Ом. отд-я Междунар. фонда слав. письменности и культуры, 1995 – 186 с.
336. Славянский и балканский фольклор : Верования. Текст. Ритуал. – М. : Наука, 1994. – 267 с.
337. Славянский и балканский фольклор : обряд. – М. : Наука, 1981. – 277 с.
338. Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. – М. : Наука, 1984. – 287 с.
339. Славянский фольклор : тексты / сост. и пер. : Н.И. Кравцов, А.В. Кулагин. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – 376 с.
340. Словарь славянской мифологии / сост. И.А. Мудрова. – М. : Центрполиграф, 2010. – 238 с.
341. Слово о жёнах о добрых и о злых» // Красноречие Древней Руси (XI - XVII вв.) / сост., вступ. ст., комм. Т.В. Черторицкой. М.: Советская Россия, 1987. С.310 - 314.
342. Сменцовский М. Братья Лихуды [Электронный ресурс] / М. Сменцовский // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – URL : <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения 19.04.14) .
343. Смирнов С.С. Древне-русский духовник : исследование по истории церковного быта / С.С. Смирнов. – Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском Университете. – Синоидальная типография. – М., 1970. – 568 с.

344. Смирнов С.С. История Московской Славяно-греко-латинской академии / С.С. Смирнов. – М. : в Тип. В. Готье, 1855. – 428 с.
345. Смирнова Е.Т. Введение в религиозную психологию / Е.Т. Смирнова. – Самара : Бахрах-М, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати), 2003. – 159 с.
346. Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям / А.Н. Соболев. – Сергиев Посад : М. С. Елов, 1913. – 208 с.
347. Соколов М.В. Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках / М.В. Соколов. – М. : АПН РСФСР, 1963. – 419 с.
348. Соколов М.В. Психологические воззрения в Древней Руси / М.В. Соколов // Очерки истории русской психологии. – М. : Изд-во Московского университета, 1957. – С. 3–101.
349. Соколов М.В. У истоков русской психологии / М.В. Соколов // Тезисы докладов на 1 съезде общества психологов. – Вып. 1. – М., 1959. – С. 235–237.
350. Соколова Л.В. Воспитание ребенка в русских традициях / Л.В. Соколова, А.Ф. Некрылова. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 196 с.
351. Соловьев С.М. Об истории Древней России / С.М. Соловьев. – М. : Просвещение, 1993. – 542 с.
352. Сперанская А.Н. Отражение мира идеального в фольклорной картине мира / А.Н. Сперанская // Макарьевские чтения: материалы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г.). – Горно-Алтайск : РИО ГАГУБ, 2004. – С. 331–339.
353. Сперанский М.Н. История древней русской литературы / М.Н. Сперанский. – СПб. : Лань, 2002. – 541 с.
354. Срезневский И.В. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян, по свидетельствам современным и преданиям / И.И. Срезневский. – Харьков : Унив. тип., 1846. – 107 с.
355. Срезневский И.И. О языческих верованиях древних славян в бессмертие души / И.И. Срезневский. – СПб., 1847. – 12 с.

356. Становление философской мысли в Киевской Руси : сб. ст. – М. : ИФАН, 1984. – 95 с.
357. Старая пословица не даром молвится : поучения, поговорки и пословицы. – СПб. : Авалонъ : Азбука-классика, 2007. – 318 с.
358. Старовойтенко Е.Б. От идей В.А. Роменца к культурной персонологии // Психологія вчинку: Шляхами творчості В.А. Роменця : зб. ст. – К. : Либідь, 2012. – С. 207 – 216.
359. Старовойтенко Е.Б. Культурная психология личности / Е.Б. Старовойтенко. – М.: Академический проспект, 2007. – 320 с.
360. Старославянский словарь : (по рукописям X–XI вв.). – М. : Рус. яз., 1994. – 843 с.
361. Степин В.С. История и философия науки / В.С. Степин. – М. : Акад. проект, 2014. – 423 с.
362. Сухачев В.Ю. Исследования человека: основные подходы в философской антропологии : автореферат дис. ... доктора филос. наук / Сухачев Вячеслав Юльевич. – СПб., 2003. – 35 с.
363. Сухов А.Д. Некоторые методологические проблемы исследования философского сознания в Киевской Руси // Становление философской мысли в Киевской Руси. – М. : ИФАН, 1984. – С. 5–11.
364. Сухов А.Д. Русская философия : особенности, традиции, исторические судьбы / А. Д. Сухов. – М. : ИФРАН, 1995. – 156 с.
365. Тарабукин Н.М. Смысл иконы / Н.М. Тарабукин. – М. : Православное братство Свт. Филарета Московского, 1999. – 226 с.
366. Тарасов П.Г. Исповедальное начало в христианском мировоззрении : автореферат дис. ... канд. филос. наук / Тарасов Павел Григорьевич. – Белгород, 2008. – 18 с.
367. Творогов О.В. Литература Древней Руси / О.В. Творогов. – М.: Просвещение, 1981. – 128 с.

368. Творогов О.В. Произведения Владимира Мономаха / О.В. Творогов. // История русской литературы XI–XVII вв. – М., 1985.
369. Теплов Б.М. О некоторых общих вопросах разработки истории психологии / Б.М. Теплов // Вопросы психологии. Материалы второй Закавказской конференции психологов. – Ереван, 1960. – С. 3 – 13.
370. Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII вв. / М.Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1968. – 447 с.
371. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале / С.М. Толстая. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 528 с.
372. Толстикова Е.В. Влияние дуалистической и монистической тенденций в христианстве на этические представления русских средневековых мыслителей (XIV–XVI вв.) / Толстикова Елена Васильевна : автореферат. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1995. – 25 с.
373. Третьяков Н.Н. Образ в искусстве : основные композиции / Н.Н. Третьяков. – Козельск : Свято-Введ. Оптиная Пустынь, 2001. – 261 с.
374. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян : лингвист. Исследования / О.Н. Трубачев. – М. : Наука, 2003. – 488 с.
375. Трубецкой Е.Н. Россия в ее иконе / Е.Н. Трубецкой // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М. : Республика, 1994. – 431 с.
376. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе / Е.Н. Трубецкой. – Новосибирск : Сибирь – XXI век, 1991. – 110 с.
377. Тутунджян О.М. Моделирование как метод историко-психологического исследования : Методология историко-психологического исследования / О.М. Тутунджян. – М., 1974. – 118 с.
378. Тэрнер В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
379. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви / Л.А. Успенский. – Коломна, Московская обл. : Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь : Благотворительный фонд «Благо», 2008. – 656 с.

380. Устьян В.Г. Проблема достоинства человека в святоотеческой традиции и русской религиозной философии : автореферат дис. ... канд. филос. наук / Устьян Виктория Геннадьевна. – Тула, 2009. – 23 с.
381. Федотов Г.П. Лицо России / Г.П. Федотов // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. – СПб. : Наука : С.-Петербург. отд-е, 1992. – С. 261–266.
382. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. / Г.П. Федотов. – СПб. : София, 1991.
383. Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. : антология / сост., общ. ред. и предисл. Н.К. Гаврюшина. – М. : Прогресс : Культура, 1993. – 399 с.
384. Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. – М. : Наука, 2000. – 375 с.
385. Философское содержание русских журналов начала XX в. Статьи, заметки и рецензии в литературно-общественных и философских изданиях 1901–1922 гг. Библиографический указатель / отв. ред. А.А. Ермичев. – СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2001. – 478 с.
386. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии: наука о душе / Т.А. Флоренская. – М. : Владос, 2001. – 208 с.
387. Флоренский П.А. Значение пространственности / П.А. Флоренский // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории философии и археологии. – М. : Мысль, 2000. – С. 272–274.
388. Флоренский П.А. Из богословского наследия / П.А. Флоренский // Богословские труды. Вып. 17. – М., 1977.
389. Фольклор народов России / Сост. В.И. Калугина. В 2 т., Т. 2. – М.: Дрофа, 2005. – 302 с.
390. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд. – М. : Олимп; АСТ-ЛТД, 1998. – 448 с.

391. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1989. – 272 с.
392. Фромм Э. Забытый язык. Введение в науку понимания снов, сказок и мифов / Э. Фромм // Фромм Э. Душа человека. – М. : Республика, 1992.
393. Фромм Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм // Сумерки богов : сб. – М. : Политиздат, 1989.
394. Хализев В.Е. Теория литературы : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / В.Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 2000. – 398 с.
395. Храпченко М.Б. Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции / М.Б. Храпченко, В.Г. Базанов. – М.: Наука, 1976. – 460 с.
396. Церковно-исторический словарь / сост. Л.П. Петров. – М. : Изд-во Сретен. монастыря, 1996. – 304 с.
397. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х т. / П.Я Чаадаев. – М. : Наука, 1991.
398. Чёрная Л.А. Антропологический код древнерусской культуры / Л.А. Чёрная. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 463 с.
399. Черняева С.А. Развитие личности и психологическая помощь в свете христианского мировоззрения : монография / С.А. Черняева. – СПб. : Речь, 2007. – 184 с.
400. Чмыхов Н.А. Истоки язычества Руси / Н.А. Чмыхов. – Киев : Лыбидь, 1990. – 381 с.
401. Чумак Т.В. Социально-философский анализ рефлексивных форм русского православия : автореферат дис. ... канд. соц. наук / Чумак Тимур Васильевич. – Ростов-на-Дону, 1992. – 23 с.
402. Чумаков М.В. Введение в психологию религии : учеб. пособие / М.В. Чумаков. – Курган, 1997. – 29 с.
403. Чухина Л. А. Проблема человека в религиозной философии : дис. ... доктора филос. наук / Чухина Лариса Алексеевна. – Рига, 1983. – 419 с.

404. Шестоднев Афанасия Холмогорского / Т. В. Панич // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1989. – С. 136–193.
405. Шестун Е. Православная педагогика : учеб. пособие / Е. Шестун. – М. : Про-Пресс : Правосл. педагогика, 2001. – 559 с.
406. Шеховцова Л.Ф. Элементы православной психологии / Л.Ф. Шеховцова, Ю.М. Зенько. – М. : Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2012. – 248 с.
407. Шкабара И.Е. Древнерусская литература – колыбель педагогической мысли России / И.Е. Шкабара // Современные гуманитарные исследования. – 2007. – № 1. – С. 127–133.
408. Шкуратов В.А. Новая историческая психология / В.А. Шкуратов. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. – 206 с.
409. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии / Г.Г. Шпет // Шпет Г.Г. Сочинения. – М. : Изд-во «Правда», 1989. – С. 217–578.
410. Щеглов А.П. Философское содержание «Палеи Толковой». По материалам русских рукописей : автореферат дис. ... канд. философских наук / Щеглов Андрей Петрович. – М., 1994. – 18 с.
411. Энциклопедия русских обычаев / авт.-сост. Н.А. Юдина. – М. : Вече, 2004. – 382 с.
412. Юнг К.Г. О современных мифах / К.Г. Юнг. – М. : Практика, 1994. – 251 с.
413. Юнг К.Г. Человек и его символы / К.Г. Юнг. – М. : Медков, 2008. – 351 с.
414. Юревич А.В. Методологические и теоретические проблемы психологии. Структура психологических теорий / А.В. Юревич // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 1. – С. 5–13.
415. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии / А.В. Юревич. – 2001. – № 5. – С. 3–19.

416. Юревич А.В. Объяснение в психологии / А.В. Юревич // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. – № 1. – С. 97–106.
417. Юревич А.В. Психология и методология / А.В. Юревич // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 5. – С. 35–47.
418. Язычество / авторы-сост. : А.А. Грицанов, А.В. Филиппович. – Минск : Книжный дом, 2009. – 384 с.
419. Якунин В.А. История психологии / В.А. Якунин. – СПб. : Изд-во Михайлова, 1998. – 376 с.
420. Якунин В.А. Первые психологические лаборатории / В.А. Якунин // Психологический журнал – 1980. – Том 1 – № 2. – С. 113–121.
421. Янушкявичене О.Л. Духовное воспитание в Древней Руси / О.Л. Янушкявичене // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – № 2. – 2008. – С. 110–111.
422. Янчук В.А. Постмодернистский социокультурный интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии / В.А. Янчук // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1. – Выпуск 1. – С. 193–207.
423. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX века / М.Г. Ярошевский. – М. : Изд. центр «Академия», 1997. – 409 с.